

2 РУССКАЯ РЕЧЬ 1985

МАРТ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АПРЕЛЬ

В НОМЕРЕ:

-
- К 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина*
Б. И. Матвеев. Слушая В. И. Ленина (О речах, записанных на грампластинках) 3
В. Н. Фойницкий. Об источнике выражения «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» 13
В. В. Ильенко, Н. В. Рождественская. «Вашим, товарищ, сердцем и именем...» 16
-
- К 150-летию со дня рождения М. А. Ульяновой*
Ф. Г. Панагин. Выдающаяся женщина России 19
-
- В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ**
Н. Н. Кохтев. Публицистическое мастерство
И. И. Скворцова-Степанова 26
-
- ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Т. Г. Орлова. В. Т. Нарезный и его роман «Российский Жилблаз» 32
Л. И. Кашкина. Традиционные риторические приемы в элегии В. А. Жуковского 39
А. Е. Махов. О языке и стиле литературно-критических статей Н. И. Надеждина 45
-
- К уроку литературы*
П. Е. Фокин. Гроза в «Грозе» 51
Л. В. Краснова. Метафора-символ «корабль у А. Блока и В. Маяковского» 57
-
- К 40-летию Великой Победы*
Е. М. Бень. «...Звездная моя земля Россия, Огненным политаая дождем...» 62
-
- Литературная страница*
Лев Успенский. Великий подвиг города Ленина 69
-
- КУЛЬТУРА РЕЧИ**
Г. И. Миськевич. Из истории русского красноречия: «Чтения о словесности» И. И. Давыдова 75
-

ЯЗЫК ПРЕССЫ

В. Г. Костомаров. Крупно-, широко-, полно-...
масштабный 80

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ 79, 83

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Василий Михайлович Истрин (1865—1937) 85

СРЕДИ КНИГ

Проблемы лексикографического анализа языка про-
изведений В. И. Ленина 10

Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических тер-
минов 97

А. И. Мамонов. Пушкин в Японии 99

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ**

З. М. Малина. «Я песнь свою слагаю...» 89

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ

Е. А. Западова. «Война и мир» Л. Н. Толстого на
бирманском языке 93

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

К 800-летию «Слова о полку Игореве»

М. Ф. Гетманец. «Игорь князь в Руской земли» . . . 102

И. О. Князький. «Тьмутороканский болван» . . . 106

А. Н. Холодильни. Автографы Анны Ярославны —
королевы Франции 109

В. Г. Долгушев. Как говорили хлыновцы в
XVII веке 114

Н. П. Саблина, Н. Г. Юсупова. «Было да былшем
поросло» (О судьбе неодушевленных собиратель-
ных существительных на -ие) 117

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. Г. Демьянов. Нашего полку прибыло 122

В. С. Филиппов. Раёк, суфлер 126

А. Я. Опришко. Елизавет Воробей 129

К. А. Чекалов. Петиметр 136

О. Е. Симонова. Врач(ь)ба, леч(ь)ба и цельба . . . 141

М. Ф. Мурьянов. Стогны града 145

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий . . . 150

ХРОНИКА 152

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Овечка» и «кукушка»; Откуда куда в «куда больше»
(гораздо больше)? Не светит и светит 155

Кроссворд 154

На обложке: Рисунок В. Захарова

© Издательство «Наука», Русская речь, 1985 г.

К 115-й годовщине
со дня рождения
В. И. Ленина

Слушая В. И. Ленина

О речах,
записанных на грампластинках

Публицистическое наследие В. И. Ленина с каждым годом привлекает к себе все большее внимание. Особый интерес представляют речи Владимира Ильича, записанные при его жизни на грамофонных пластинках. Считая общение с массами своим партийным долгом, В. И. Ленин только за первые годы Советской власти выступил около 300 раз; 16 выступлений записаны на грампластинках: «III, Коммунистический Интернационал», «Обращение к Красной Армии», «О крестьянах-середняках», «Что такое Советская власть?», «Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов» и другие.

Интересна и поучительна сама история записи речей. Шел 1919 год. В стране разруха, не хватало бумаги. Тиражи газет, в том числе «Правды», сокращались. Отдельные районы страны подолгу оставались без информации. В распространении грамзаписей Владимир Ильич видел важное средство агитационной работы: партия получала возможность говорить с миллионами неграмотных, так как многие крестьяне в то время имели грамофоны. В. И. Ленин ценил живое слово, обращенное к массам, и посоветовал известным государственным, партийным деятелям, писателям записать их выступления на пластинки. Он даже составил список этих лиц: в нем были М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский, А. М. Горький, А. В. Луначарский и др. 29 марта 1919 года В. И. Ленин записал свое первое выступление — обращение к бойцам Красной Армии. Владимир Ильич был очень занят (в Москве проходил VIII съезд партии и I конгресс Коминтер-

на), однако нашел время для тщательной подготовки и записи речи.

Сложность заключалась в том, что по техническим причинам запись должна была продолжаться только три минуты: произносимый текст ограничивался размерами диска. При пробной записи Владимир Ильич делал паузы, и его речь не уместилась на восковой диск. Прощаясь с работниками студии, он сказал, что в следующий раз тщательно подготовится. И действительно, через месяц, на втором сеансе звукозаписи, В. И. Ленин произнес речь, которая длилась ровно три минуты. Потом рассказал, что дома с хронометром репетировал свое выступление. Владимир Ильич специально составил несколько тематических текстов-«трехминуток». Это один из многочисленных примеров высокой культуры труда Ленина, его организованности, точности, аккуратности.

*

Речи В. И. Ленина, записанные на грампластинках, пользовались большим спросом у народа. Каждое его выступление — «О крестьянах-середняках», «Что такое Советская власть?», «О продналоге» и др. — классический образец ораторского искусства, подкупающий своей страстностью, логичностью, простотой и ясностью изложения. Известно, что пропагандист не только сообщает слушателям или читателям определенную информацию, но и убеждает их в правильности своих идеологических позиций. Анализируя мастерство пропагандиста, В. И. Ленин отмечал, что его задача «...наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» (Полн. собр. соч. Т. 24, с. 21).

Техника работы В. И. Ленина над своими произведениями еще мало изучена. Можно только сказать, что опубликованию каждой статьи, брошюры, книги, публичному выступлению предшествовал огромный труд. Вот что об этом писала Н. К. Крупская: «Несмотря на то, что Ленин обладал громадными знаниями, что у него был обширный опыт как у пропагандиста..., он к каждому своему выступлению, к каждому докладу, к каждой лекции тщательно готовился» (О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 159).

Работу над своими произведениями В. И. Ленин обычно начинал с выбора соответствующего заглавия, так как оно не только называет тему произведения, но и выражает отношение автора к содержанию, например: «Что такое Советская власть?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Партийная организация и партийная литература». Названия при этом всегда конкретны и вместе с тем содержат партийную оценку событий, явлений: «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Крепостники за работой» и т. д.

Умение В. И. Ленина писать просто и убедительно проявляется в его манере изложения мыслей. Он часто практиковал стремительное, внезапное начало, сразу вводящее слушателя в курс дела. Так, речь «Что такое Советская власть?» начинается с вопроса, поставленного в заглавии, и все изложение подчинено задаче возможно полнее и доходчивее ответить на него: «Что такое Советская власть? В чем заключается сущность этой новой власти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве стран?» (т. 38, с. 238). Вопросительные предложения точно соответствуют жанру устного выступления, способствуют популярности изложения. Ответ на эти вопросы содержится в следующем предложении: «Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что прежде государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал» (там же).

Ленин придавал большое значение форме своих произведений, их композиционной стройности, доступности самым широким читательским массам. В первом абзаце этой речи ставится вопрос о сущности Советской власти и содержится ответ на него; во втором обосновывается неизбежность победы пролетариата во всем мире; в третьем раскрывается организаторская, созидательная функция Советов. В заключительной части, как правило, подводятся итог ранее сказанному. Здесь концовка, четвертый абзац, звучит не только как научное определение, но и как лозунг: «Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый» (т. 38, с. 239).

Язык произведений В. И. Ленина не только прост, лаконичен, но и необыкновенно богат. Он вобрал в себя лучшие достижения русской классической литературы, и прежде всего революционно-демократической публицистики. В анализируемой речи можно встретить общеупотребительную лексику, устойчивые словосочетания, неологизмы. Пропагандируя марксизм среди широких трудящихся масс, В. И. Ленин не мог обойтись и без терминологической лексики (философской, политической, экономической). Наряду с исконно русскими словами *мир*, *земля*, *слово* в речи содержится довольно значительный класт интернациональной лексики, вызванной к жизни международным рабочим движением: *класс*, *коммунизм*, *организация*, *республика*, *социализм*, *демократический*.

Простоту и популярность стиля В. И. Ленин учил отличать от популярничанья. Он не допускал нарочитого «упрощения» языка, его псевдонародности, примитивизма в изложении сложнейших проблем, решительно выступал против манеры некоторых литераторов приспособляться к языку рабочих. Ленинская простота изложения — это сочетание всего богатства русского литературного языка с разговорными интонациями живой речи, ее эмоциональными оттенками.

Отбор лексики определяется не только установкой на простоту и доходчивость изложения, но и глубокой партийностью В. И. Ленина-оратора. Задаче противопоставления двух миров (капитализма и социализма), показа неизбежности победы Советской власти во всем мире служат, в частности, антонимические ряды в словнике названной речи: *прежде — теперь*, *эксплуататор — трудящийся*, *прошлое — будущее*, *меньшинство — большинство*.

В целях увеличения смысловой емкости речи и ее экспрессивности В. И. Ленин прибегает к синонимам, которые могут располагаться в порядке восходящей градации, усиливающегося значения: «...езде в мире слово „Совет“ стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся» (т. 38, с. 238). Часто используются однородные члены предложения — лексические ряды: «Советская власть не чудесный талисман. Она не излечивает сразу от недостатков прошлого, от безграмотности, от некультурности, от наследия дикой войны, от наследия грабительского капитализма» (т. 38, с. 239). Здесь каждое новое слово в ряду перечисления усиливает мысль, сообщает ей ритмичность.

Эффективным средством мобилизующего воздействия на аудиторию является анафора, цель которой — выдвинуть повторяющиеся слова, как самые важные, на первое место, обратить на них внимание: «Даже в самой демократической, даже в самой свободной республике, пока остается господство капитала, пока земля остается в частной собственности, государством всегда управляет небольшое меньшинство, взятое на девять десятых из капиталистов или из богатых» (т. 38, с. 238). Этой же цели служат и повторы ключевых слов и словосочетаний: «Но зато она дает возможность переходить к социализму. Она дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше в свои руки все управление государством, все управление хозяйством, все управление производством» (т. 38, с. 239).

*

В. И. Ленин учил всякое явление рассматривать исторически, «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (т. 39, с. 67). Этому правилу он остается верен и в своих речах-миниатюрах, несмотря на их предельную краткость. Так, большая часть речи «III, Коммунистический Интернационал» посвящена прошлому, то есть характеристике I и II Интернационалов.

В. И. Ленин показывает, что идеи I Интернационала живут и побеждают сегодня: «Он незабываем, он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение. Он заложил фундамент того здания всемирной социалистической республики, которое мы имеем теперь счастье строить» (т. 38, с. 230). Предательство лидеров II Интернационала не могло остановить поступательный ход истории: «Массы рабочих отвернулись от этих изменников социализма. Во всем мире начался поворот к революционной борьбе. Война показала, что капитализм погиб» (т. 38, с. 231).

Здесь используются разные приемы стилистического синтаксиса, например повтор, градация: «Когда началась в 1914 году война, залившая землю кровью в течение четырех лет, война между капиталистами из-за дележа прибылей, из-за власти над малыми и слабыми народами, эти

социалисты перешли на сторону своих правительств. Они изменили рабочим, они помогли затянуть бойню, они стали врагами социализма, они перешли на сторону капиталистов» (т. 38, с. 230). Исключительно напряженная эмоциональная атмосфера речи создается повторением слов *война, они* и расположением глагольных словосочетаний по степени усиления действия: *изменили рабочим; помогли затянуть бойню; стали врагами социализма; перешли на сторону капиталистов.*

Революционным оптимизмом проникнуто «Обращение к Красной Армии». Разоблачая иностранных интервентов, Владимир Ильич убедительно доказывает историческую обреченность их преступного дела: «Красная Армия сплотилась, поднялась, прогнала помещичьи войска и белогвардейских офицеров от Волги, отвоевала Ригу, отвоевала почти всю Украину, подходит к Одессе и к Ростову. Еще немного усилий, еще немного месяцев борьбы с врагом, и победа будет за нами» (т. 38, с. 234). И здесь, как видим, эмоциональность речи создается повторами и с помощью градации.

Далее обосновываются причины непобедимости Красной Армии: «Красная Армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть.

Красная Армия непобедима, ибо она объединила миллионы трудовых крестьян с рабочими, которые научились теперь бороться, научились товарищеской дисциплине, не падают духом, закаляются после небольших поражений, смелее и смелее идут на врага, зная, что близко полное его поражение» (там же).

*

Вопрос об отношении к крестьянину-средняку был в то время одним из узловых вопросов революции. Поэтому он занимал такое большое место в «трехминутках» Ленина. В том же «Обращении к Красной Армии» Владимир Ильич изложил политику партии по отношению к средняку, направленную на укрепление союза рабочего класса и крестьянства: «Средний крестьянин не враг, а друг рабочего, друг Советской власти. К среднему крестьянину сознательные рабочие и действительно советские люди относятся как к товарищу. Средний крестьянин не грабит чужого труда, не наживается на чужой счет, как кулаки,

средний крестьянин трудится сам, живет своим трудом. Советская власть подавит кулаков, очистит деревню от тех, кто несправедливо относится к средним крестьянам, проведет во что бы то ни стало союз рабочих со всем трудящимся крестьянством — и беднейшим и средним» (т. 38, с. 235).

Концовка речи звучит как призыв: «Товарищи красноармейцы! Стойте крепко, стойко, дружно! Смело вперед против врага! За нами будет победа. Власть помещиков и капиталистов, сломленная в России, будет побеждена во всем мире!» (там же).

Укреплению союза рабочего класса с крестьянством посвящена и речь «О крестьянах-середняках». Обращаясь к конкретной аудитории — крестьянам, В. И. Ленин говорит простым и доходчивым языком: «Теперь самым главным вопросом, который стоит перед партией коммунистов, который больше всего привлек к себе внимания на последнем партийном съезде, является вопрос о крестьянах-середняках... И вот со средним крестьянином Советская власть твердо решила во что бы то ни стало установить отношения полного мира и согласия...

Именно поэтому мы должны знать и помнить и проводить в жизнь, что рабочие-коммунисты, появляющиеся в деревне, обязаны искать товарищеских отношений со средним крестьянином, обязаны устанавливать товарищеское отношение с ним, обязаны помнить, что трудящийся, который не эксплуатирует чужого труда, есть товарищ рабочего и с ним можно и должно достигнуть добровольного, полного искренности, полного доверия союза» (т. 38, с. 236—237). Доверительный, задушевный тон выступления, простота изложения вопроса привлекали внимание слушателей. Делегат VII Всероссийского съезда Советов от Калужской губернии В. И. Тутелев рассказывает: «В деревнях по воскресеньям в школы собиралось множество крестьян с детьми послушать привезенные мною пластинки. Речь вождя слушали, затаив дыханье, сняв шапки. Слово Ленина, его живой голос... приходили послушать из самых дальних деревень».

Чтобы быть предельно понятным аудитории, В. И. Ленин редко употреблял иностранные слова, прибегая к ним только в случае необходимости. Он не оставлял без объяснения ни одного трудного слова. Об этом, в частности, говорит название речи «О продовольственном налоге или

продналоге», в котором расшифровывается новое для того времени слово *продналог* (т. 43, с. 246).

Поражает искусство В. И. Ленина немногими словами сказать многое. Речи-«трехминутки» посвящены злободневным политическим и экономическим проблемам в сложнейший для страны период: трудовой дисциплине, отношению к середняку, продовольственному налогу, концессиям и т. д. Эти же темы, как известно, освещены Лениным в статьях и докладах. Весной 1921 года по вопросу о замене продразверстки продналогом Владимир Ильич сделал три доклада, выступил также с докладом о концессиях, написал брошюру «О продовольственном налоге» (см.: т. 43).

Однако речи В. И. Ленина, записанные на граммофонных пластинках, не являются конспективным изложением его статей и докладов на те же темы. Подготовленные специально, они представляют собой высокие образцы публичных выступлений. Предельная краткость сочетается в них с необыкновенной глубиной раскрытия поставленных проблем, точность формулировок с эмоциональностью изложения материала. Слышавшие лично В. И. Ленина были покорены его ораторским мастерством. А. М. Горький, например, вспоминал: «Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто». В. И. Ленин «не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл» (сб. Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1, М., 1956).

Б. И. МАТВЕЕВ,

*доцент Академии общественных наук
при ЦК КПСС*

СРЕДИ КНИГ

**ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ЯЗЫКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В. И. ЛЕНИНА**

Этот сборник, выпущенный издательством «Наука» в 1984 году, — третий коллективный

труд составителей Словаря языка В. И. Ленина. Он знаменует собой важный этап в работе по лексикографической интерпретации языкового наследия великого мыслителя и политического деятеля эпохи (Первая книга — «Слово в языке произведений В. И. Ленина». М., 1979; вторая — «Исследования по языку и стилю произведений В. И. Ленина». М.,

1981). Уже создана полная картотека Словаря, составлен его словник, определены теоретические и практические основы, которыми руководствуются составители в своей работе. Все эти данные говорят о том, что ответственный труд лексикографов имеет прочный и надежный фундамент.

*

Рассматриваемый сборник открывается статьей П. Н. Денисова «О теоретических проблемах Словаря языка В. И. Ленина». Остановившись на методах работы над Словарем, автор подчеркивает необходимость установления связи слова с понятием и, что особенно важно, с социально-классовой сущностью явления и факта. Слово В. И. Ленина рассматривается не изолированно, а в соотношении с языком эпохи (конца XIX — первых десятилетий XX века) и с теми тенденциями развития русского литературного языка, которые реализовались в последующее время. Тем самым наглядно обнаруживается вклад, который внес В. И. Ленин в совершенствование научного и публицистического стилей, в общественно-политическую терминологию.

*

Вполне закономерно, что во многих материалах сборника речь идет о лексике, свойственной марксистской философии, теории и практике научного коммунизма. Вопрос о терминах общественно-политической сферы рассмотрен в статье В. П. Даниленко «Специальная лексика в произведениях В. И. Ленина». Здесь при-

ведены ленинские толкования слов *классы, диктатура пролетариата, коммунизм, социализм* и др.

Проблемы специальной лексики освещаются и в других публикациях сборника. Ю. А. Бельчиков в статье «Замечания В. И. Ленина о словах как историко-лексикологический источник» основное внимание уделяет ленинской трактовке политических и социально-экономических терминов. Сама оценка В. И. Лениным широким употребительных терминов общественной сферы становилась действенным приемом полемики. Л. Э. Князева («Слово „болото“ как семантическое заимствование») рассказывает об употреблении В. И. Лениным слова *болото*, о развитии его смысла и формировании терминологического значения, которое реализуется главным образом в научных и публицистических произведениях Владимира Ильича. В статье Е. В. Карпинской «Лексика промыслов и кустарной промышленности в трудах В. И. Ленина по экономике дореволюционной России» анализируются слова, называющие отдельные хозяйственные отрасли.

Вопросы словообразования представлены в статьях В. Н. Хохлачевой «Типология значений одноструктурных лексических единиц применительно к Словарю языка В. И. Ленина» и Л. П. Катлинской «Проблема толкования потенциальных слов (На материале приставочных образований с *не-, без-, анти-* и *противо-*)». Здесь предлагается принцип толкования слов по словообразовательному признаку (с учетом особенностей их функционирования в произведениях В. И. Ленина и

отражения в толковых словарях русского языка).

*

Обращение к литературному языку ленинской эпохи прослеживается в статьях, где привлекаемый материал анализируется в аспекте системных связей и стилистической окрашенности. Так, Е. М. Алехина («Синонимия имен прилагательных в языке произведений В. И. Ленина») выявляет часть слов, которые могут иметь синонимические определения. Автор показывает особенности самого синонимического ряда в языке произведений В. И. Ленина сравнительно с данными словарей синонимов.

В статье Е. Л. Лилеевой «О некоторых особенностях лексики языка В. И. Ленина» главное внимание уделено лексике, которая не нашла отражения в современных толковых словарях русского языка; таких единиц насчитывается более четырех тысяч. Выделены отдельные группы: иностранные слова; старославянизмы; диалектизмы; собственные имена литературных героев в значении нарицательных; слова, образованные от собственных имен (в том числе государственных и политических деятелей). Отмечена специфика использования этих слов В. И. Лениным.

*

Особенности авторского стиля обнаруживаются не только при анализе словоупотребления, но и в различного рода ленинских комментариях. Об этом пишет В. В. Бакеркина — «Виды пояснений в текстах

произведений В. И. Ленина». Приведены логические и лексические комментарии, справки о происхождении слов, объяснения сложносокращенных слов, пояснения-антитезы, принадлежания В. И. Ленину.

Вопрос о контексте как цитате в словарной статье ставится Т. Ф. Ивановой («Особенности иллюстрирования в Словаре языка В. И. Ленина»). Автор подчеркивает, что в Словарь впервые вводится разнообразный по жанру материал, принципы подачи которого еще недостаточно разработаны в общей лексикографии.

Вопросы, связанные с контекстом, поднимаются также Л. А. Морозовой — «Пословицы как объект лексикографического описания». Здесь показана оценочная функция (положительная или отрицательная), которую выполняют пословицы, используемые В. И. Лениным. Приведены разные варианты их, в том числе такие, где компоненты разделены свободными сочетаниями. Отмечаются некоторые слова, использованные В. И. Лениным только в составе пословиц.

В сборнике «Проблемы лексикографического анализа языка произведений В. И. Ленина» рассмотрены теоретические и практические вопросы лексикографии применительно к составлению Словаря В. И. Ленина. Данная книга будет интересна для ученых — филологов и историков, а также для аспирантов и студентов филологических и исторических факультетов.

*Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ,
доктор филологических наук*

Об источнике выражения «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»

В заключительной главе «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин писал о необходимости диалектически рассматривать развитие партийной борьбы: «Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...» (Полн. собр. соч. Т. 8, с. 400). В этой же книге В. И. Ленин анализировал статью Г. В. Плеханова «Чего не делать» с ее абстрактными положениями и другие «заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой»: «Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна» (т. 8, с. 357).

Отвечая на статью Р. Люксембург по поводу книги «Шаг вперед, два шага назад», В. И. Ленин отмечал: «Она повторяет лишь голые фразы, не давая себе труда уяснить их конкретный смысл... ее статья противоречит азбуке диалектики. Эта азбука утверждает, что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна» (т. 9, с. 47).

В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин требовал применения основного принципа материалистической диалектики при осуществлении тактики и политики партии: «Конкретные

политические задачи надо ставить в конкретной обстановке... Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна» (т. 11, с. 75). На этом же он настаивал и в брошюре 1906 года «Победа кадетов и задачи рабочей партии»: «Мы не отрицаем общего положения, но требуем особого анализа условий конкретного приложения этих общих принципов. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (т. 12, с. 304).

*

В начале 1921 года в ходе дискуссии о профсоюзах В. И. Ленин всесторонне показал их роль, значение и задачи. Подчеркивая необходимость освещения этого вопроса с учетом реальных условий и взаимодействия всех его граней и связей, он указывал: «... диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна“, как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов» (т. 42, с. 290).

Излагая учение великого немецкого философа о диалектике, Г. В. Плеханов не раз ссылался на это выражение. В вышедшей с разрешения царской цензуры в 1895 году книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он писал: «Но мы уже знаем: *отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна*»; «По-вашему, община хороша всегда и везде, а по-нашему, отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна, все зависит от обстоятельств времени и места» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. 1, с. 656, 717). Г. В. Плеханов мог только намекнуть на то, кому это выражение принадлежит в действительности: «... по словам автора „Очерков гоголевского периода русской литературы“... отвлеченной истины нет; истина всегда конкретна...» (там же, т. 1, с. 709). Имя автора «Очерков» — Н. Г. Чернышевского — до революции 1905 года было запрещено в печати.

В. И. Ленин хорошо знал очерк Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», в котором отмечалось: «Припомним, как он излагал взгляды Гегеля в „Очерках гоголевского периода русской литературы“: „Отвлеченной истины нет, истина конкретна...“» (там же, т. 4, с. 138).

В 6-й статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» указывалось: «... каждый предмет, каждое явление имеет свое собственное значение, и судить о нем

должно по соображению той обстановки, среди которой оно существует; это правило выражалось формулой: „отвлеченной истины нет; истина конкретна“, т. е. определенное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит... Таков смысл аксиомы: „отвлеченной истины нет; истина конкретна“ — конкретно понятие о предмете тогда, когда он представляется со всеми качествами и особенностями и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей (как представляет его отвлеченное мышление, суждения которого поэтому не имеют смысла для действительной жизни)» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 3, с. 208).

*

Создателем выражения «Отвлеченной истины нет; истина конкретна», вероятнее всего, следует считать самого Н. Г. Чернышевского, оттолкнувшегося, возможно, от следующего тезиса Гегеля: «Хотя абсолютное и есть мышление, оно, однако, чтобы быть истинным, должно быть внутри себя не абстрактным, а конкретным...» (Гегель. Сочинения. Т. XI, с. 79). Из писем Н. Г. Чернышевского известно, с какими стараниями он разыскивал все попавшие в Россию гегелевские труды и как тщательно их изучал.

Следует подчеркнуть, что афоризм «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (через Н. Г. Чернышевского, очевидно, исходившего из тезиса Гегеля, и Г. В. Плеханова) в трудах В. И. Ленина наполнился новым углубленным содержанием и смыслом и рассматривается ныне как один из основных принципов материалистической диалектики (диалектической логики).

В. Н. Фойницкий
Ленинград

«Вашим, товарищ, сердцем и именем...»

Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и жнивьем,
вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!

В. В. Маяковский.
Разговор с товарищем Лениным

Советский народ, идущий по ленинскому пути, свято чтит память великого вождя. Всесоюзный Коммунистический Союз Молодежи и Всесоюзная пионерская организация — молодость страны — носят имя В. И. Ленина. Именем великого сына России названы города и села, заводы и шахты, фабрики и электростанции, водные пути и вершины гор. От всемирно известного псевдонима нашего вождя в современном русском языке образованы десятки слов, в которых воплотились творческое начало, свойственное личности Владимира Ильича, созидательный дух его учения.

Уже в первом советском «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова зафиксированы такие производные от ленинского имени слова, как *ленинец*, *ленинизм*, *ленинка* (жен. род от *ленинец*), *ленинский*. В словник первого издания 4-томного «Словаря русского языка» вошли слова *ленинец*, *ленинизм*, *ленинский*. А 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» наряду со словами *ленинский*, *ленинизм*, *ленинец*, *марксизм-ленинизм*, *марксистско-ленинский* дает наречие *по-ленински*. В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, посвященном исследованию неологизмов 60-х годов, находим слова *Лениниана*, *лениновед*, *историк-лениновед*, *кинолениниана*, *фотолениниана*.

Каждый год публикуются словари под рубрикой «Новое в русской лексике» под редакцией Н. З. Котеловой. Эти работы помогают обозначить хронологию возникновения и распространения новых слов и значений в речи. В выпусках «Словарные материалы—78» (М., 1981) и «Словарные материалы—79» (М., 1982) отмечено, что определение *ленинский* используется в настоящее время для характеристики целого ряда новых понятий: *ленинский* *месячник*, *ленинский* *урок*, *ленинская* *вахта*. А в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (по материалам прессы и литературы 70-х годов), вышедшем в 1984 году, зафиксированы словосочетания: *ленинский* *зачет*, *ленинский* (*коммунистический*) *субботник*.

Данные словарных статей свидетельствуют о том, что пласт производных от ленинского имени — развивающаяся и обновляющаяся часть лексики русского языка. Наиболее последовательно используются и функционально закрепляются эти слова и сочетания слов в газетно-публицистическом и научном стилях речи. Причем самой важной сферой их функционирования стала политика и идеология: *марксистско-ленинское учение*; *марксистско-ленинская теория*; *марксистско-ленинская философия*; *марксистско-ленинская этика*; *марксистско-ленинская эстетика*; *большевик-ленинец*; *интернационалист-ленинец*; *коммунист-ленинец*; *революционер-ленинец*.

Слова, образованные от имени Ленина, в составе отдельных словосочетаний определяют понятия внутренней и внешней политики нашей партии и государства: *ленинская* *политика* *КПСС*; *ленинская* *стратегия* *и тактика*; *ленинская* *внутренняя* *и внешняя* *политика* *КПСС*; *ленин-*

ский миролюбивый внешнеполитический курс КПСС; ленинская стратегия мира; ленинская национальная политика КПСС; ленинская дружба народов; ленинские позиции; ленинские принципы партийного строительства; ленинский план построения социализма в СССР; ленинский кооперативный план; ленинская концепция мирового революционного процесса; ленинская школа государственного управления; ленинский курс; ленинское знамя. Отмечаются также названия форм и методов работы по идеологическому воспитанию трудящихся: ленинская вахта — ударный труд в честь празднования дня рождения В. И. Ленина; ленинский месячник — мероприятие, посвященное годовщине со дня рождения В. И. Ленина; ленинский зачет — собрание комсомольцев и молодежи какого-либо учебного заведения, предприятия и т. д., на котором каждый отчитывается о выполнении своего личного плана по изучению произведений В. И. Ленина, в своей учебе, производственной и общественной работе; ленинские чтения — мероприятия, посвященные изучению творческого наследия В. И. Ленина; ленинский (коммунистический) субботник — Всесоюзный коммунистический субботник, проводимый в один из выходных дней второй половины апреля (субботу) в честь дня рождения В. И. Ленина (22 апреля); Ленинский университет миллионов — название телевизионной передачи.

Говоря о словах, образованных от имени В. И. Ленина, нельзя не сказать и о такой сфере их функционирования, как устное народное творчество. Краткие, емкие по форме, устойчивые поэтические сочетания содержат глубокие мысли об учении В. И. Ленина. Приведем примеры из сборников пословиц и поговорок: Ленинская правда светлее солнца; Ленинское слово — всем делам основа; От ленинского маяка свет виден издалека (За край свой насмерть стой. Пословицы и поговорки народов СССР. М., 1974); По-ленински жить — народу служить (Русские пословицы и поговорки. М., 1973).

Слова, сочетания слов, пословицы и поговорки, рожденные от ленинского имени, — необыкновенный по яркости и выразительности языковой памятник Ильичу, нашему вождю и учителю.

В. В. ИЛЬЕНКО,
доктор филологических наук
Н. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

*К 150-летию
со дня рождения
М. А. Ульяновой*

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНА РОССИИ

Среди выдающихся женщин России немеркнущим именем является имя Марии Александровны Ульяновой — матери организатора и вождя нашей партии и Советского государства В. И. Ленина, а также его братьев и сестер, жизнь и деятельность которых целиком отданы борьбе за демократию, социализм и коммунизм.

Жизнь М. А. Ульяновой — это подвиг. О ней написаны книги, созданы произведения театрального, музыкального, изобразительного, кинематографического искусства. Ее имя носят учебно-воспитательные и другие учреждения. Повсюду, где проживала семья Ульяновых или отдельные члены этой семьи, советские люди свято берегут память о них.

М. А. Ульянова родилась в Петербурге (Ленинграде) 22 февраля (6 марта) 1835 года в интеллигентной семье

Александра Дмитриевича и Анны Ивановны Бланк. Отец Марии Александровны А. Д. Бланк происходил из русских мещан Волынской губернии. Окончив Петербургскую медико-хирургическую академию, он получил звание лекаря. Одновременно из лиц податного сословия А. Д. Бланк был переведен в купеческое, а к концу своей службы, через 20 с лишним лет, получил звание потомственного дворянина. А. Д. Бланк был прогрессивным врачом своего времени; за успешную и безупречную службу был произведен в штаб-лекари и признан «медиком-хирургом». Много внимания он уделял физическому развитию и лечению учащихся гимназий и других учебных заведений, за которыми наблюдал по долгу службы. Что касается воспитания своих детей, то Александр Дмитриевич делал все, чтобы они росли физически и нравственно здоровыми: он являлся горячим поклонником «спартанского воспитания». В семье поощрялись занятия спортом, простая пища, самодисциплина. Младшая дочь М. А. и И. Н. Ульяновых Мария Ильинична писала, что суровое, простое, чуждое всякого баловства и барства воспитание сформировало характер Марии Александровны, сделало ее выносливой и терпеливой.

А. Д. Бланку пришлось трудиться в разных местах: и в глуши Смоленской губернии, и в Петербурге (в течение восьми лет бесплатно работал в Маринской больнице), и на Урале — в Перми и Златоусте. Несмотря на свои большие знания и способности, он был в известной мере неудачником. Выйдя в 1847 году в отставку, доктор Бланк приобрел (в основном на деньги сестры жены) небольшое имение близ деревни Кокушкино под Казанью, куда и переехала семья. Здесь он занимался сельским хозяйством и постоянно оказывал медицинскую помощь окрестному крестьянству. Мария Ильинична вспоминала о своем дедушке, что он был человек передовой, сильный и самостоятельный, чуждый всякого карьеризма и прислужничества. А Мария Александровна о нем отзывалась так: любитель чтения, веселый собеседник, хороший шахматист, большой шутник.

Мать М. А. Ульяновой Анна Ивановна происходила из состоятельной, купеческой семьи. Она преждевременно скончалась, оставив сына и пять дочерей. Младшие дочери Мария и Софья были еще совсем маленькими (первой — три, а второй — два года). В воспитании детей важную роль сыграла сестра Анны Ивановны —

Екатерина Ивановна Эссен, образованная женщина, хорошо знавшая музыку и владевшая несколькими европейскими языками; ранее она служила гувернанткой. «Танта Екатерина», как ее звали племянники, была строгой, волевой, требовательной, энергичной женщиной с твердым характером.

Мария Александровна большую часть своего детства провела в деревне. Она получила домашнее образование, так как отец был противником закрытых женских учебных заведений, к тому же обучение в них стоило немалых средств, которыми семья не располагала. М. А. Ульянова изучила три иностранных языка — немецкий, французский и английский; прекрасно играла на рояле: исполняла произведения Верстовского, Глинки, Бетховена, Шопена и других композиторов. Марии Александровне в молодые годы нередко приходилось бывать в учительских семьях и заниматься обучением грамоте детей, а также подготовкой их для поступления в гимназии. Она была попечительницей одной из начальных школ; многое сделала для улучшения работы Кокушкинской школы, которая ныне носит ее имя.

М. А. Ульянова также мечтала стать учительницей и упорным трудом добилась этой цели. В 1863 году в Самарской мужской гимназии экстерном она держала экзамены и получила драгоценное «свидетельство», в котором говорилось: «Дано сие дочери надворного советника девице Марье Бланк в том, что, вследствие поданного ею прошения о желании получить право на первоначальное обучение чтению и письму по-русски, немецки и по-французски, она была допущена к испытанию в Самарской гимназии и оказала в Законе божием, русском языке, арифметике, немецком и французском языках вполне удовлетворительные сведения. А потому ей, Бланк, и дано право на преподавание вышеупомянутых предметов, но без выгод и преимуществ, предоставленных званию домашних учительниц».

*

По воспоминаниям семьи Ульяновых и современников, Мария Александровна была очень красива: правильные черты лица, умные и выразительные глаза; во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка, цельность.

В августе 1863 года Мария Александровна вышла замуж за Илью Николаевича Ульянова, работавшего в ту пору старшим преподавателем математики и физики в Пензенском дворянском институте (статья, посвященную 150-летию со дня рождения И. Н. Ульянова см.: Панагин Ф. Г. Выдающийся русский педагог-организатор.— Русская речь, 1981, № 4). Начался новый период в жизни Марии Александровны. Воспитание и образование детей, забота об их благополучии и здоровье составляли ее жизнь. Следуя заветам отца, лучшим традициям народа, философским воззрениям А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, она вносила в семью дух высокой нравственности и гуманизма. Большой педагогический такт, отсутствие малейшей нервозности — все это было характерным для повседневного отношения Марии Александровны к своим детям. В их семье всегда господствовала сердечная, теплая атмосфера; внимание и ласка родителей делали детство счастливым, и это достигалось прежде всего благодаря матери, которая уделяла детям весь свой досуг.

Учительница и близкий друг семьи Ульяновых В. В. Кашкадамова в своих воспоминаниях пишет, что Илья Николаевич, всецело ушедший в школьную работу, не мог достаточного времени уделять домашним делам. Все заботы о хозяйстве и семье лежали на Марии Александровне; работу свою она исполняла спокойно, даже замечания и выговор детям делала не волнуясь, с улыбкой, и кратких замечаний было достаточно, чтобы дети слушались ее. Они любили и уважали свою мать.

В семье Ульяновых широко пользовались педагогической литературой. Это произведения К. Ушинского, Н. Пирогова, В. Водовозова, Н. Бунакова, Д. Тихомирова, Я. Коменского и других. Они выписывали периодические издания по педагогике: «Журнал Министерства народного просвещения», «Циркуляры Казанского учебного округа», «Народная школа», «Русский начальный учитель», «Учитель», «Педагогический листок» (приложение к журналу «Детское чтение»), «Педагогическая хроника» (приложение к журналу «Семья и школа»), «Воспитание и обучение», «Современник», разные детские журналы. Из художественных произведений в домашней библиотеке Ульяновых были сочинения русских и зарубежных классиков, книги по истории, политэкономии, социальным во-

просам, естествознанию, географии, а также различные учебные пособия.

Мария Александровна всегда находила время для учебно-воспитательных занятий с детьми. Она научила их чтению в раннем возрасте и сама много им читала. Володя, например, выучился чтению у матери примерно пяти лет и охотно читал журнал «Детское чтение». Книги и журналы были повседневными спутниками М. А. Ульяновой. Она прекрасно знала русскую литературу, а владение иностранными языками позволяло ей без перевода читать классические произведения зарубежных писателей. Она перевела несколько небольших рассказов и для печати. Из отечественной периодики любила читать «Исторический вестник».

Имея хорошую память, Мария Александровна знала наизусть немало произведений поэтов и декламировала их детям. Это были «Демон» и «Мцыри» М. Ю. Лермонтова, революционно-демократические произведения Н. А. Некрасова, стихи К. Ф. Рыльева. На слова поэта-петращевца А. Н. Плещеева детьми была разучена песня, которую особенно любил петь Илья Николаевич:

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

М. А. Ульянова имела широко развитый художественный вкус и свои эстетические идеалы передала детям. Она не была религиозной, так как воспитывалась не в богомольной семье; редко посещала церковь в Кокушкине и Симбирске и еще реже в последующий период, а в более поздние годы совсем порвала связи с церковью, что в значительной степени было связано с материалистическим, атеистическим мировоззрением ее детей.

Методы воспитания детей в семье Ульяновых во многом являются образцом и для современной советской семьи. В документах нашей партии и государства о реформе школы указывается, что следует усилить помощь семье и одновременно поднять ее ответственность за воспитание подрастающего поколения. Любовь к труду, подготовка детей к общественно полезной деятельности, приучение к порядку, дисциплине, забота о физическом развитии и здоровье — все это было характерно для семейной педаго-

гики Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых, для этой славной семьи, вырастившей В. И. Ленина, его незаурядных братьев и сестер.

*

Жизнь М. А. Ульяновой, наряду с семейными радостями, была полна многими переживаниями и страданиями, которые она переносила стоически, проявляя удивительную выдержку и силу воли. В 1886 году на 55-м году жизни, скоропостижно скончался Илья Николаевич. Через год с небольшим после этого печального события по делу о покушении на царя были арестованы Александр и Анна Ульяновы. Узнав об этом, Мария Александровна сразу же выехала в Петербург. Она привезла своим старшим детям не укор, а горячую материнскую любовь. Но все ее хлопоты были напрасными. Потеряв всякую надежду что-либо сделать для сына, она простилась с ним последним словом: «мужайся». Александр и его четыре товарища-революционера были казнены.

Вся жизнь Марии Александровны и жизнь ее детей оказались под неусыпным оком полиции и жандармерии. К тому же от семьи Ульяновых отшатнулись некоторые знакомые и все так называемое «либеральное общество» Симбирска. Потребовались новые усилия воли и самообладания. Вскоре М. А. Ульяновой пришлось перенести третью утрату. В 1891 году от брюшного тифа скончалась дочь Ольга — слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов, готовившаяся стать учительницей. В последующие годы М. А. Ульянова пережила девятнадцать арестов своих детей, множество тюремных заключений, а также ссылок, и вынужденной эмиграции В. И. Ленина. Однако Мария Александровна всегда сочувствовала революционной деятельности своих детей, их интересы были ее интересами, их борьба за дело рабочего класса — ее борьба. Она провела немало времени в холодных приемных полицейских, жандармов, прокуроров, следователей, судей, царских сановников по делам своих детей.

Личность М. А. Ульяновой как человека, матери, единомышленницы своих детей особенно ярко проявляется в письмах к ней В. И. Ленина, опубликованных в Полном собрании сочинений. В ста пятидесяти письмах со всей силой и яркостью проявляется любовь и привязанность

братьев и сестер к своей матери, близость, единство их деятельности и судьбы.

Владимиру Ильичу всегда хотелось, чтобы мать жила с ним, но это трудно было выполнить по ряду причин. Во-первых, не позволяли тюрьмы, ссылки и эмиграция, которые многие годы являлись мрачным уделом жизни В. И. Ленина. Во-вторых, Мария Александровна постоянно находилась с теми из своих детей, которым была нужна первоочередная и «скорая помощь», а в ней нередко нуждалась младшая дочь Мария и другие дети. Мария Александровна всю жизнь кочевала с детьми из края в край, из города в город. Она даже приезжала к Владимиру Ильичу в период его эмиграции — во Францию и Швецию. В 1910 году в Стокгольме ей довелось в первый и последний раз слышать речь Владимира Ильича на собрании русских рабочих-эмигрантов.

Незадолго до своей кончины Мария Александровна (умерла в июле 1916 г.) как-то сказала Марии Ильиничне: «Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут жить тогда люди».

Она умерла в преддверии победы великого дела своего сына.

Ф. Г. ПАНАЧИН,
первый заместитель министра
просвещения СССР

Основная литература

Любящий тебя В. Ульянов. Письма В. И. Ленина матери. М., 1972.

Ульянова М. И. О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1978.

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М., 1971.

Семья Ульяновых. [Очерки]. М., 1982; 2-е изд. М., 1984.

Вечтомова Е. Повесть о матери. О Марии Александровне Ульяновой. М., 1978.

Иванский А. И. Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964.

Печерникова И. Величие души.— В кн.: Печерникова И. Вечный пример. М., 1981.

**В ПОМОЩЬ
ПРОПАГАНДИСТУ**

ПУБЛИЦИСТИ- ЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО И. И. СКВОРЦОВА- СТЕПАНОВА

Соратник В. И. Ленина, видный партийный и государственный деятель, талантливый публицист и пропагандист Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870—1928) в годы первой русской революции был одним из руководителей Московской партийной организации, в Октябрьские дни 1917 года входил в Московский Военно-революционный комитет, затем занимал различные государственные посты.

Чрезвычайно широк был круг интересов И. И. Скворцова-Степанова: политическая экономия, история социалистических учений, история французской революции XVIII века, Парижской коммуны, история социал-демократического движения России, электрификация РСФСР, рабочая кооперация, развитие индустрии, сельского хозяйства и строительства, научный атеизм, культурная революция и др. И. И. Скворцов-Степанов перевел на русский язык ряд произведений Маркса и Энгельса. Его перевод «Капитала» К. Маркса признан лучшим. В. И. Ленин высоко оценил работу «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», написанную И. И. Скворцовым-Степановым в 1922 году.

Его книги, брошюры, журнальные и газетные статьи привлекали к себе внимание многих читателей. Работая в газетах «Известия» и «Правда», И. И. Скворцов-Степанов

откликался на все злободневные вопросы жизни. Жанры его работ весьма многообразны: от острого политического фельетона до научного теоретического исследования. Один из современников, большевик с 1903 года П. Г. Дауге писал об Иване Ивановиче: «Человек с большим темпераментом, колоссальной начитанностью и редкостной работоспособностью, ядовитый и остроумный полемист в прессе и публичных выступлениях, прямолинейный, он невольно приковывал к себе внимание...» (см. в кн.: Пропагандисты ленинской школы. М., 1979, с. 301).

В своих публицистических статьях И. И. Скворцов-Степанов широко использовал иронию и сарказм. Интересен в этом отношении фельетон «Первые заседания Государственной думы», опубликованный в 1907 году. Здесь автор указывает время и место событий, имена действующих лиц; он не только рассказывает, но и как бы гарантирует истинность происходящего. За пять часов до заседания Думы обрушился потолок Таврического дворца, в котором должен был выступать царский министр Столыпин. Это дало возможность И. И. Скворцову-Степанову осветить деятельность Думы — антинародного совещательного органа при царе — сквозь призму исторических событий и провести параллель между прошлым и настоящим.

В начале фельетона рассказывается о том, что Таврический дворец был построен Екатериной, много рассуждавшей о благе и счастье народа. Впоследствии царица подарила этот дворец князю Потемкину, который устроил для нее днепровскую увеселительную прогулку. Кругом — избы из теса и картона, размалеванные и разукрашенные, «веселые» хороводы согнанных палками несчастных крестьян. А потом — нескончаемые балы в Таврическом дворце и разговоры о славном царствовании Екатерины, о счастье народа. Многие видел и вынес дворец. И далее автор с иронией пишет, что не вынес дворец, когда «г. Столыпин захотел повторить потемкинскую правду о действиях правительства и о жизни народа. Потолок рухнул...». Этот публицистический образ — «потемкинская правда», проходя через весь фельетон, помогает показать сущность Государственной думы.

Текст построен на смысловых ассоциациях и контрасте между прошлым и настоящим. «Насколько удалось выяснить дело до настоящего времени, причина обвала потолка — истинно-русская: бездарность начальства и хищничество». И далее — параллель: избы из картона, размалеван-

ные под дерево, и депутатские конторки из осины, разукрашенные под дуб (они были проданы изготовителями как дубовые, рухнувший потолок раздавил их, и обман раскрылся). Этот пример достигает огромной обобщающей силы. А приведенные слова Столыпина на заседании Думы еще более углубляют обобщение и подтверждают возникшие ассоциации: «Правительство сознает свой долг хранить исторические заветы России». Не случайно здесь употреблено и прямое цитирование — один из приемов полемики. Эти слова в данном случае звучат двусмысленно. Разбитые «лжедубовые», осиновые конторки депутатов свидетельствовали о полной правдивости столыпинских слов: да, правительство хранит исторические заветы. Сколько иронии в этом обобщении!

Смех — полемическое оружие. Выставляя противника в смешном виде, автор развенчивает враждебную народу политику. Он пишет: «...кадетские газеты много говорили о том, как г. Столыпин был „спокоен“, как он шел „с гордо поднятой головой“, какой он „видный, крупный мужчина“». Далее дано историческое сравнение: «Можно представить, какое впечатление произвел бы... знаменитый палач Сеин,— по слухам, тоже „спокойный“, „видный, крупный мужчина“» — вознесенный прессой, Столыпин поставлен на одну доску с известным палачом.

Сопоставление углубляется и далее: «Или возьмем то, что обещает г. Столыпин рабочим. Г-н Столыпин начинает с признания „безусловной необходимости положительного и широкого содействия местной власти благосостоянию рабочих“. Екатерина, закабалая помещикам сотни тысяч крестьян, тоже говорила, что она заботится о народном благосостоянии... Из-за потемкинской избы выглянул истинно-русский кнут; он и в настоящее время не падит рабочих...»

Поскольку все изложение построено на сопоставлении, мы находим в нем все виды антитезы — стилистической фигуры, служащей для усиления выразительности речи и подчеркивания высказываемой мысли путем резкого противопоставления контрастных по своему содержанию слов и образов. Широко используется неразвернутая антитеза, то есть простое противопоставление пары антонимов: «...он [дворец] был построен Екатериной, которая... превратила помещиков в безграничных владык над жизнью и смертью забытых, замученных, скрученных железной рукой крестьян». В этом отрывке изобразительные сред-

ства выступают в системе: сначала употреблено прилагательное, обозначающее интенсивность признака, — *безграничных*, затем — простая антитеза *над жизнью и смертью*, и так называемая градация, то есть стилистическая фигура, состоящая в таком расположении слов, при котором каждое последующее содержит усиливающееся (реже уменьшающееся) значение: *забитых, замученных, скрученных*. Смысловое напряжение фразы усиливается.

Встречаем здесь и антитезу развернутую, когда противопоставляемые слова получают дополнительное определение, их характеристика раскрывается с помощью других слов: «Несчастных крестьян палкой сгоняли к Днепру, заставляли строить по берегам счастливые деревни: избы из тесу, картона и драни, готовые развалиться от хорошего порыва ветра, но зато размалеванные, разукрашенные» — автор противопоставляет слова *несчастный — счастливый*, объясняя, какой смысл вкладывает он в последнее слово.

И наконец, составная (или сложная) антитеза — стилистическая фигура, в которой представлен целый ряд соотносительно противоположных слов, составляющих единое целое и соответствующих единому образу: «Но выступает новая жизнь. Пробудился рабочий, пробуждается забитый крестьянин. Историческим заветам старой России — дворянской, полицейской, изуверской — они противопоставляют идеалы новой, свободной России» — старая Россия противопоставляется свободной, новой России.

На скрытой антонимии построен антифразис — стилистическая фигура, состоящая в употреблении слова или выражения в противоположном смысле, обычно ироническом: «Г-н Столыпин тоже пожаловал на заседание, — и одним своим появлением заронил тревогу в кадетские сердца, — робкие, мягкие, женственные». Кадеты славились отнюдь не мягкими сердцами и не робкими характерами. Это была партия либерально-монархической буржуазии, рьяно поддерживавшая монархию и резко выступавшая против рабочих и крестьян. И вот благодаря второму смыслу, не прямо высказанному, а противоположному ему, подразумеваемому, возникает ироническая оценка кадетской партии.

И. И. Скворцов-Степанов блестяще владел композицией. Его публицистика отличается рельефностью построения, что позволяет легко и быстро воспринимать содержание. Интересна в этом отношении статья «Перед окончанием съезда» (1925). Начинается она с сообщения о

том, что XIV съезд партии подходит к концу. А далее следует серия риторических вопросов, которые начинают первую часть композиции: «Надо ли объяснять ленинской партии, что съезд — верховный ее орган? Надо ли говорить ленинской партии, что решения съезда подлежат не обсуждению, а выяснению и затем большевистскому исполнению? Надо ли говорить ленинской партии, что постановления съезда не подлежат оспариванию, не могут ставиться на дискуссию?»

Риторический вопрос, как известно, не предполагает ответа, он лишь усиливает эмоциональность высказывания, его выразительность. Эти стилистические фигуры усиливаются анафорой, то есть повторением одинаковых слов в начале предложений (*надо ли...*), и параллелизмом, то есть одинаковым синтаксическим построением соседних предложений. И хотя риторические вопросы не требуют ответа, автор все-таки дает его, усиливает это высказывание, завершая абзац фразой, звучащей как лозунг: «Сказал съезд партии: сказала *партия*».

В статье имеются и другие повторы, которые повышают экспрессивность изложения, подчеркивают «ударные» мысли, делают текст более категоричным и прямолинейным. Автор подчеркивает, что у партии должна быть коллективная мысль и воля. А затем следует эмоциональный призыв, завершающий эту часть: «*К ленинскому единству! К ленинскому исполнению всех решений ленинской партии!*»

Далее — снова риторические вопросы, которые начинают вторую композиционную часть: «Дадим ли мы возможность нашим врагам злорадствовать? Дадим ли мы им возможность помышлять, будто бы ленинская партия утрачивает свою боевую сплоченность?». И потом — ответ: «Этого не должно быть и этого не будет». В следующем отрывке проводится мысль, как выйти из создавшегося положения: предстоит кропотливая разъяснительная работа. И заключает этот текст лозунг-призыв: «Все силы на разъяснительную работу!». Как видим, данная статья имеет весьма четкую композиционную структуру, выраженную яркими эмоциональными языковыми средствами.

И. И. Скворцов-Степанов часто использовал и приемы прямого убеждения масс. Многие его высказывания носят призывный, лозунговый характер, он открыто обращается к читателю. Например в статье «На путях индустриализации» (1926) читаем: «Мы должны искать других мас-

штабов. Мы должны поставить перед экономикой новые цели. Эти новые масштабы и цели находят достаточное определение в двух словах, которые становятся основным лозунгом... Лозунг этот — индустриализация страны.

Чтобы убедить читателя, воздействовать на него, И. И. Скворцов-Степанов неоднократно возвращается к одной и той же мысли в разных ее формулировках. Вот начало статьи «Индустриализация и сельское хозяйство» (1927): «Общий характер и направление этой перестройки мы охватываем словом *индустриализация*. Непосредственно оно означает увеличение удельного веса промышленности в нашем хозяйстве... Но слово *индустриализация* означает не только это. Оно означает вместе с тем и глубокие изменения земледелия, гармонирующие с усилением и перестройкой промышленности и являющиеся своего рода базисом для них».

А в конце статьи эта мысль повторяется, еще более конкретизируясь: «...индустриализация — это лозунг, который для данного времени выдвигается на первое место не только рабочим классом промышленных частей Советского Союза. Это — лозунг, который в равной мере должны поддерживать и землеробы земледельческих губерний... Индустриализация — это лозунг, который должен сделать перасторжимым союз между рабочим и крестьянином». Эти повторения позволяют осветить многие стороны проблемы, придают изложению бóльшую убедительность.

*

Мы разобрали лишь наиболее характерные особенности стиля публицистических статей И. И. Скворцова-Степанова, которыми он блестяще владел, мастерски используя изобразительно-выразительные средства языка. Их выбор всегда обусловлен темой произведения, идейным замыслом и целью автора (цитаты из статей И. И. Скворцова-Степанова приведены по изданиям: Шаров В. В. Иван Иванович Скворцов-Степанов. М., 1972; Скворцов-Степанов И. И. Избранное. М., 1970).

Н. Н. КОХТЕВ,
кандидат филологических наук
Рисунок В. Толстоногова

В. Т. НАРЕЖНЫЙ И ЕГО РОМАН «РОССИЙСКИЙ ЖИЛБЛАЗ»

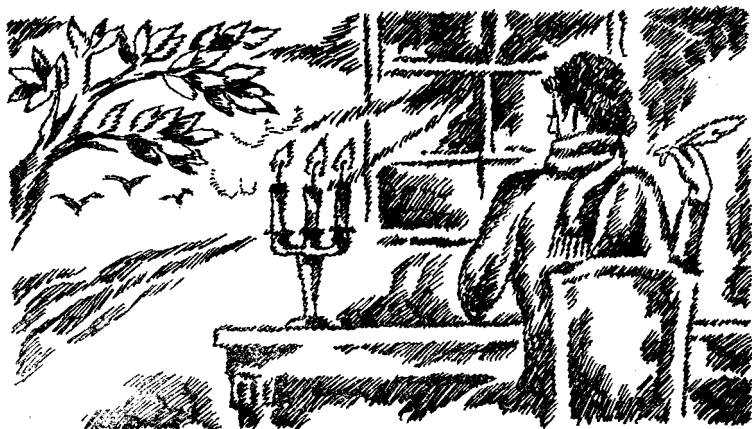

Василий Трофимович Нарезный — писатель конца XVIII — начала XIX века, о котором В. Г. Белинский говорил, что в России «романистов было много, а романов мало, и между романистами совершенно забыт их родоначальник — Нарезный...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. V. М., 1954).

По жестокости неблагоприятной к нему судьбы этого талантливого писателя знали лишь немногие при его жизни; даже сегодняшний читатель в недостаточной мере знаком с его творчеством, а между тем Нарезный оставил после себя значительное литературное наследство: трагедии, оды, басни, стихотворения, повести и рассказы, романы: «Аристион, или Перевоспитание», «Бурсак», «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», «Черный год, или Горские князья» и другие, увидевшие свет в первой четверти XIX века. В 1835—1836 гг., уже после смерти писателя, издателем А. Смирдиным было предпринято 10-томное собрание его сочинений, однако в это представительное издание не вошел — вмешалась цензура! — «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», нравоучительный роман резко обличительного направления. В 1814 году Нарезному удалось напечатать три части своего романа, публикация остальных трех частей была запрещена властями, и целиком книга получила доступ к читателю уже в советское время — спустя более ста лет после ее создания. Вышедший в 1983 году двухтомник сочинений В. Т. Нарезного, в который был включен и его знаменитый «Российский Жилблаз», продолжил знакомство читателей с этим интереснейшим романистом.

«Российский Жилблаз» создавался в период, когда русская беллетристическая проза еще только складывалась. Ей приходилось выдерживать конкуренцию с переводной литературой, и поэтому

первые отечественные романы, несмотря на их стремление к сближению с русской действительностью, носили подражательный характер.

И вот на этом историко-литературном фоне появился яркий, остросюжетный, самобытный роман Нарезного. Напечатанный, правда, не в полном объеме, да и то вскоре изъятый из продажи по причине предосудительного содержания, «Российский Жилблаз» вызывал у современников ассоциации с известным романом французского писателя А. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантьяны», впервые переведенным на русский язык в 1754 году. Однако о прямом подражании французскому образцу речь идти не могла, поскольку помимо названия романа заимствования сказались лишь на использовании некоторых внешних изобразительных приемов.

Как и у Лесажа, в «Российском Жилблазе» множество действующих лиц, вставных эпизодов, биографий и всевозможных приключений. Однако содержание романа Нарезного имеет чисто русскую основу, на что указывал сам писатель в предисловии: «Я вывел на показ русским людям русского же человека, считая, что гораздо сходнее принимать участие в делах земляка, нежели иноземца» (здесь и далее цитаты даются по изданию: Нарезный В. Т. «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова». М., 1938).

Описание судьбы главного героя князя Чистякова, его приключений помогают автору изобразить многие стороны русской жизни, вывести представителей различных социальных слоев, высказать свое отношение к художественным направлениям в литературе того времени.

Откуда же пришло к Нарезжному такое глубокое знание российской действительности? Ответ на этот вопрос могут дать сведения из его биографии.

Земляк Гоголя, Василий Трофимович Нарезжный родился в 1780 году, в семье бедного дворянина. Наблюдения над жизнью шляхтичей, принадлежавших к дворянскому сословию, но не имевших средств к существованию и потому вынужденных заниматься тяжелым крестьянским трудом, легли в основу описания жизни и нравов мелкопоместных князей села Фалалеевки в первой части «Российского Жилблаза».

В 1792 году Нарезжный был отдан в дворянскую гимназию при Московском университете, а после ее окончания был зачислен в университет. Тогда же, еще в университетские годы, увидели свет его первые литературные опыты.

После университета началась служба в Тифлисе, затем в Петербурге, которая дала возможность будущему писателю изучить жизнь представителей чиновничьего мира. Нарезжный увлеченно занимается литературным трудом, первый цикл его исторических повестей «Славенские вечера» критика встретила благожелательно. В дальнейшем Нарезжный попытался оставить службу, чтобы целиком посвятить себя литературе, однако это ему не удалось. Умер писатель в 1825 году, 45 лет от роду, так и не увидев опубликованными большинство своих произведений.

И. А. Гончаров в письме к М. И. Семевскому очень точно определил значение Нарезжного в истории русской литературы: «Нельзя не отдать полной справедливости и уму и необыкновенному по тогдашнему времени уменью Нарезжного отделяться от старого и создавать новое. Белинский глубоко прав, отличив его талант и оценив его, как первого русского по времени романиста. Он школы Фонвизина, его последователь и предтеча Гоголя» (Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 8. М., 1955).

Заслуга Нарезжного в том, что он разрабатывает новый для своего времени жанр, который не предусматривался системой классицизма. Этот новый жанр требовал нового языкового оформления, именно отсюда идет умение Нарезжного «отделяться от старого и создавать новое». По какому пути он пошел?

После писателя не осталось ни писем, ни свидетельств близких и очевидцев, которые могли бы пролить свет на этот и многие другие вопросы, связанные с его отношением к литературным направлениям того времени, к развернувшейся дискуссии о «старом» и «новом» слоге, к сформировавшимся различным социально-групповым и функциональным стилям. Ответ на этот вопрос нужно искать в его произведениях, и, в частности, в его романе «Российский Жилблаз».

Прежде всего следует отметить, что Нарезный широко использует стилистические ресурсы всех литературных направлений конца XVIII — начала XIX века: и классицизма, и сентиментализма, и романтизма, и зарождающегося критического реализма.

В целом относясь к «славенскому языку» с уважением («славенский язык, бесспорно, высок, точен, обилен»), Нарезный выступает против крайностей проявления «старого» слога и резко высмеивает его сторонников. «Однако ж тот из нас, который, стоя пред красавицею, будет нежить слух ее названиями: лепообразная дево! голубице, краснейшая рая,— едва ли не должен быть почтен за сумасброда; а такие витязи и до сих пор у нас находятся и не без последователей!», — писал он в предисловии к роману. Некоторые фрагменты из «Российского Жилблаза» являются яркими иллюстрациями языковых взглядов Нарезного. Например:

«Филолог. Ученый, который не открыл ничего нового, есть бесплодная смоковница, достойная быть засушенною. То ли дело изобретать или декламировать чужое с кафедры или на сцене?»

Актер. Хорошо декламировать хорошее чужое гораздо похвальнее, чем изобретать новые глупости, как то делаете вы, господин филолог.

Филолог. Как, лицедей ты негодный! Я изобретаю глупости? Да не я ли ввел первый в российском языке новые, прекрасные слова? Не я ли актера назвал *лицедеем*, актрису — *лицедейкою*, театр — *позорищем*, трагедию — *печальновоищем*, биллиард — *шарокатом*, кий — *шаропёхом*, а лузу — *прорездырием*?»

Этот диалог содержит прозрачный намек на Шишкова, который был автором этих изобретенных слов. Чрезмерную увлеченность сторонников «старого» слога «славенским языком» Нарезный раскрывает в явно пародийном образе «известного метафизика Три-мегалоса», который «редко о чем говорит, кроме метафизики; редко другим языком, кроме славенского; и очень редко что пьет, кроме пуншу; однакож публичные речи его на обыкновенном языке, ибо так предписало ему начальство; зато он утешается в гостях и дома, рассуждая славенским».

Сам Нарезный использует в романе архаическую, высокую лексику в определенных стилистических целях: для придания торжественности рассуждениям («Что найду дома? Страждущую жену и может быть уже плачущего младенца!..»), для стилизации речи священнослужителей («Господи! Ты даруеши человеку богатство для того только, чтобы он был милосерд к братии неимущей. Умоляю благость твою умножить мой сокровища, да и аз вкушу сладость благотворения!»), а также для создания комических эффектов («Они с таким сердечным жаром лобызались с флягами, что к полуночи совсем ошалели») и др.

Широко представлены в романе стилистические ресурсы сентиментализма, к ним прибегает Нарезный при характеристике внешности персонажей. Например: «Подруга моя прекрасна, как май, свежа, как юная роза». Или: «...на голове его белелся снег, но в душе, в сердце цвели розы весны прелестные». При описании любовного признания: «Отчего ты так пасмурен? Или для тебя не довольно разделять то священное чувство, которое наполняет души наши и с каждым мгновением оживляет существо?»

Но в то же время Нарезный высмеивает писателей-сентименталистов: «Не часто ли стихотворец, сидя в зимнюю ночь у оледенелого окна за испачканным столиком, весь дрожа от стужи и поминутно подувая на пальцы окостеневшие,— не часто ли, говорю, описывает на лежащем пред ним листе бумаги прелесть утра весеннего? У него пастух с пастушкой гуляют по цветочному лугу, наслаждаются красотой безоблачного неба, цветы благоухают, деревья украшаются молодыми листочками, ручьи пенятся, журчат и привлекают милую чету к отдохновению!» И далее: «О! Как это прелестно! — говорит стихотворец, щелкая от озноба зубами,— о! как восхитительна картина эта! меж тем как сам смотрит на густой пар, вьющийся у рта его».

И. А. Гончаров в упомянутом уже письме к М. И. Семевскому отмечает усилия писателя «в борьбе со старым языком, с шишковской школой, с педантизмом и вообще со всем устаревшим — в формах суда, например, и т. п. ...Эта борьба, в которой он еще не успел, как почти и все тогда (в 1814 г.), отделаться вполне от старой школы,— делает его язык тяжелым, шероховатым — смешением шишковского с карамзинским. Но очень часто успевает, как будто из чащи леса, выходить на дорогу и тогда говорит легко, свободно, иногда приятно».

В романе при описании реального быта используется разговорно-обиходная лексика и простые синтаксические конструкции:

«Однажды, встретив ее, согбенную под коромыслом, сказал я с сожалением: «Ах, княжна! тебе, конечно, тяжело?» — «Что ж делать»,— отвечала она, покрасневшись. Я взял ведры и донес до дому. «Спасибо, князь»,— сказала она. Я потрепал ее по плечу, она пожала мою руку, мы посмотрели друг на друга, и она сказала: «Завтра рано на заре буду я полоть капусту»,— и остановилась. «Я пособлю тебе»,— вскричал я, обнял ее и поцеловал. Она немного показала сердитою, оттолкнула меня и ушла.

«Ну,— думал я, оставшись один в своем покое,— она рассердилась и верно меня не любит». Погрузившись в печаль, вышел на огород свой и ходил в большой грусти. Скоро однако утешился. О чем я печалюсь? Она так весело на меня сегодня смотрела. Если

не выйдет па огород полоть капусту, то верно сердита, а если выйдет, то я побегу помогать ей».

Встречаются в романе сцены комического или сатирического характера. Ярким примером может служить описание спора именитых гостей священника отца Ивана: исправника, судьи и др.:

«Все долго ломали головы, стараясь догадаться и тем блеснуть в целом именитом собрании, заслужив титло первого изобретателя; но что один произносил, то другой опровергал, и дело дошло прежде до небольшого, а там и до жаркого спора, вскоре до формальной ссоры, а там и брани. Уже слышны были с разных сторон звучащие прелестные слова: „Так может судить разумный бык! Так сказать может велемудрая индейка! Скорее догадается баран! С меньшим жаром визжит сука, змиею ужаленная! Такие замыслы вмецаются в голове, похожей на винную бочку, или в такой, которая нагружена ябедою, смутами, сплетнями и любовными шашнями“».

Сатирический эффект достигается за счет особого построения текста, в основе которого лежит принцип синонимической градации — увеличения нарастания степени признака: *до небольшого, до жаркого спора, до ссоры, а там и брани*. Подобным образом раскрываются и «прелестные слова», которыми обмениваются именитые гости.

Очень часто в романе Нарезного в одном отрывке могут встречаться разностилевые элементы; например, в предсмертной речи одного из персонажей — помещика Простакова — используются и библейская цитата, и стилистические обороты сентименталистов, и разговорная лексика: *«Блаженни милостивии, яко тице помилованыи будут! Пусть благодарная слеза и постороннего человека окропит гроб мой. Это будет фамиям пред троном судии звездного.— Дочери! повинуйтесь матери своей! Служители и служительницы, повинуйтесь госпоже своей! таков устав божий и царский! — Обнимите меня! — простите!»*

Широкое включение разговорно-просторечных слов и выражений составляет своеобразие языка романа и определяет в целом языковую позицию Нарезного.

Писатель дает образцы правдивого изображения и описания с преимущественным использованием разговорно-обиходных языковых средств. Эти страницы, как правило, содержат критику социальной действительности:

«Когда въехали на двор и Куроумова высадили из кареты, он грозно закричал: «Подайте бездельника Савкина!» — Когда Савкин явился, то я увидел пожилого старичонка с седенькою бородою и лысиною. Ростом был он не более двух аршин с вершком, тощ, подслеповат, немножко горбат и курнос. Как можно было почесть его способным влюбляться, а особливо в Лизу? Однако Куроумов по-

чел его изрядным еще молодцом. «Как,— вскричал он,— осмелился ты, поганый сын, открываться в любви такой особе, которую я сам люблю, и еще называть меня безобразным скрягою?»

Бедный Савкин помертвел, выпучил глазенки и дрожал, не зная, что отвечать хозяину; ибо он совсем ничего не понимал. Такое положение его почел Куроумов за признание в грехе, расви-репел, поднял пудовую десницу свою, занес ее на Савкина, крепко замахнулся; но маленький кашей отскочил, и толстый откупщик растянулся на земле.

Савкин поражен был новым ужасом и хотел бежать, но приказчики и лакей, почитая по началу, что он сделал уголовное преступление, поймав, подвели к Куроумову, который меж тем, вставая с помощью трех человек, говорил: „Господи, помилуй! Злодей уморит меня! Вижу ясно его преступление! Вытолкайте сего бесчинника в шею со двора, закройте ворота, а животишки его выкидайте через забор!“»

В этом отрывке очень точно дана контрастная характеристика откупщика и его управителя: главным средством создания образа откупщика Куроумова служит его речь, избыточная опеночным просторечием (бездельник, поганый сын, безобразный скряга, злодей, вытолкайте бесчинника в шею), при характеристике управителя Савкина всеми языковыми средствами подчеркивается его незначительность: «пожилой старичонка, с седенькою бородою и лысиною», «тощ, подслеповат, немножко горбат и курнос», «маленький кашей», «помертвел, выпучил глазенки и дрожал».

*

Знаменательное высказывание о роли творчества Нарезного в последующем развитии русской литературы принадлежит Добролюбову, который писал, что Нарезный «опередил свой век в истинном понимании значения романа», что он «предупредил Гоголя со всею новейшею натуральною школою — в простом безыскусственном изображении природы и русского быта» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 1. М., 1961). Высокие опенки Белинского, Гончарова, Добролюбова свидетельствуют о том, что В. Т. Нарезный по праву занял достойное место в ряду выдающихся русских писателей демократического направления первой четверти XIX века.

Т. Г. ОРЛОВА

Рисунок В. Леонова

ЖУКОВСКИЙ глубоко верил в нравственно-воспитательную миссию поэзии и стремился всеми силами способствовать воплощению высоких гуманистических идеалов в русском обществе. Он был твердо убежден в важности и общечеловеческой значимости проповедуемых им морально-этических взглядов и старался сделать их достоянием каждого.

Стремлением поэта к достижению наибольшего воздействия на читателей в значительной степени обусловлена связь его философско-дидактических произведений с традициями русского красноречия XVIII века. В них присутствует ряд традиционных риторических фигур и приемов построения, рассчитанных на убеждение аудитории, на ее экспрессивную «обработку». Характерной в этом отношении представляется известная элегия Жуковского «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (1819 г.).

Основное содержание этого стихотворения составляет не столько описание конкретного случая внезапной смерти молодой и красивой женщины, сестры Александра I Екатерины Павловны, сколько выражение романтической идеи недолговечности и призрачности вообще всего прекрасного на земле. Эту мысль поэт неоднократно высказывал и раньше. В смерти сестры Александра I Жуковский увидел лишь под-

Традиционные риторические приемы

в элегии

В. А. Жуковского

Жуковского можно назвать певцом *сердечных утрат*, — и кто не знает его превосходной элегии «На кончину ее величества королевы Виртембергской» — этого... скорбного гимна *житейского страдания и таинства утрат?*

В. Г. Белинский

тверждение своих взглядов. Об этом он писал в примечании к элегии: «Кончина незабвенной Екатерины была разительной неожиданной: она ужасно напомнила нам о неверности земного величия и счастья» (Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. М., 1959).

Утверждение истины осуществляется поэтом в соответствии с правилами дидактической поэзии. По мнению Ломоносова, автора первой русской «Риторики» (1748 г.), «художественное расположение» «изобретенных идей» должно включать в себя: «изъяснение» темы и «распространение» ее с помощью парафраз и риторических приемов; логическое обоснование доводами; психологическую аргументацию при помощи фигур, служащих «возбуждению и утолению страстей»; насыщение доказательной части речи «витиеватыми» словами, а эмоционально-психологической — «вымыслами» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.—Л., 1952).

В первой строфе элегии Жуковский формулирует тему и высказывает общий взгляд на нее:

Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!

В следующих строфах идет «распространение» темы с помощью парафраз, сравнений и других риторических фигур. Риторы цель «распространения» видели в том, чтобы придать важность, значительность слову и тем самым увеличить силу впечатления от выражаемой идеи. «Увеличительное распространение, — писал Ломоносов, — происходит от подробного предложения избранных идей, к самой вещи подлежащих и важностию своею обогащающих» (Там же). С этой целью Жуковский использует сравнение и уподобление, придающие «великую силу, важность и пространство слову». Противоположность смерти молодой красивой женщины подчеркивается поэтом путем сравнения с закономерной, «натуральной» кончиной старика, которая, в свою очередь, уподобляется падению осенних листьев с «деревьев обветшалых».

После пространного изложения темы автор приступает к ее логическому аргументированию. Он задается следующим вопросом: если человек обречен в своей земной жизни на одни страдания и муки и ему не суждено никогда достичь счастья, то зачем ему дана способность мечтать и надеяться:

Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?

Поэт объясняет это коварством «Судьбы». Мечты, надежды посланы, по его мысли, человеку для того, чтобы притупить его внимание, ослабить осторожность и тем сильнее повергнуть в горе

и несчастье:

Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Жуковский не случайно употребил здесь слово *поющей*, вызывающее в сознании читателей ассоциации с губительно усыпляющей Сиреной.

Путем логических построений и аргументаций он приводит читателя к идее смирения и терпения в жизни, покорности перед ее жестокими законами, которые, в конечном счете, оказываются, в интерпретации Жуковского, закономерными и оправданными.

Одновременно с логическим обоснованием утверждаемой истины автор элегии стремится подкрепить ее и психологически, воздействуя на чувства и эмоции читателей. Одного только воздействия на разум недостаточно. «Отвлеченная истина,— писал Жуковский в одной из своих статей,— предлагаемая простым и вообще для редких приятным языком философа-моралиста, действуя на одни способности умственные, оставляет в душе человеческой один только легкий и слишком скоро исчезающий след. Та же самая истина, представленная в действии и, следовательно, пробуждающая в нас и чувство и воображение, принимает в глазах наших образ вещественный, впечатлевается в рассудке сильнее и должна сохраниться в нем долее» (Т. 4).

Конкретные факты и примеры, которые приводит Жуковский из истории смерти королевы Виртембергской, призваны представить истину в действии, затронуть чувства читателей. Вследствие своей «показательной», иллюстративной роли поэтические картины и образы элегии содержат значительную долю риторичности, то есть нарочитого расчета на создание нужного эмоционального впечатления. Это отмечал в свое время Белинский. Давая в целом высокую оценку произведению Жуковского, он тем не менее находил в нем «более красноречия, чем поэзии» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955). И действительно, в элегии ощущается некоторое сгущение красок, «трогательность» ситуаций, «чувствительность» слов. Например, в строфе:

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное провожанье
Веди сирот за матерью, вдовец;

. . . . .
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите,
И в землю с ней все блага положите.

Здесь слова подобраны по их наибольшей эмоционально-экспрессивной выразительности: *сирот, вдовец, супружеский венец* и др. «Эффектной» является такая деталь, как «срывание» королем со своей головы «супружеского венца», полна скорби сцена прощания с умершей.

Огромным эмоциональным зарядом обладают те строфы в элегии, в которых содержится ряд метафорических обозначений смерти королевы:

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:
Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала...

. . . . .
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задержнулось за нею покрывало...
В божественном святилище она...

В основе структуры этих строф лежит риторическая фигура «повторение» («умножение»), состоящая в варьировании одной и той же мысли в различных выражениях. Подобный ряд синонимичных предложений не увеличивает суммы информации, но повышает силу психологического воздействия на читателя.

Жуковский использует и другие риторические фигуры, «способствующие, по мнению Н. Остолопова, автора «Словаря древней и новой истории» (1821 г.), не к одному украшению речи, но и к убеждению ума, к возбуждению или укрощению страстей». С целью усиления эффекта изображения поэт обращается к приему контраста. В произведении Жуковского этот прием служит не только для образного выражения противоречивости жизни, но и для эффектного раскрытия суждения поэта о ней. На контрастах построены и общие рассуждения автора, и иллюстрирующие их поэтические картины. Контрастна сцена, в которой оживленная, веселая княгиня Александра Федоровна получает известие о смерти Екатерины Павловны. Трагическое несоответствие между поведением матери, в душе которой «спокойствие незнания», «мечта недавнего свиданья», и фактом смерти ее дочери находится в центре внимания Жуковского и при изображении императрицы:

Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам.

На контрасте между вечным покоем и движением жизни построена и картина, изображающая неподвижную, оцепеневшую мертвую и короля, все еще ждущего от нее «ответного движения», детей, зовущих мать.

Важный элемент поэтической системы Жуковского в элегии — олицетворение отвлеченных понятий (Вера, Судьба, Сила, Надежда, Беда и др.). Прием олицетворения широко использовался предшественниками поэта. Существует мнение, что в стилистической структуре элегии «На кончину...» он приобретает принципиально иную функцию, чем в поэзии XVIII века, и что автор употребляет этот прием для того, чтобы придать конкретному факту обобщающее значение. Такая точка зрения нам представляется не совсем верной, поскольку Жуковский в данном случае шел не путем обобщения конкретных фактов, а исходил из готовой, сложившейся идеи, для доказательства которой им приводились факты действительности, то есть действовал не индуктивным, а дедуктивным методом, не обобщал наблюдения, а конкретизировал мысль. Элегия — плод его философских раздумий, рационально, логически последовательно отраженных в этом произведении.

Для Жуковского, как и для поэтов прошлого столетия, прием олицетворения давал прежде всего возможность сделать абстрактные понятия «ощутительными» для чувств, что расширяло сферу воздействия на читателей. Так, Я. Толмачев, приведя из послания Жуковского «Императору Александру» пример олицетворения *казни*, настигшей французов в Москве, делает следующее обобщение: «Сей род олицетворения, — пишет он, — сообщая жизнь всему бездушному и отвлеченному, разливает на сочинение *самое жизнь какую-то*; когда, читая оное, видим в мечтании подобныя нам существа чувствующие, действующие, говорящие. Сие-то может быть и составляет... главную прелесть слога фигурального, когда писатель, посредством олицетворения, *сближает нас со всем сущим*, и, приписывая неодушевленным чувство, заставляет принимать большее участие в оных» (Толмачев Я. В. Правила словесности, руководствующие от первых начертаний до высших совершенств красноречия, ч. II. СПб., 1815).

Из других риторических фигур, которые использует поэт в элегии, можно назвать «предупреждение», которую И. С. Рижский определяет так: «Сочинитель сам себе предложив возражение или вопрос, который бы могли предложить ему другие, на то отвечает» (Рижский И. Опыт риторики. М., 1809):

Но мы... смотря, как ваше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?

О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от промысла принять,
. . . . .
Слепцом иди к концу стези ужасной...

— «обращение»:

О, Счастье, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: *я вечно!* говоришь;

— «восклицание»:

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!

— «умножение» (анафора):

В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимают,
В них воскресить умершую мечтает.

— «аллегория»:

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший,—
Едва зарю успел ты перецвести.

Обращение Жуковского к традициям риторики носило вполне сознательный, намеренный характер. Риторические приемы предшественников помогали ему облечь свои заветные мысли и идеи в убедительную и впечатляющую с точки зрения читательского восприятия форму, и это прежде всего отмечали современники поэта. По мнению П. А. Плетнева, Жуковскому присуще «то увлекательное красноречие, то могущественное убеждение, которому так отраднo покоряться, и с которым чувствуешь в себе силу и отраду» (Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853). Возможно, именно в этом притягательность художественного наследия Жуковского.

Л. И. КАШКИНА
Горький

В ИСТОРИЮ русской культуры Николай Иванович Надеждин вошел как личность поразительной разносторонности: литературный критик и философ, лингвист и этнограф, историк религии и фольклорист. Он был также редактором и издателем ряда журналов, среди которых — знаменитый «Телескоп». Несколько лет он преподавал в Московском университете эстетику и археологию, возглавлял Отделение этнографии Русского географического общества. «Одним из замечательнейших людей в истории нашей литературы» назвал Надеждина Н. Г. Чернышевский, в свое время ратовавший за переиздание и изучение его трудов и статей, после смерти незаслуженно забытых.

Собственно литературно-критическая деятельность Надеждина продолжалась не так уж долго — менее десяти лет, но значение ее для развития русской литературной критики было огромно: и Белинский, и Чернышевский испытали на себе влияние идей Надеждина. Теперь, когда накоплена большая научная литература о Надеждине-критике, когда переизданы лучшие его статьи, остаются пока неизученными его язык и стиль. А ведь именно необычная манера излагать свои мысли поражала когда-то современников: кому-то она казалась вычурной, кому-то слишком развязной, раскован-

**О языке
и стиле
литературно-
критических
статей
Н. И. Надеждина**

ной — и как раз стиль Надеждина вызывал больше всего ожесточенных нападок литературных врагов, ставивших критику в вину «педантские гиперболы и ничтожные словоизвития» (Дамский журнал, 1833, № 42).

Действительно, смелый, можно сказать, экспериментальный подход к языку и стилю сразу бросается в глаза при знакомстве со статьями Н. И. Надеждина. Это касается и их лексического состава, в котором можно найти немало слов, не зафиксированных ни в одном словаре русского языка. Сам Надеждин в статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности» признавался: «...я позволял себе смелость делать новые слова, и, пожалуй, мог бы похвастаться, что теперь нередко нахожу их у таких людей, которые жарче всех восставали на меня за эти нововведения, бранили как нельзя откровеннее, называли педантом, варваром» (Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972, с. 433.— Далее ссылки на это издание даются в скобках с указанием нумерации страниц). Языковая смелость Надеждина была вполне сознательной: он шел навстречу требованиям своей эпохи, когда развитие языка «не успевало» за бурным развитием культуры, когда философия, эстетика, литературная критика остро нуждались в общепонятных русских словах для новых понятий. «...учённость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует», — замечал А. С. Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова».

Сам Надеждин прекрасно описал эту ситуацию в упомянутой выше статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности»: «...у нас недостает слов для идей общих, мировых, для идей, которые принадлежат не одному народу, но всему человечеству» (с. 430).

*

В своих статьях Надеждин упорно избегал заимствований из европейских языков для выражения «общих идей», однако и путь создания новых слов он не считал, по крайней мере, теоретически самым удачным. Лексика славянских языков — вот, по Надеждину, тот источник, откуда мы можем почерпнуть недостающие слова, та «ссудная казна, куда можем мы смело и безопасно обращаться в нашей бедности!» (с. 436).

Однако парадокс в том и состоит, что сам Надеждин этому своему совету почти никогда не следует: лишь изредка встречаются у него славянские слова, например украинское слово «краина» — «страна»: «В отдалённейших краинах славянского мира» (с. 436).

Надеждин явно предпочитает «ковать», по собственному его выражению, новые слова. Отчасти эти новообразования относятся к абстрактно-философской лексике. Так, Надеждин часто употребляет глагол *очувствовать*, например: «очувствовать... великую тайну мудрости», то есть придать ей зримую, эмпирически-доступную форму. Слова *субъективный* и *объективный* Надеждин предлагает заменить их кальками *подлежательный* и *предлежательный*.

Чаще новообразования Надеждина имеют очень яркий, образный характер. Таково любимое им слово *чужаядство*, которым Надеждин характеризует подражательное, «европеизированное» направление в русской литературе. Он говорит: «И все это благодаря *чужаядству* нашего словесного образования, прикрывающемуся теперь обольстительным названием *европеизма!*» (с. 417).

Пристрастие Надеждина к различного рода новообразованиям особенно ошутимо проявилось при создании сложных слов. Здесь немало оригинальных находок: взять, например, слово *правобич* (в смысле «бичеватель нравственных пороков»), употребляемое Надеждиным иронически, когда речь заходит о Ф. В. Булгарине, вздумавшем преподавать русской публике уроки нравственности. «Наш строгий правобич», — так окрестил Булгарина герой статьи Надеждина «„Иван Выжигин“, нравственно-сатирический роман (Сочинение Фаддея Булгарина)» (с. 94).

Иногда сложные слова создают у Надеждина эффект высокого стиля, придают звучанию статьи «одическую» торжественность, например: «богатозвучные струны» (Телескоп, 1832, ч. 7). Однако гораздо чаще они не вносят в статью какой-либо стилистической окраски, но просто помогают Надеждину более удобно, метко выразить то или иное понятие. «Многосоставные», по выражению самого Надеждина, слова теряют у него ореол «высокого стиля» — теперь они способствуют компактности выражения, зачастую заменяя длинный оборот или целую фразу. Так, привлекательный внешний вид книги характеризуется в статье Надеждина словом *доброзрачность*, самостоятельность, независимость мышления — словом *самомыслительность*; слова, исходящие от первого лица, — *собственноустные*.

Оригинальной особенностью стиля Надеждина является и то, что сложные слова у него часто как бы имеют «варианты». Так, помимо очень употребительного и важного в системе понятий Надеждина слова *самобытный* в его статьях находим в очень близких значениях слова *самообразный*, *самопроизводительный*; причем весьма часто Надеждин ставит эти слова рядом — и тогда возникают выразительные описания: он говорит, например, о «новой, самобытной, самопроизводительной жизни» нашей поэзии (Телескоп, 1832, ч. 9); утверждает, что русский народ сотворил себя «самобыт-

но и самозидательно» (Телескоп, 1832, ч. 10); пишет, что в России еще нет своего русского «самобытного и самообразного мышления».

Слово *чужеземный* тоже имеет у Надеждина вариант — *чужекрайный*; *своеземный* варьируется со *своенародным*. В сущности, почти для каждого из ключевых понятий своей критики Надеждин стремится найти подобные лексические варианты: они помогают раскрыть понятие полнее, как бы осветить его с разных сторон.

Однако иногда подобные «вариации» слов возникают у Надеждина просто из непреодолимого стремления к языковому творчеству. Так, наряду с общеупотребительным словом *пустозвон* вдруг всплывает у него слово *пустозвяк*. Именно такие неожиданные образования придают языку Надеждина неповторимую свежесть и своеобразие.

*

Есть в критических статьях Надеждина некие ключевые слова, несущие важную смысловую нагрузку. Но именно эти слова у писателя отличаются особой многозначностью — что следует всегда иметь в виду для правильного понимания его высказываний. Возьмем в качестве примера слово, которое с полным правом можно рассматривать как центральное в критических статьях Надеждина, — *народность*. Пожалуй, нельзя найти у него статьи, где это слово не употреблялось бы. Однако в различных контекстах *народность* имеет разное смысловое наполнение. Прежде всего Надеждин употребляет его в значении «популярность» (калька с французского *popularité*). Например: «Вильмен потерял свою народность, как скоро сделался бессменным секретарем Академии» (Телескоп, 1836). Речь идет о французском литературоведе и критике, который вошел в число «сорока бессмертных» (членов французской Академии).

Народность у Надеждина — это и «общедоступность», и «демократизм». Именно в таком значении используется это слово в рецензии на сделанный С. Е. Раичем перевод поэмы Ариосто «Неистовый Роланд». Отмечая «совершенство языка, соединяющего с высоким образованием высокую народную простоту», Надеждин пишет: «Ариост, первый из италианских поэтов, умел совместить поэтическую сановитость с общевразумительностью и просторечием флорентизмов: он представил в себе высочайший образец изящной народности» (Телескоп, 1832, ч. 7). Здесь под «изящной народностью» Надеждин подразумевает сочетание художественности и общедоступности.

Третье значение этого слова у Надеждина — внешние формы русского быта, то, что относится к жизни простого народа. Здесь

«народность» выступает как синоним «простонародности»: «народность и в этом ограниченном, грязном смысле, пройдя чрез горнило вдохновения, может иметь доступ в литературу» (с. 440).

Все эти значения слова *народность* следует отличать от тех случаев, когда оно употребляется Надеждиным как термин, культурно-историческая категория. Это последнее, высшее значение слова сам Надеждин объяснил в статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности»: «Под народностью я разумею совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых слагается физиономия русского человека, отличающая его от всех прочих людей...» (с. 440). Именно такой «народности» Надеждин требует от русской литературы.

*

Языковые особенности статей Надеждина составляют лишь отдельные грани их неповторимого стилистического облика. Однако, на наш взгляд, есть в надеждинском стиле одна главная черта, которая и определяет его как целое. Эту особенность можно сформулировать одним словом: «метафоричность». Действительно, в статьях Надеждина мы постоянно обнаруживаем стремление к «непрямому», образно-пластическому выражению мыслей — даже если речь идет о достаточно отвлеченных, абстрактных идеях. Для каждой своей мысли Надеждин стремится найти яркую, выразительную метафору. Вместо прямого названия вещи, понятия у Надеждина — всегда образ: у него не просто «грамматическая критика», но критика с «грамматическим дозором», не просто «полемическое злословие», но «дреколье полемического злословия», не просто «свежие идеи», но «электрическая батарея идей свежих, могучих».

Иногда метафоры объединяются у Надеждина в целую цепь, каскад, тогда возникает своего рода метафорическая картина, имеющая как бы свой внутренний сюжет. Если Надеждину, скажем, нужно выразить свою любимую мысль о вреде для наших писателей подражательности, он пишет о русской литературе так: «Лихорадка, схваченная ею в неосторожных прогулках по чужеземной слякоти, истрепала ее до горячего сумасбродства» (Телескоп, 1831, ч. 2). Здесь метафорическое описание вырастает до вполне зримой сценки — своеобразной «словесной карикатуры».

Метафоры в статьях Надеждина очень многообразны — однако есть у него несколько устойчивых типов, наиболее продуктивных «моделей» образования метафор. Особенно характерны для Надеждина метафоры, переводящие отвлеченные понятия в пространственное измерение, например: «пустыня нашей словесности» (Те-

лескоп, 1832, ч. 7), «бесплодное поле светской бездумной жизни» (Телескоп, 1832, ч. 9).

Другой его излюбленный тип метафоры — иносказательное обыгрывание какой-либо пословицы, поговорки или же фразеологического оборота. В характеристике комедии Гоголя «Ревизор» он использовал, например, народную присказку: «...она смешна, так сказать, снаружи, но внутри это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано» (с. 474). Приведем примеры метафорического обыгрывания устойчивых речевых оборотов. Не одобряя публикации некоторых «поэтических шалостей» Д. В. Давыдова, Надеждин называет их «поэтическим сором, которого не следует выносить из дому».

Характерны для метафор Надеждина и пристрастия к каким-либо отдельным, особо полюбившимся словам. Так, он часто строит метафоры на «оптической» лексике: «радужная призма дружбы» или «наводит критический телескоп». В сущности, само название издаваемого Надеждиным журнала — «Телескоп» — тоже является такой метафорой.

Метафоричность не единственное у Надеждина средство оживить, сделать ярким и образным язык критики. Очень характерно для него введение в текст диалогических конструкций. Надеждин диалогизирует развитие собственной мысли, как бы раздваиваясь на собеседников: «Стало, выдумывать новые слова?.. Оно, конечно, недурно! Есть русская пословица: *голь на выдумки!* Да то беда! Пойдут ли в ход, будут ли приняты эти выдумки?» (с. 432). Если некоторые ранние статьи Надеждина были написаны в достаточно условной литературной форме диалогов, то в поздних статьях мы имеем дело уже не с жанром «критического диалога», но с диалогизацией как стилистическим приемом, способом изложения мыслей.

*

Мы рассмотрели лишь некоторые, наиболее характерные приметы языка и стиля Надеждина, но и они показывают, что оригинальность и независимость его мышления проявились здесь со всей полнотой. Надеждин не только создал свой литературно-критический стиль — он был среди тех, кто вдохнул «живую жизнь» в язык русской критики, кто придал ей легкость, увлекательность, яркую образность. В том, что критика в России стала достоянием самых широких читающих масс, есть немалая доля труда Надеждина.

А. Е. МАХОВ

А. Н. Островский назвал свою пьесу «Гроза». Сегодня слово *гроза* мы понимаем в первую очередь как «атмосферное явление — бурное ненастье с громом и молнией». Слово используется и тогда, когда речь идет «о чем-нибудь, наводящем ужас, внушающем сильный страх» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984). Но обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, первый том которого увидел свет спустя четыре года после создания «Грозы» (1859). В нем первое значение у слова *гроза* — «угроза, острастка», далее — «опасность или беда, бедствие»; «строгость, строгий надзор, страх в значении кары, наказания»; «строгий, сердитый человек, каратель»; «гром и молния, туча с грозой, с громом, молнией и дождем или градом». Первые два понятия связаны с проявлением действий какой-то высшей абстрактной силы, а третье и четвертое, метафорически связанные с первым и вторым, — с реальной силой человека.

Значение *грозы* как атмосферного явления стоит в словаре на пятом месте. Как видим, во времена Даля и Островского слово *гроза* понималось значительно шире.

Обратимся к тексту пьесы. Нетрудно убедиться, что слова с корнем *гроз-* встречаются в речи персонажей с различными оттенками значений. Впервые оно звучит в пьесе в речи Кабановой: «Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уже и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?» — обращается она к сыну.

Здесь корень *гроз-* выступает в значении «строгость, строгий надзор, страх». В этой реплике отражен взгляд Кабановой на внутрисемейные отношения. Однако приставка *при-*, означающая в данном случае неполноту действия, явно смягчает смысловую нагрузку корня. Напряжение снижается и всей интонацией действия — относительно уравновешенной и спокойной.

Все в том же значении «кары, наказания» звучит корень *-гроз-* в устах Варвары, успокаивающей перепуганную появлением безумной барыни Катерину: «Вздор все... Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, грозит на них палкой да кричит (передразнивая): «Все гореть в огне будете!».

Слово *грозит* в отличие от *пригрозить* выступает в более категоричной форме, которая поддерживается взволнованно-напряженным состоянием Катерины. Не заостряя внимания зрителя-читателя на этом смысле слова, драматург умело «заглушает» его появлением реальной грозы — атмосферного явления. Слово *гроза* в этом значении трижды повторяется в речи Варвары. И хотя она говорит о действительно надвигающейся грозе, ее реплики приобретают неожиданный оттенок — угрозы, наказания: «Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит». Варвара как будто бы намекает на последующие события. Это чувствуется и в другом ее высказывании: «Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то». Наконец, тема страха, наказания явственно слышится в словах: «Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь». Действие завершается ударом грома.

Мы видим, что в первом действии значение слова *гроза* — «кара, наказание» используется автором для выражения взглядов представителей «темного царства» на супружеские отношения. В четвертом действии это же значение слова проявляется на совершенно ином социальном уровне. Перед нами люди, не связанные родственными отношениями: Дикой и Кулигин.

«Дикой. Да гроза-то что такое, по-твоему, а? Ну, говори.

Кулигин. Электричество.

Дикой (топнув ногой). Какое еще там электричество! Ну, как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А, говори! Татарин?».

Дикой прекрасно понимает, что не переубедит Кулигина, по их разговору присутствуют свидетели из горожан, к ним-то и обращена эта вспышка гнева. С Кулигиным бесполезно спорить. Он скажет: «Нечего делать, надо покориться!», но добавит: «А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю». Те же, что слышали кулигинскую «ересь», должны остаться в повиновении, в страхе перед грозой, перед карой за проступки. Поэтому Дикой нарочно искажает слово «электричество», называет Кулигина разбойником, энергично привлекает внимание слушателей: «Эй, почтенные, послушайте-ко, что он говорит!», — но не для того, чтобы те прислушались к мнению Кулигина, а чтобы слушали его, Савела Прокофьевича, приговор Кулигину за «свободомыслие».

Так спор между Диким и Кулигиным, между купцом и часовщиком-самоучкой об атмосферном явлении превращается в спор о власти и подчинении.

Во втором действии пьесы мы находим еще два слова с корнем *-гроз-*, не имеющих отношения к грозе как атмосферному явлению. «Вот она теперь ему и надаёт приказов, — говорит Варвара о матери (4 явл.), — один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано». Здесь корень *-гроз-* в слове *грозней* означает «угрозу, острастку».

Уровень семейных отношений дома Кабановых еще ярче подчеркивается репликой Тихона, которую он произносит после беседы с «маменькой»: «Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, ...так до жены ли мне?». Слово *гроза* в этом случае может быть отнесено непосредственно к Кабановой и понято как «сердитый, строгий человек, каратель».

Для Катерины, как и для Тихона, Кабанова — гроза дома. Интересно, что Островский, не вкладывая в уста героини такого определения свекрови, ее словами рисует атмосферу, складывающуюся в семье: «Сделается мне так душно дома, что бежала бы»; «Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится». Тишина и духота наблюдаются перед грозой в природе. Это искусно использует Островский для характеристики персонажа. Называя Кабанову «грозой» лишь один раз в реплике Тихона, драматург разными способами подтверждает, что слово произнесено не случайно.

Еще более чётко автор пьесы при создании образа Дикого. Ведь если Кабанова — гроза семьи, то грозой всего Калинова является Дикой (различие их функций подчеркнуто замечанием самого Островского о том, что Савел Прокофьевич «значительное лицо в городе», а Марфа Игнатьевна — «вдова»). Но по отношению к Дикому слова с корнем *-гроз-* не употребляются, однако само значение — «строгий, сердитый человек, каратель» — полностью реализовано в образе. Его существование в городе для всех истинное бедствие:

«А беда, как его по утру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается!» — говорит о Диком Кудряш. Тут же и Борис замечает: «А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!». Слово *гроза* заменяется синонимом *беда* (вспомним, что в словаре Даля *гроза* в значении «беда» поставлено на втором месте).

Кроме того, и Кабанова, и Кудряш, и Шапкин настойчиво называют Дикого *воином*. Ясно, что слово используется ими не в основном своем значении. Это — прозвище, несколько иронически оценивающее определенные качества персонажа: его стремление во всем одерживать верх, подчинять, командовать. В этом случае слово *воин* сближается со словом *гроза* в значении «строгий, сердитый человек, каратель». Такое сближение можно рассматривать как стилистический прием Островского. В народном сознании понятия «война» и «гроза» издревле тесно связаны. Вот что писал замечательный русский фольклорист А. Н. Афанасьев в статье «Гроза, ветры и радуга», вошедшей в сборник «Поэтические воззрения славян на природу»: «Обаятельная сила старинных преданий долгое время властвовала над умами наших предков; в атмосферных явлениях она рисовала изображению их картины ожесточенной борьбы и заставляла видеть в них пророческие знамения грядущих войн, побед и поражений» (Афанасьев А. Н. *Древо жизни*. М., 1982).

Наконец, у героев пьесы Дикой вызывает ассоциации с природной грозой — атмосферным явлением. Как боится человек удара молнии во время грозы, так и Шапкин пугается приближающегося Дикого, поспешно предлагая Кудряшу: «Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй». В третьем явлении того же действия Борис вспоминает о том, как на Волге, на перевозе, Дикого обругал гусар: «После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам».

Первое появление Дикого на сцене создает атмосферу тревоги, напряжения аналогично тому, что переживают люди перед грозой. Его приближение замечают еще издали. Первая же его реплика так фонетически оформлена автором, что напоминает раскат грома: «Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал? Дармод! Пропади ты пропадом!». По своей интонационно-синтаксической структуре речь Дикого состоит из кратких, отрывистых, бессвязных, логически не вытекающих друг из друга, чаще всего повелительных предложений (Ревякин А. И. «Гроза» А. Н. Островского. М., 1962).

*

Внимательно читываясь в текст пьесы, нельзя не заметить присущую «Грозе» фольклорность. Сравнивая пословицы, приведен-

ные Далем в его словаре, с текстом «Грозы», убеждаешься, что многие из них либо перефразированы Островским, либо легли в основу действия или характера персонажа.

«Любить жену — держать грозу», «Жена без грозы — хуже козы» — читаем мы у Даля. Вспомним, что говорит Тихону Кабанова: «Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?» По убеждению Кабановой, муж должен «держат грозу», чтобы жена боялась его. Или, например, Кабанова ласково говорит Варваре: «Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!» А у Даля мы встречаем такую пословицу: «Ты, матушка, грози, а ты, девушка, гуляй».

Пословицы со словом *гроза*, творчески переосмысленные драматургом, выражают взгляды представителей «темного царства» на семейные отношения, подчеркивают традиционность, устойчивость этих взглядов. Тот факт, что конкретные явления жизни имеют свое отражение в пословице, говорит о давности их возникновения.

Обратимся снова к словарю В. И. Даля: «Ты, гроза, грозись: а мы друг за друга держись!», «От грозы — либо все в кучу, либо все врознь». А что происходит в пьесе? Когда на сцене появляется «гроза» — Кабанова или Дикой, все остальные как бы объединяются против них. Но стоит «грозе» отдалиться, обнаруживается безразличие персонажей друг к другу. Это бросается в глаза в первом же действии.

Обратимся снова к тексту. Кулигин любит Волгой, но Кудряшу нет до этого дела. Как только появляется Дикой, тема разговора сразу становится общей: она проникнута сочувствием к Борису. Это сочувствие звучит и после того, как Дикой уходит, по оно постепенно ослабевает. Из разговора сначала «выходят» Кудряш и Шапкин, остаются Борис с Кулигиным, а Кулигин для Бориса, как и для всего Калинова, — загадка. Им трудно говорить. В четвертом явлении Борис остается один.

В пятом явлении на сцену выходит и Кабанова, сопровождаемая Тихоном, Катериной и Варварой. Ни Тихон, ни Катерина, ни Варвара не перечат Кабановой, но в их речах слышна единая нотка: скорее бы отделаться от старухи. Как только уходит Кабанова, «единство» между Тихоном, Варварой, Катериной распадается. На вопрос Катерины: «Так ты, Варя, жалеешь меня?» — Варвара отвечает, глядя в сторону: «Конечно, жалко».

Такое «объединение» и «разъединение» героев нетрудно заметить в пьесе. Оно подчеркивается такой же реакцией калиновцев на природную грозу.

Таким образом, автор подчиняет фольклорный материал своему творческому замыслу, ставит его в определенные смысловые отношения со всей структурой пьесы.

Итак, в пьесе Островского — три реальные грозы: Кабанова — для своей семьи, Дикой — для всего Калинова и, наконец, гроза в природе, которая по-разному воспринимается действующими лицами: для одних (Дикой, Кабанова) — это небесная кара, наказание, для других (Кулигин) — благодать, радость. Именно через отношение Кулигина к грозе проявляется в пьесе и авторская точка зрения.

Писатель смело вступает в конфликт с языковыми традициями, называя словом *гроза* понятие, абсолютно противоположное известному значению этого слова: гроза не угроза, не острастка, не беда или бедствие, не строгость или надзор, не страх, не наказание, но благодать. Именно этот смысл он вкладывает в речь Кулигина перед калиновцами: «Ну, чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая травка теперь, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать!»

Правда, Островский прекрасно понимал, что реально такой поворот в сознании забытых людей только начинается, и не случайно поэтому последний раз в пьесе слово *гроза* звучит в речи безымянного обывателя: «Уж ты попомни мое слово, что эта гроза даром не пройдет!.. потому, смотри, какой цвет необнаковенный!»

Сила таланта Островского сделала нас свидетелями удивительного явления, когда два противоположных значения слова (словарное и авторское) слились в понимании названия пьесы. Именно так и следует, очевидно, воспринимать заглавие драмы Островского «Гроза».

Образная многозначность этого слова помогла предельно лаконично и точно выразить глубоко понятое писателем конфликтное состояние русского общества начала 60-х годов прошлого столетия, позволила раскрыть сложную, противоречивую и напряженную борьбу разных мировоззрений, завуалировав под маской атмосферного явления остро-социальную направленность пьесы.

П. Е. ФОКИН

Калининград

Рисунок С. Гавриловой

БОЛЬШУЮ роль в поэтике А. Блока и В. Маяковского играют так называемые ключевые слова. В своих записных книжках Блок высказывал соображение о том, что всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Перефразируя это изречение, можно сказать, что поэзия Блока и Маяковского держится на нескольких десятках ключевых слов, на их остриях, которые, в свою очередь, многогранны и каждый раз поворачиваются новой гранью. Часто повторяясь в стихотворениях, они тем не менее не вызывают чувства усталости или досады, а, напротив, приносят радость узнавания и в то же время новизны, свежести. «Слово в стихе имеет тысячу неожиданных смысловых оттенков, стих дает новое измерение слову» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977).

Одним из наиболее часто встречающихся ключевых слов в поэтике Блока и Маяковского является метафора-символ — *корабль*. Русская поэтическая традиция знает этот образ, он появлялся в разные времена, у разных поэтов. Исходный же импульс метафоризации: жизнь — плаванье, люди — лодки; уподобление жизни движению по водному или земному пространству — это тоже давняя поэтическая традиция. От метафоры жизнь — плаванье, жизнь — корабль по бескрайнему океану стихосложения расхлестались волны ассоциативных связей. Ассоциативное развитие

Метафора- СИМВОЛ КОРАБЛЬ

у

А. Блока

и

В. Маяковского

смысла образа *корабль* у Блока достаточно широко и проходит, как затем и у Маяковского, в окружении предметов и явлений, связанных с морской темой. У Блока понятие «корабль» почти всегда условно. Это — романтический символ неизведанного, неожиданно, нездешнего. Даже когда возникает определенная связь с реальным миром и корабль — вполне реальное судно. *Корабль* у Блока оттенен настроением грусти, безысходности, хотя иногда выступает и носителем светлых ощущений. Чаще же он — вестник роковых, неизбежных событий, его присутствие в стихотворной строке вызывает гнетущие предчувствия, ощущение беззащитности, опасности и даже гибели.

В стихотворении «Война» поэт прямо указывает конкретную причину возможной гибели кораблей:

И вот в парáх и тучах тучных,
Гремя вблизи, свистя вдали,
Она краями крыльев звучных
Пускает кó дну корабли.

Блоку была ненавистна война. Поэт-гуманист, он не раз облачал ее, не раз призывал к миру. И с годами поэтический образ *корабль* у Блока наполняется глубоким философским и патриотическим содержанием. Образ приобретает определение *флагманский*, то есть идущий впереди, подвергающийся опасности больше других и несущий ответственность за других.

В письмах к А. Белому поэт писал: «...более, чем когда-нибудь, мы на «флагманском корабле»; не знаю, какую работу исполняю я, — но исполняю, как-то каждый день готовлюсь к сражению» (12 марта 1911 г.). И далее: «Конечно — да будет флагманский корабль. Ничто этому не помешает, кроме смерти. Другого смысла жизни и нет» (11 апреля 1911 г.). Это высокое гражданственное истолкование слова-символа, слова-метафоры *корабль* Блок переносит и в свою публицистику: «Раз мы с Ибсеном — мы на борту корабля, который борется с волнами в открытом море...»

Знаменательно, что и Блок и Маяковский с темой моря связывают, прежде всего, тему революции. У Блока это семь стихотворений «Ее прибытие»:

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Б л о к. Рассвет

Маяки

поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет —
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются, воя,
но так
лишь Ильич умел и мог, —
он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.

Владимир Ильич Ленин

Метафоризированный морской лексикон (*штурман, огни по бортам, порт, мертвая зыбь*) имеет своих реалистических дублеров. Маяковский расшифровывает, переводит на практический язык деловых будней романтизированную образность революции, и возникает предельно спрессованный образ метафоры с приложением (*смычка-причала*):

Прищурился Ленин:

— Чинитесь пока чего,
аршину учись,
не научишься —
цлох.

. . . . .

Залив

Ильичем

указан глубокий,

и точка

смычки-причала

найдена...

Владимир Ильич Ленин

Поэтический образ *корабль* в творчестве Маяковского принимает разные формы: то это корабль-держава, то корабль-человек (Теодор Нетте), или, корабль — судно — плаванье; или воздушный

корабль, и даже корабль — символ совершенства дел людских, например, Собор Парижской богородицы:

Прошедшего
    возвышенный корабль,
о время зацепившийся
    и севший на мель.

Notre-Dame

Блок и Маяковский всегда стремились к идейному расширению значений метафоризированных слов. Это относится не только к ключевым словам, но и ко всем значимым словам-образам. Конкретно-обиходное, будничное значение (например, пароход в стихотворении «Товарищу Нетте...»), трансформируясь под влиянием контекста, общего смысла, жанра, идеи произведения, приобретает характер обобщения, аллегории.

В равной мере Блок в конце своего поэтического пути создал образ-обобщение высокого патриотического смысла, вдохновенный символ будущей России (стихотворение «Пушкинскому дому»). Не теряя конкретно-утилитарной значимости, благодаря возвышенному слогу и чувству, господствующим в этом стихотворении, *пароход* воспринимается как гордый корабль на гордой, державной Неве. В переключке пароходов — молодой, жизнеутверждающий задор, вера в грядущее:

Это — звоны ледохода
    На торжественной реке,
Переключка парохода
    С пароходом вдалеке...

Два выдающихся поэта современности, Блок и Маяковский, умели с большим мастерством вскрывать глубинные свойства обыкновенных слов, наполняя их новым богатым содержанием.

Л. В. КРАСНОВА,
кандидат филологических наук
Дрогобыч

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Может ли выражение *как оказалось* быть вводным?»

Ф. П. Манаенко, Полтава

Выражение *как оказалось* может быть вводным. В этом случае оно на письме выделяется запятыми. Например: «Мы пришли, как оказалось, за час до начала сеанса.»

Сергей Сергеевич Орлов — представитель поэзии военного поколения. Его творческий голос сформировался и окреп в годы Великой Отечественной... Танкист, сражавшийся на передовой Волховского и Ленинградского фронтов, он на себе испытал вопрос военного времени в подлинном смысле «быть или не быть?» Сам Орлов говорил, что «поэтами рождаются и становятся вопреки войне, а не с помощью ее». Испытание огнем и смертью выплывило лирическое начало его творчества, возникшее вопреки этому жестокому испытанию. В предисловии к первой посмертной публикации стихотворений Сергея Орлова в журнале «Наш современник» (1978, № 2) поэт С. В. Викулов сказал: «На Волховском фронте в 1942—1943 годах юным лейтенантом он водил в атаки тяжелый танк...

Что к этому добавить? Атака есть атака. И диво ли, что танк его дважды был подбит, и дважды, контуженного и обгоревшего, друзья вытаскивали его из пылавшей машины прежде, чем взрывались в ней не расстрелянные до конца снаряды и бензобак...

О том, как все это было, — его первая, и одна из самых лучших, книжка стихов «Трегья скорость», вышедшая в Ленинграде в 1946 году.

В его лирике военного времени вопрос о преодолении физической смерти на втором плане, главным для молодого поэта было утверждение мужества солдата, преодоление страха, вера в конечную победу и торжество справедливости.

Стихотворения Сергея Орлова глубоко лиричны, он

«...Звездная моя земля
Россия,
Огненным политая
дождем...»

искренен до боли в изображении судьбы человека на войне. Орлову не нужно было вживаться в своего лирического героя, ему не были нужны художественные маски и декорации, ибо он писал о себе самом, о том поколении, судьба которого в нем преломилась во всей полноте ран духовных и физических, о том человеке, который вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам выстоял и взял верх над чумой фашизма:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.
Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести.

1945

«В рубцах лицо», — это и о своем лице, обгоревшем в 1944-м в подбитом танке (три десятилетия после войны борода скрывала глубокие шрамы на лице поэта).

При жизни Сергея Орлова увидели свет более тридцати книг его стихов, книга статей о поэзии, сценарий кинофильма «Жаворонок», написанный совместно с Михаилом Дудиным. В 1974 году за книгу «Верность» С. С. Орлов получил Государственную премию РСФСР им. М. Горького. После кончины поэта появился ряд переизданий его произведений, пополненных десятками неопубликованных при жизни Орлова стихов.

В военных и послевоенных творческих исканиях Сергей Орлов обращался и к историческому опыту своего народа. В частности, в стихотворениях «Белозерье» (1945) и «Монолог война с поля Куликова» (1971) перед читателем возникает образ Древней Руси, разрывающей пути татаро-монгольского ига для того, чтобы «началась Россия». В «Белозерье» безутешная вдова тоскует о своем князе, прах которого покоится в *земле русской* (здесь и в дальнейшем курсив автора статьи):

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж. И Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

Пуховая грудь *матери-сырой земли* (вспомним это традиционное для русского фольклора устойчивое сочетание) приняла на вечный покой своего сына. В бытность на фронте Сергей Орлов, трезво оценивая обстановку, хорошо понимал, что он может разделить горькую участь многих и подобно им, подобно предкам, сражавшимся на поле Куликовом, навсегда остаться лежать в сырой земле. В 1944 году поэт сказал от имени тех, кто уже не возвратится домой никогда:

Только хруст корневищ сквозь прогнившие кости,
Только *голос подземных ручьев*.
На забытом, поросшем крапивой погосте
Мы лежим, может, год, может, тыщу веков.

Для тех, кто до дна испил кровавую чашу военных невзгод, орловские строки, по-видимому, навеянные стихотворением Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь...», не пессимистичны. Они гуманны по отношению к близкому человеку:

Не жди меня, я не вернусь,
К чему напрасные печали,
Тоска, отчаяние, грусть?
Забудь, как многих забывали.

Не о неизбежности своей гибели говорит поэт, он думает прежде всего о страданиях любимой, о том, что будет с родными, если действительно случится это страшное «не вернусь». Если бы всё в самом деле сводилось просто к безысходности, не родилась бы третья строфа того же стихотворения:

Вернись, так значит нужно так.
Так хорошо, когда не ждали,
Прийти живым из мглы атак,
Из фронтовой грозовой дали.

В лирике Сергея Орлова образ *земли* присутствует чуть ли ни в трети стихотворений. Только ли это дань традиции, связанной с русским фольклором, с культом *земли-матери*, про которую еще в древности на Руси говорили: *Добра мать до своих детей, а земля — до всех людей*. Или, может быть, этот образ Сергея Орлова связан с литературной традицией, тоже восходящей к древнему поклонению *земле* как одной из первооснов человеческого существования, со словами старца Зосимы из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «*Землю целуй* и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и испугения сего». Нет, не только из литературы проросли поэтические зерна Сергея Орлова, не от литературного процесса шел он к своему лирическому герою, а от жизни, от военных будней к своей глубокой, искренней поэзии. Его творчество органически вписалось в общелитературный контекст, естественно воплотило в себе фольклорные традиции, взятые прежде всего из самой жизни.

В 1944 году Орлов сказал:

И нам огонь, как предкам, дорог,
И мы, как предки, на земле
Спим. Роем в ней землянки-норы,
Тоскуем вечно о тепле.

Тема *земли* была порождена самим бытом передовой, на которой шел бой за *каждую пядь земли*. Траншеи, окопы, землянки, воронки от разорвавшихся снарядов — привычные атрибуты переднего края, на котором сражался молодой поэт. Солдат в таких условиях сливается с землей, словно чувствует ее материнское притяжение. Сергей Орлов знает, что у защитника Родины два возможных исхода: пройти по земле с боями до победного конца или навсегда остаться лежать в ней:

Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах
Друзья умирают мои.
Ползут по кровавому следу,
По черному следу полки,

Лишь веруя сердцем в победу
Рассудку уже вопреки...

В стихотворении «Карбусель» (1943) с подзаголовком «Памяти товарищей, погибших под Карбуселью» (местечко недалеко от Ленинграда) образ *земли* выступает сразу в нескольких, связанных между собою значениях, определяющихся контекстом строфы и смысловыми связями внутри языковой ткани стихотворения. Первое значение (в первой строфе) — *мать-сыра земля*, принимающая в лоно погибших за нее сыновей-защитников. Это значение особенно приближается к фольклорной традиции:

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Во второй строфе словосочетание *дальних земель* символизирует географическую широту и единство земли России и всего народа:

Из таежной Сибири, *из дальних земель*
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

В третьей строфе перед нами предельно конкретный образ пострадавшей от врага русской земли:

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли.

Наконец, в пятой строфе образ ленинградской земли выступает индивидуально-авторским синонимом безвременной смерти однополчан поэта, противопоставляемой непрожитой ими жизни:

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить,
В ленинградскую землю зарыли их.
Ну а им еще б жить да жить!..

Тема *земли*, со страданием принимающей в свое черное лоно погибших на войне, присутствует и в других стихотворениях Орлова, тесно переплетаясь с мотивом прерванной войной на самой «варе» молодой жизни:

Мы ушли на заре, словно тени косые,
Под землей наши руки с корнями сплелись,
И не слышим мы: дождь ли идет по России,
Или дымом сугробы в полях завились.

Во всенародно известном стихотворении Орлова «Его зарыли в шар земной...» могила советского солдата, погибшего в бою за родную землю, вырастает до пределов всего земного шара, а тема защиты Родины от фашизма обретает космически-обобщенное звучание:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.*

Вместе с Великой Отечественной войной в поэзию Сергея Орлова навсегда вошла суровая солдатская правда, которую поэт хранил в своей памяти до конца дней своих. Эта правда стала болью его души. В 1975 году Орлов писал:

Та землянка в волховских болотах,
.....
Нынче стала болью тяготеющей,
Стоном всех моих суставов, жил.

В ЦГАЛИ СССР хранится телеграмма С. С. Орлова А. Т. Твардовскому от 9 мая 1968 года: «Уважаемый Александр Трифонович. Поздравляю Вас с днем солдатской правды от всей души. Ваш Сергей Орлов» (ЦГАЛИ, ф. 1816, оп. 2, ед. хр. 432, л. 5—6).

Про Сергея Орлова уместно сказать, что он всю жизнь был солдатом и в своей лирике, и в чутком отношении к людям... и в своей смерти.

Еще в 1945 году поэт пророчески сказал о себе:

Что-то в области сердца...
Умру не в постели,
На ногах, как солдат умирает в бою...

С. В. Викулов в предисловии к первой посмертной публикации стихотворений Сергея Орлова рассказывал: «7 октября 1977 года, через тридцать четыре года после по-

следнего для него боя, в Москве, в одном из длинных ее коридоров, он упал... Упал, как подкошенный, вдребезги разбив на обгоревшей, со скрюченными пальцами левой руке старенькие часы «Победа». Он берег их, как талисман. И когда ему говорили: «Почему ты не сменишь часы? На них уже и циферблата не видно!» — он отвечал: «Часы эти подарила мне мама, когда я пришел с войны. Пока они идут — я живу».

И вот — часы разбились.

И разорвалось сердце!

И не оказалось рядом ни друзей, ни медсестры, чтобы помочь ему подняться, дотащить, как на фронте, „до медсанбата“...» (Наш современник, 1978, № 2).

В одном из последних стихотворений Сергей Орлов прощался с родной землей, без образа которой невозможно представить поэтического движения его души:

*Я землю эту попираю ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженною рукой.
Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне.*

Е. М. БЕНЬ,

научный сотрудник отдела
публикации ЦГАЛИ СССР

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать: возложили цветы к *памятнику Ленину* или к *памятнику Ленину*?»

Л. Мухамадиева, Карагандинская обл.

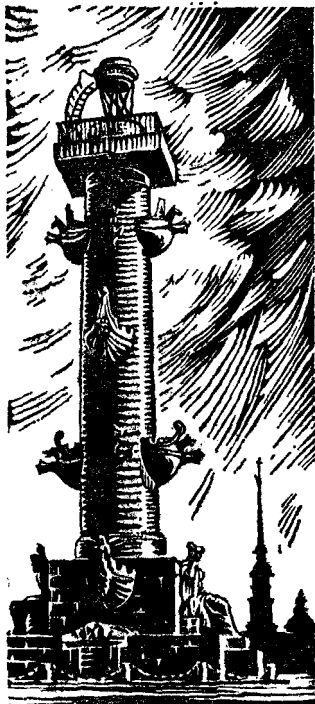
Со словом *памятник* могут сочетаться существительные в дательном падеже, если монумент создан в честь кого-либо (*памятник кому? Ленину, Горькому, Грибоедову, героям Плевны*), и существительные в родительном падеже, когда имеется в виду предмет материальной или духовной культуры прошлого (*памятник чего? архитектуры, декоративно-прикладного искусства, памятник XV века*). Возложить цветы можно только к *памятнику Ленину*.

Известный писатель
и филолог Л. В. Успенский
(1900—1978)

в своих воспоминаниях,
написанных к 60-летию
Великого Октября,
рассказывает о мужестве
и стойкости ленинградцев
во время блокады.

В осажденном городе
продолжалась культурная
и творческая жизнь:
поэты писали стихи,
издавались книги, в клубах
и театрах шли кинофильмы
и концерты,
работало Ленинградское
радио...

Публикуем эти воспоминания
с небольшими сокращениями
(полный текст см.:
журнал «Коммунист»,
1977, № 14).

Лев УСПЕНСКИЙ

Великий подвиг города Ленна

...Особенно памятен мне год 1941-й. Тогда решалась судьба страны, судьба революционных завоеваний.

В нашей стране немало городов-героев. Все они стояли в одном железном строю, выдерживая напор беспощадного врага. Все удостоены теперь вечной, непреходящей славы и благодарности.

В величавом строю их — правофланговый Ленинград. 900 дней и ночей длилась беспрецедентная в истории оборона невольской твердыни. 900 дней, проходя с юга по щетиному горбу Вороньей горы в Дудергофе, огибая на

западе Кронштадт возле островов Лавансари, а на севере — Белоостров, упираясь дугой в Ладогу, стягивала город железная блокадная петля.

И все же за многие тяжелые месяцы борьбы всей мощи гитлеровских орд, брошенных против города Ленина, не хватило на то, чтобы сломить волю и силу его защитников. Выстояв, оказав врагу неслыханное по длительности сопротивление, воины-ленинградцы при поддержке всего народа, руководимого Коммунистической партией, отбросили фашистов далеко от стен Ленинграда и дошли до Берлина!

Город на Неве стал гордым символом, ярким воплощением мужества, стойкости, воли к победе всей нашей страны, всего народа.

У каждого поколения в жизни бывает своя кульминация — свой самый высокий взлет. Для моих сверстников, ровесников века, которые в дни Октября были еще безусыми юнцами, вершиной их гражданского служения Родине стала Великая Отечественная война. А для тех, кому выпала честь, да, именно честь!, оказаться в сентябре 1941 года в Ленинграде и на Ленинградском фронте, — блокада.

Казалось бы, воскрешая в памяти те далекие годы, мы, теперь уже старики, невольно будем подавлять и себя и более молодых своих слушателей нескончаемой цепью мрачных воспоминаний, рисуя одну за другой картины, от которых становится и жутко и больно.

Но как раз наоборот: когда участники блокады собираются вместе, их лица озаряются внутренним светом. Так бывает, когда лучи солнца прорываются сквозь лохмотья уже отгремевшей грозой тучи. И вспоминаем мы не столько холод и голод, бомбежки и обстрелы, не одних лишь погибших на наших глазах соратников... Мы как бы заново переживаем то удивительное чувство локтя, которое владело тогда всеми ленинградцами (хотя многие из них впервые увидели этот город за несколько дней до начала блокады). И еще одно объединяло, роднило нас всех тогда — твердая уверенность, что победа придет. С этим ощущением мы просыпались каждое утро.

...Тысячи раз приходилось мне и слышать и читать: «Ленинградцы 900 дней стояли насмерть».

Мне кажется, слова эти не совсем исчерпывающи. Да, мы стояли неколебимо, действительно насмерть, но — это главное! — во имя ЖИЗНИ. И именно это дало городу

силу, «перетерпев судеб удары», на деле ощутить, как «тяжкий млат» осады смог выковать в его сынах тот «булат», с которым они и перешли в контратаку.

Разумеется, никто из ленинградцев не мог быть тогда уверен в своей невредимости. Скорее наоборот. Но — так по крайней мере кажется мне — со дня, когда вражеское кольцо замкнулось вокруг нас, как бы слив наши судьбы в одну, мы все с небывалой дотоле непреложностью ощутили великий город наш как неразрывное целое, как единую семью всех его защитников, а значит, и меня, и тебя, и ее, и тысячи тысяч... И как-то сразу совершенно очевидной стала для всех истина: жизнь и смерть каждого не столь уж существенны перед главным — Ленинград будет жить! Он доживет до Победы!...

Ленинградцы ни на секунду не забывали о том, чье имя носит их осажденный город...

Вставал в памяти не только сам Ильич. Вспоминалась и как бы заново переживалась вся освещенная его делом недавняя мирная жизнь. Дворцовая площадь в дни Первой и Октября. Разве можно было допустить хоть на мгновение, что нам больше никогда не придется участвовать в праздничных демонстрациях, идти мимо трибун, неся на руках малышей, любоваться алыми знаменами, реющими над головой. Проходя мимо Кировского завода, работавшего и в блокадные дни, мы вспоминали картину «Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе». Проникая сквозь высокую глухую стену заводского двора, взгляд невольно искал те же крыши цехов, те же высокие трубы, которые «видели» и могли «помнить» Ильича.

Защищая родной город, ленинградцы как бы заслоняли телом своим революцию и ее вождя. Может быть, не все отдавали себе отчет в том, что они ощущали, но чувство это жило и было горячо. Оно-то и превратило оборону города в дело особое, дело, которое могло иметь только один исход, одно завершение — Победу!..

Почти все в тогдашней действительности нашей, что сейчас представляется нам почти фантазмагорией, вымыслом, преувеличением, казалось тогда естественным, чуть ли не само собой разумеющимся, единственно возможным... И все-таки многое стояло на грани чуда, а возможно, и по ту сторону этой грани.

Разве не чудом, например, было то, что в наглухо отрезанном от всего мира, голодающем городе, под обстрелами и бомбежками работал театр музыкальной комедии?!

Перед гордым фасадом его в непроглядной тьме затемнения можно было всегда видеть толпу закутанных во всевозможные одежды и платки людей, в валенках и башлыках — они рвались попасть в театр: «Товарищ командир! Свободного билетика не имеете?»

Чудом было и то, что в городе выходили журналы и книги. Одни люди писали рассказы и стихи, другие сочиняли музыку, третьи набирали тексты и гравировали ноты, четвертые читали и слушали все это, восторгались, смеялись или плакали — не над окружающей их трудной действительностью, нет! Все эти чувства рождала музыка, поэзия...

Три подвижницы, сотрудницы Детгиза, уже в конце 1942 года нашли возможность возобновить издание пионерского журнала «Костер», и достать его номера было почти невозможно: весь тираж расходился моментально!

Да вот у меня в руках моя собственная книжка «Мифы Древней Греции», предназначенная для школьников. Она была подписана к печати за 18 дней до начала войны и лежала на складах до конца сорок второго года.

Помню, как в издательстве мне сообщили, что ее продают в магазине на далекой окраине — почти у самой передовой. Я не стал торопиться: кому она нужна теперь, детская книжонка? И решил сходить за ней дня через три.

Но когда пришел в магазин, книга уже была распродана. И только потому, что я, автор, проделал пешком километров пятнадцать, а может быть, потому, что на мне была морская шинель с офицерскими погонами, продавщица «устроила» мне пять экземпляров этих «Мифов». Те пять экземпляров я послал в тыл родным, а у самого не осталось ни одного. После телевизионной передачи, в которой я рассказал об этом случае, мне вдруг подарил эту книгу инженер-ленинградец, который подростком приобрел ее в блокадном городе...

Эти нахлынувшие воспоминания еще раз заставили задуматься над тем, что люди, которые могли под бомбами и снарядами читать стихи, смотреть спектакли, интересоваться мифами Древней Греции, способны были пожертвовать чем угодно, в том числе своей жизнью, во имя возвышенной мечты, огненного факела грядущей Победы!

Воспоминания ведут меня по блокадному Ленинграду. Вот многоэтажный дом, где тогда, как и сейчас, размещались радицентр и все студии, вещавшие от лица нашего города.

Мне нередко случалось в те дни читать по радио свои произведения. А еще чаще — на ночных, пустынных улицах, уснувших как бы под сильным наркозом, я слышал через репродуктор голоса своих товарищей по ремеслу — писателей и поэтов.

Жители сегодняшних шумных городов даже не представляют себе, что это такое. Бывало идешь в полной тишине, нарушаемой лишь сухим стуком радиометронома, скажем, по Большому проспекту Петроградской стороны, и вдруг тишину разрезает:

— Внимание! Говорит Ленинград!..

Проспект очень длинен. На нем установлено много радиоточек. Каждая из них находится на различном расстоянии от вас. И звуки доносятся не сразу, а в строгой последовательности, контрапунктом, многократно:

— Говорит Ленинград... Ленинград... Ленинград...

В абсолютной тишине — ни трамваев, ни машин, ни шума шагов и голосов! — это поражало воображение. Садясь за дикторский стол в студии, невольно всякий раз представлял себе, как гулко разносится и перекатывается мой голос по улицам любимого города. И горделиво сознавал в тот миг, как велика честь говорить со всеми ленинградцами и как неизмеримо велика ответственность каждого, кому доверено это право...

Да, те, кто слышал этот голос, никогда не забудут его!

То, что свершено было ленинградцами в 900 блокадных дней, навечно войдет в летопись самых славных человеческих деяний. Стойкость, мужество, несгибаемая воля защитников города олицетворяют собой героизм всего советского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть в борьбе против гитлеровских полчищ, отдавшего во имя победы 20 миллионов жизней...

Этот воинский подвиг был свершен и во имя светлого будущего всего человечества. Но, думая об этом титаническом подвиге, спрашиваешь себя: а когда же он начался?

Тогда ли, когда в тревожные летние дни 1941 года был образован Ленинградский фронт? Тогда ли, когда в самые первые дни войны на площадях и улицах города собирались первые добровольцы дивизий народного ополчения? Тогда ли, когда врагу удалось сомкнуть кольцо блокады и отрезать город Ленина от ленинской страны?

Я думаю, это случилось намного раньше...

Я думаю о блокаде Ленинграда, а перед моими глазами возникает суровый облик Петрограда гражданской

войны... Я вижу превращенные в броневые точки стальные детали машин и котлов на набережной Фонтанки у Калинкина моста в 1919 году... До мысленного слуха моего доносятся могучие удары: то «Петропавловск», будущий «Марат», бьет с акватории порта по войскам Юденича... И гул этих залпов сливается с грохотом контр-батареинной стрельбы 1943 или 1944 года... И кажется символичным, что фашисты Гитлера были остановлены перед теми же Пулковскими высотами, возле которых за двадцать два года до них были разгромлены свирепые колонны белой гвардии...

Теперь, слушая ежегодно 9 мая веселый грохот фейерверочных залпов салюта, глядя, как за моим окном высоко в небо взлетают букеты красных, зеленых, огненных ракет, я вдруг вижу самого себя, семнадцатилетнего, темной ноябрьской ночью на тогдашнем Конногвардейском бульваре, вот тут же, в двух кварталах от нынешнего моего письменного стола. Я шел, жадно присматриваясь и прислушиваясь к настороженной, ожидающей тишине осенней ночи. И вдруг словно металлический стержень вошел в мое дыхательное горло, точно могучие руки ударили по ушам. Я остановился как вкопанный. В ту минуту я не знал, что такое случилось.

Теперь, шесть десятилетий спустя, знаю: то грянул выстрел «Авроры». Стоит выглянуть из моего окна, и я вижу на противоположном тротуаре, над самой Невой, гранитную стелу: она воздвигнута прямо против того места, где славный крейсер стоял в ту великую ночь. Теперь, шестьдесят лет спустя, мне известно: победа 9 мая связана с победой 25 октября неразрывной связью. И связи эти уходят дальше и глубже в сумрак Истории. Там, за победами этими, стоят и Воскресенье 9 января 1905 года и ленинские кружки за Невской заставой на рубеже двух веков.

Из истории
русского красноречия:
«ЧТЕНИЯ О СЛОВЕСНОСТИ»
И. И. Давыдова

Известный русский филолог, видный деятель просвещения, академик Академии наук по Отделению русского языка и словесности Иван Иванович Давыдов (1794–1863) был ученым широкой эрудиции. Им написаны труды по логике, философии, математике, греческому и латинскому языкам. Филологические работы И. И. Давыдова обращены к проблемам русского литературного языка и литературы. Особенно плодотворно он работал в области грамматики, исследуя как отдельные явления, так и грамматическую систему в целом.

Общее описание грамматического строя содержится в двух больших трудах — «Грамматика русского языка» (СПб., 1849) и «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1852). Научное значение этих работ состоит в том, что через сто лет после Российской грамматики Ломоносова И. И. Давыдов представил в них довольно полное описание грамматических форм русского литературного языка, сложившихся в первой половине XIX века. И. И. Давыдов разрабатывал также вопросы русской лексикологии и лексикографии, которым посвятил несколько специальных работ.

Наибольший интерес представляет работа И. И. Давыдова «Чтения о словесности» (Курс первый. М., 1837). Основные положения данного исследования, изложенные с предельной ясностью, обладают неувядаемой свежестью и в настоящее время, сохраняют свою ценность и актуальность для науки о культуре родной речи

и о русском языке в целом. Эта обширная работа состоит из 15 глав (или «чтений», как называет их автор). Первые шесть глав, составляющие более широкие разделы — «Введение» и «Язык», посвящены общим вопросам определения предмета словесности как специальной науки, ее отношения к философии, истории и другим смежным наукам. Остальные девять «чтений» излагают теорию красноречия.

По мнению И. И. Давыдова, теория красноречия представляет собой принципы, основы организации выразительных прозаических текстов, письменных и устных,— принципы «построения речи изящной». «Что ж служит основанием изящной речи? Достаточно ли, чтоб она построена была по правилам языка?» — ставит перед собой главный вопрос И. И. Давыдов. Главным, обязательным качеством и достоинством выразительных текстов является смысловая ясность, которая не может быть подменена никакими другими свойствами. Требование ясности в теории Давыдова абсолютно и категорично. «Ясность составляет существенное достоинство всех родов сочинений; недостаток ее не может быть вознагражден другими качествами. Роскошные украшения лишь слабо освещают речь темную, утомляют слушателя или читателя, не доставляя никакого удовольствия. Если легко и ясно нас понимают, мы уже совершили главное дело в речи изустной и письменной».

Главное условие, без которого письменный текст или речь оратора не могут быть ясными,— это глубокое знание и понимание автором предмета изложения: «Все, что мы сами ясно понимаем, можем также ясно передать другим, если только вникнем в изложение. Напротив, не должно писать о том предмете, которого мы совершенно не понимаем. Можно не иметь об иных предметах полных и подробных понятий; но те, о которых мы намерены говорить или писать, должны быть для нас ясны; а при ясности понятий от нас зависит ясное их изложение»; «Мы любуемся речью, когда не принуждены бываем угадывать ее смысла; когда в ней предмет развивается легко и последовательно; когда она течет, как прозрачный ручей, которого видишь самое дно».

В теории красноречия И. И. Давыдова представлена тщательно продуманная разработка принципов языковой организации образцовой речи. Ясная в смысловом отношении и выразительная по своим художественным особенностям речь создается при условии соблюдения трех основных требований — правильности, чистоты и точности. Эти категории получили глубокую разработку впервые в данной работе И. И. Давыдова.

Так, правильность «требует слов и оборотов, свойственных тому языку, на котором говорим или пишем». Интересно замеча-

ние о том, что понятие правильности «не допускает слов и оборотов иностранных, обветшалых и вышедших из употребления, равно нововведений, не получивших в языке права гражданства». В правильной речи должны использоваться общепринятые, активно употребляемые нейтральные языковые средства.

Понятие чистоты «состоит в выборе слов, принятых лучшими писателями и употребляемых людьми образованными. Она избирает те слова, которые лучше выражают соответствующие им понятия, и отвергает выражения простонародные, не изображающие вполне мыслей, которые хотим другим передать». «Речь может быть правильной и не иметь надлежащей чистоты,— пишет автор.— Наоборот, когда слова принимаются не в настоящем значении, не применяются к предмету, не совершенно выражают мысль писателя, тогда речь неправильна, а неправильности не поможет и чистота. Но речь получает и ясность, и изящество, когда правильность соединяется с чистотою».

Точность «требует, чтоб выражение наше совершенно представляло мысль, в нем заключающуюся. Это достоинство речи тесно соединено с понятием; здесь трудно отделить слово от мысли. Для точности потребно иметь понятия о предмете определенные и полные». Но как остаться точным в выражении какого-либо содержания? «Для этого в речи не должно помещать ни одной посторонней мысли, никакого придаточного или излишнего слова, затемняющего главную мысль и препятствующего нам явственно ее видеть. Писатель точный живо представляет себе тот предмет, который намерен изобразить; он совершенно обнимает его; с какой бы стороны ни рассматривал его, видит определенно. Редкое качество в писателях: оно принадлежит тем только из них, которые глубоко изучали описываемый ими предмет».

Излишнее, неоправданное для содержания употребление лишних слов делает речь вялой и невыразительной. Но и стремление к использованию языковых средств, лишь минимально необходимых для передачи какой-то мысли, может сделать речь сухой и вялой. «Желая упростить речь, лишаем иногда ее изящества. Иные, помышляя только о точности в выражениях, вполне соответствующих мыслям, отменяют всякое украшение: от того кажутся сухими, жесткими». Основное положение «Чтений о словесности» — требование разумного, рационального сочетания точности и украшения: «Соединение обилия и точности, легкости и изящества, правильности и чистоты — вот высокое достоинство речи, столь редко встречаемое... Не должно только жертвовать одним качеством другому: совершенство требует соглашения всех качеств, а это предполагает ясности мысли и глубокое знание языка».

Тщательную разработку в книге И. И. Давыдова получает теория «изящного построения периода». Основу авторской позиции составляет мысль о том, что выразительность речи в целом, как и отдельных, единых по мысли отрезков (или «периодов»), находится в прямой зависимости от искусства излагать мысли «в естественном порядке». Это качество периода называется «силою». Силу периода определяют следующие условия: положение главных и второстепенных слов; последовательность и постепенность изложения мыслей; расположение обстоятельств, выражающих смысловые детали; соблюдение закономерностей построения окончания периода; обусловленность употребления частиц, как соединительных, так и выражающих последовательность действий.

Особую роль в «изящном построении периода» играет благозвучие, или «движение словотечения». Роль звуков в создании художественной речи — это лишь одно из средств для более яркого выражения содержания: «...мысль и звук, как тело мысли, действуют одна на другой взаимно и тесно между собой соединены».

Благозвучие, которое автор считает «вторым условием изящной речи», зависит как от звуков, воспринимаемых порознь, так и от их расположения, сочетания и следования. Важны при этом многие факторы: определенное расположение звуков и слов в периоде; соответствие звуковых особенностей окончанию периода; ассоциативные связи звуков и цвета; зависимость расположения слов от ударения и места «расстановок» в периоде и др.

Видя в звукописи средство для более яркой и убедительной передачи излагаемого содержания, И. И. Давыдов исходит из следующего основополагающего заключения: «Звуки голоса нашего подражают не самым предметам, а впечатлению, какое производят они в нашей душе; мы сами это впечатление облачаем в известные звуки в воображении нашем и прилагаем их к словам писателя».

Последние шесть глав «Чтений о словесности» посвящены описанию языковых средств, «украшающих» речь, придающих ей выразительность и художественную яркость. Подробно анализируются здесь «фигуры слов» и «фигуры мыслей»: метафора, аллегория, гиперболы, олицетворение, обращение, сравнение, противопоставление, вопрошение, восклицание и др. Свою исходную позицию об их употреблении И. И. Давыдов определил следующим образом:

«Вот важное правило, принадлежащее всем видам украшенного языка... Всегда должно помнить, что фигура есть внешняя оболочка мысли. Как в одеянии, всегда должно соблюдать приличие в отношении к званию нашему, и отдаляться от этого значит действовать вопреки вкусу; точно так же мысль и выражение должны быть в совершенном согласии. Роскошь в фигурах без надобности показывает тщетное желание казаться блестящим, от

этого сочинение получает вид детской вольности и не только не возвышается, но даже лишается своего достоинства. Истинное величие человека зависит от его внутренних качеств, а не от одежды; равно достоинство сочинений заключается в мысли, а не в украшении слога. Изысканность и излишество в украшениях столько же вредят сочинителю, сколько и всякому человеку. Вообще фигуры и метафоры неприлично употреблять без разбора; они всегда должны быть сообразны с мыслями и чувствованиями».

Основой стилистической теории И. И. Давыдова, изложенной в «Чтениях о словесности», является максимальное соответствие стиля сообщения (устного или письменного) его содержанию, а также адресату, для которого предназначен тот или иной текст.

Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
кандидат филологических наук

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Телеизограф. В разряд названий механизмов, приборов, предназначенных для записывания чего-либо (*фонограф, сейсмограф, барограф*), вошло это слово.

«Специалисты Ленинградского электротехнического института связи имени профессора М. А. Бонч-Бруевича разработали аппаратуру, которая позволяет по обычному телефонному каналу передавать изображение любого предмета одновременно с разговором. Телеизограф — так назвали новинку — найдет широкое применение» (Правда, 1984, 18 февр.).

По своему составу новое название — сложное слово, состоящее из трех интернациональных корней: греч. *tele* — вдале, далеко; греч. *isos* — равный, одинаковый, подобный; греч. *graphō* — пишу.

Земклуника — это название новой ягоды. Слово представляет собой искусственное образование, составленное из двух усеченных основ имен существительных *зем* (ляника) и *клу* (бника) и суффикса *-ника*: «Селекционеры назвали новую ягоду *земклуника*. Она соединила качества садовой и лесной земляники. Гибрид выведен в Научно-исследовательском институте садоводства Нечерноземной полосы... Новинка соединила в себе лучшее из того, что присуще обеим ягодам. Земклуника устойчива к заболеваниям. Ягоды можно убирать механизированным способом. Освоение земклуники идет на опытных участках Нечерноземья» (Веч. Москва, 1984, 9 авг.).

Г. М.

Крупно- широко- МАСШТАБНЫЙ ПОЛНО- ...

Наблюдения за этими словами приподнимают завесу над столь скрытыми явлениями, как социальный вкус и речевая мода, влиятельные в данный момент источники новых слов и значений, вообще обновление в языке.

Частотность их даже в тщательно редактируемых газетах выходит за границы дозволенного. В соседних заметках читаем, что «начатая администрацией Рейгана широкомасштабная программа милитаризации космоса является попыткой создать потенциал первого удара» и «режим Нджамены ведет подготовку к крупномасштабному наступлению» (Известия, 1983, 30 ноября). Репортер сообщает, что в Италии прошла «крупномасштабная операция против мафиози», а рядом: в Кунцево «решили отказаться от крупномасштабных пробегов на стадионе» (Известия, 1984, 19 марта). И опять же по соседству (Правда, 1984, 25 июня): «...готовятся к проведению широкомасштабной операции „Сорняк“, призванной потеснить наркотическую дурман-траву» и «...провели недавно крупномасштабную операцию по борьбе с преступностью в Голливуде». В газете ежедневно можно найти эти синонимы, причем в разных сочетаниях и применительно к самым различным темам:

крупномасштабное наступление; крупномасштабная операция; комплекс крупномасштабных мер; крупномасштабные маневры; крупномасштабные учения; крупномасштабное промышленное производство; крупномасштабные эксперименты; крупномасштабные предложения; крупномасштабный эксперимент; крупномасштабная реконструкция производства;

широкомасштабные закупки; широкомасштабная программа; широкомасштабное загрязнение окружающей среды; обобщение итогов широкомасштабных экспериментов по совершенствованию механизма управления; широкомасштабные внешние инициативы Советского Союза.

Поводом к актуализации этих слов послужила злоба дня: чреватые мировой войной действия США — большие, крупные, гигантские, массовые, всеобъемлющие, наращиваемые в огромных размерах, небывало широкие по размаху, беспрецедентные по масштабам. Отправной точкой для составителей политической документации и международников-обозревателей служило английское словоупотребление: *on (upon) a large scale, scaled-up, large-scale (large-scale map, large-scale housing construction)* переводятся *в крупном масштабе, увеличенный или повышенный, крупномасштабный, промышленно-крупный*. Слово *scale*, исторически совмещающая значения «лестница», «раковина», «чаша» (откуда современное «весы») и «шкала», «размер, размах, охват, уровень развития», естественно, определяется как *широкий, глубокий, полный, огромный* и под. Соответственно и у нас ряд сомнительных синонимов пополняется словом *полномасштабный* (и, вероятно, можно ждать каких-нибудь новых — *высокомасштабный? великомасштабный?..*): «Решение президента Рейгана относительно полномасштабного производства нейтронного оружия...» (Правда, 1981, 14 авг.); «Американская сторона ведет дело к полномасштабному развертыванию своих новых ракет в Европе» (Известия, 1982, 7 дек.); «Полномасштабная работа станции началась в день, священный для всей космонавтики, — 12 апреля» (Хачатурьянц Л., Хрунов Е. На астероиде).

Масштаб же (немецкое *Maßstab* — измерительная палка; *в большом масштабе, размере* переводится скорее другим словом — *in großen Ausmaß*) может, строго говоря, быть лишь *крупным* или *мелким*, а также, учитывая картографические термины, *главным, частным, масштабом длин, площадей*. У В. И. Даля *масштаб* — «жезл размерный, мерило, линейная мера для чертежа», *масштабный* — «к нему относящийся». Правда, придя к нам в XVIII веке, *масштаб* давно ассоциируется с размером, охватом, объемом и размахом, а *масштабный* приобрел значение «большого размаха, охвата».

Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова обособил переносное значение (в мировом масштабе, масштабы производства стали гигантскими); 17-томный Словарь указал переносное значение и у прилагательного — «обширный, больших размеров», а также привел производные *масштабность* «свойство масштабного; большой охват, размах» и *масштабно* «с большим охватом, размахом». Советская эпоха породила ряд выражений, укреплявших значение величия, грандиозности: *победа революции во всемирном масштабе; талант большого масштаба; масштабность мышления; масштабно мыслить.*

К слову сказать, этот перенос не совсем правомерен, как заметил в статье «Масштаб и масштабный» (Русская речь, 1978, № 2) доктор географических наук Е. М. Поспелов. Термин *масштаб* определяется как «отношение длины линии на карте к длине соответствующей линии в натуре», поэтому *крупномасштабная карта* — это локальная, детализированная, а *мелкомасштабная* — охватывающая значительную территорию. Масштабы определяет величина знаменателя численного показателя: чем она больше, тем мельче масштаб, ибо чем больше знаменатель дроби, тем дробь меньше. Имея в виду всеобъемлющий охват, говорят о крупном масштабе, лишь оказываясь во власти «магии чисел»: поскольку знаменатель больше, то и сама дробь представляется более крупной!

Впрочем, общее употребление не всегда отталкивается от научных представлений: казалось бы, даже нелогично *крупный размах* назвать *размахом мелкого масштаба*. Синонимизируя *масштаб* и *размер*, в общем употреблении к масштабу присоединяются размерные эпитеты *мировой, всесоюзный, массовый, грандиозный* и под.

Прилагательное *масштабный*, вполне оторвавшись от относительного значения (*масштабная линейка*), стало укреплять значение «большого размера». Так же *высококачественный* укрепляет значение *качественный* (высокого, а отнюдь не низкого качества), хотя там ход развития мог быть обратным. Первоначально узкоспециальное *крупномасштабный* (*крупномасштабная карта*) выходит соответственно в общий язык (этого не происходит с параллельным термином *мелкомасштабный*; ср. весьма редкое и *низкокачественный*), параллельно образуется и аналогичное *широкомасштабный*. Как окказионализмы *крупномасштабный* и *широкомасштабный* впервые отмечены в 17-томном Словаре (не отдельной статьей, а как примеры к сложениям с *крупно-* и *широко-*); впервые отдельной статьей *крупномасштабный* зафиксирован четырехтомным «Словарем русского языка» во втором издании: «Крупного масштаба. *Крупномасштабная карта* // перен. Большого размера, объема, широкого охвата. *Крупномасштабное производство. Круп-*

номасштабные проблемы» (т. е. как синоним прилагательного *масштабный*).

Современная служба учета новых слов отнесла *крупномасштабный* и *широкомасштабный* к неологизмам (Новые слова и словари новых слов. Л., 1983). С примерами в основном середины 70-х годов *крупномасштабный*, *полномасштабный* (любопытно, что еще не в значении «очень большой», а в значении «исполненный в реальном масштабе 1 : 1!»), а также *крупномасштабность* и *широкомасштабность* указаны в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1984), в котором находим еще *крупноэруптивный*, *крупноплановый*, *крупноформатный*; *полноразмерный*, *полнорационный*, *полносистемный*, *полноформатный*; *широкозахватный*, *широкоохватный*, *широкофюзеляжный*.

Иными словами, самый тип сложений — давний и продуктивный, а состав образований исторически меняется, как бы иллюстрируя актуальность тематики неологизмов для каждой эпохи. Для В. И. Даля это *крупнобороздчатый*, *крупноволокный*, *крупноголовчатый*, *крупнодырный*, *широкодильный*, *широкополый*... Повторяя в какой-то мере предшествующие, словари нашего века указывают *крупнокалиберный*, *крупноблочный*, *крупнокапиталистический*, *крупнопромышленный*, *широковещательный*, *ширококолейный*, *широкоплечный*, *широкоэкранный*... В новейших находим *крупногабаритный*, *крупнообъемный*, *крупноразмерный*, *крупносерийный*, *крупнотоннажный*, ср. также многочисленные *многоканальный*, *многостаночный*, *многосерийный*, *большегабаритный*, *быстро-растворимый*, *быстрозамороженный* и т. д.

Таким образом, в рассматриваемых словах иноязычное влияние наложило на вполне самобытное развитие значения и его формы, совпало с русским осмыслением масштабности вообще: «О масштабности военных приготовлений, осуществляемых США, свидетельствуют огромные военные расходы... Развертывание широкомасштабной системы ПВО... Создание широкомасштабной системы...» (Правда, 1984, 30 янв.); «Широкомасштабная провокация против мира... Приступают к развертыванию в массовых масштабах ядерных крылатых ракет... Реализация программы широкомасштабной ПВО... Хотят осчастливить их военными заказами таких масштабов и на такую перспективу, о которых раньше и не грезилось... Для решения острых проблем как в отдельных странах, так и общечеловеческого масштаба...» (Правда, 1984, 23 марта).

Становится понятно, почему именно сложения *крупно-*, *широко-*, *полно-*... *масштабный* оказались самыми подходящими, когда потребовалось обновление надоевших обозначений. В свое время скромное *большой* сменило *великий*, *величественный*, *грандиозный*: в 60-е годы общественно-языковой вкус отходил от книжности и

иностранщины в сторону народности, даже просторечия (актуальным было выражение *по большому счету*). Отталкиваясь от производственно-бытовых и фольклорных (у В. И. Даля *большой человек, большой угол, большая вода*), чувствительные к моде журналисты пустили в речь несметное число сочетаний типа *большой хлеб, большая руда, большая нефть, большой снег, большой уголь, большой хлопок, большое молоко* (Известия, 1982, 8 июля); *большой чай* (Известия, 1983, 30 окт.); *большой мед* (Правда, 1977, 23 июля); *большая медь* (Правда, 1978, 22 дек.); *большой газ* (Лит. газ., 1978, № 14). Это значение крупного производства распространилось на иные сферы: *большая химия, большая жатва, большая энергетика, большая пресса, большая наука, большой спорт, большое кино* (Известия, 1976, 18 авг.); *большой конвейер* (Новый мир, 1975, № 5); *большой клапан*: «езда на большом клапане, высокая форсировка котла» (Книжное обозрение, 1978, № 38); *большой монтаж*: «массовый, или, как тут говорят, большой монтаж заводского оборудования» (Новый мир, 1975, № 6).

Сейчас маятник моды вновь и явно качнулся в сторону усложненных книжных и иностранных средств выражения. *Масштабный* тяготеет не только к новым сложениям (с *крупно, широко, полно...*), но и к захвату все большей сферы применения. Уже вполне мыслимы какие-нибудь *крупномасштабный монтаж* или *широкомасштабная жатва*. До актуализации слова *большой* в универсальном значении «крупного размера, промышленного размаха, широкого охвата» невозможно ведь было предположить, что в газете напишут *большая музыка* (Известия, 1982, 8 июня; Правда, 1983, 11 окт.) вместо *симфоническая* или, в крайнем случае, *серьезная!*

Наивно не считаться с модой, тем более что в целом сегодняшнему словоупотреблению облагораживающее влияние книжности совсем не противопоказано. Но хочется все же надеяться, что журналисты не дойдут до такой модной крайности, как, скажем, *высокомасштабный хлеб!*

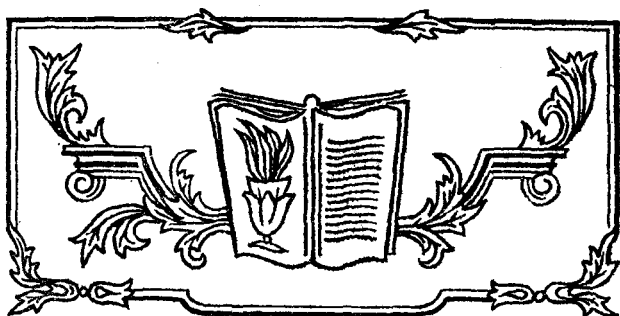
В. Г. КОСТОМАРОВ,
член-корреспондент АПН СССР

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как писать сложносокращенное слово, означающее организатора партийной группы?»

И. И. Колофидин, Уренгой

Партгруппорз — с одним п.

Василий Михайлович ИСТРИН 1865—1937

Выдающийся русский филолог Василий Михайлович Истрин родился 29 января (по новому стилю 10 февраля) 1865 года в селе Пехра Московского уезда в семье священника. После окончания трех классов духовной семинарии в 1883 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1887 году.

Его университетским учителем был специалист по древней литературе и археограф Н. С. Тихонравов. Кроме того, Василий Михайлович слушал лекции других выдающихся филологов: Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, занимавшихся преимущественно проблемами исторического языкознания.

Особенно устойчивым было внимание В. М. Истрина к истории переводной литературы. Его магистерская диссертация «Александрия русских хронографов», опубликованная отдельным изданием (М., 1893) и в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1894, кн. 1—2), определила область самых постоянных интересов молодого филолога к такого рода литературе в Древней Руси. К этой же сфере относится и его докторская диссертация «Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах».

Работая в Московском университете в должности приват-доцента и затем доцента (1891—1897), В. М. Истрин читал лекции по истории русского языка и литературы. Дальнейшее десятилетие его ученой и педагогической деятельности связано с Новороссийским университетом в Одессе, где молодой ученый занимал должности экстраординарного и ординарного профессора по кафедре новой русской литературы (1897—1907). В это же время он особенно активное участие принимал в работе Историко-филологического общества (при Новороссийском университете), его византийско-славянского отделения.

Научно-исследовательскую школу В. М. Истрина прошел известный специалист по славянской и византийской филологии профессор А. В. Рыстенко (1880—1915) — питомец Новороссийского университета, изучивший и издавший ряд важных переводных памятников древнерусской литературы.

Деятельность В. М. Истрина — неутраченного исследователя и издателя памятников древней славянской письменности — получила признание и высокую оценку ученых. В 1902 году Василий Михайлович был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1907-м — действительным членом, после чего он переехал в Петербург. Здесь ученый продолжил свои исследования в составе Отделения русского языка и словесности (Второго отделения) Академии наук, председателем которого он был в 1920—1930 годах (вплоть до закрытия Отделения).

Научной работой В. М. Истрин занимался и в последние годы жизни, несмотря на то, что тяжело болел. Именно в это время Василий Михайлович подготовил (в сотрудничестве с французскими учеными А. Вайаном и П. Паскалем) издание двухтомного сочинения Иосифа Флавия о полонении Иерусалима «История Иудейской войны», выпущенное в Париже в 1934—1938 годах.

Василий Михайлович был филологом, который хорошо владел палеографией, текстологией и на основе глубоких познаний в области языка давал всесторонний анализ и обстоятельные комментарии старинных письменных литературных источников, преимущественно переведенных славянами с греческого языка византийского периода. В течение многих лет им выяснялась судьба отдельных частей византийской Хроники Иоанна Малалы в славянских переводах. Собранные по крупицам материалы использованы В. М. Истриным в серии статей, опубликованных в различных изданиях.

Наибольшую известность из работ академика В. М. Истрина получил обширный трехтомный историко-филологический труд «Книги временныя и образныя Георгия Мниха, Хроника Георгия

Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь» (т. 1. Пг., 1920; т. 2. Пг., 1922; т. 3. Л., 1930). Внимательный анализ этого переводного памятника позволил ученому обосновать положение о том, что Хроника Георгия Амартола была переведена на Руси, хотя в памятнике и заметно южнославянское влияние. Выводы эти были в значительной своей части основаны на анализе языка памятника — его фонетических, грамматических и особенно лексических признаков.

Большое внимание при исследовании памятников письменности В. М. Истрин уделял их словарному составу, который получал в работах ученого весьма глубокую и точную характеристику. Было отмечено, например, значительное количество старинных слов, не учтенных славянскими историческими словарями. Неоднократно В. М. Истрин обращался в ряде статей к истории заимствованных слов, используя при этом старинные словари. Особенно много он занимался словами греческого происхождения в древнерусской письменности.

Свое издание «Хроники Георгия Амартола» В. М. Истрин снабдил греческо-русским и русско-греческим словарями. Благодаря этому русские соответствия греческим словам собраны в одном месте (при греческом слове), что дает возможность изучать древние синонимы и синонимические связи слов. В то же время подборка греческих соответствий при древнем русском слове в русско-греческом словаре позволяет точнее устанавливать объем значения русского слова. Эта практика заслуживает дальнейшего развития и широкого применения.

В. М. Истрин участвовал в работе над многотомным академическим «Словарем русского языка» (под редакцией Грота — Шахматова), оставшимся незавершенным, и освещал ход работы над ним в научной печати. Поставленные в работах исследователя задачи академической лексикографией не решены до сих пор и остаются по-прежнему актуальными. В архиве ученого сохранился в рукописи курс лекций «История русского языка», читанных в Московском университете в 1892—1896 годах.

Глубокая научная подготовка обеспечила В. М. Истрину решение сложнейших историко-филологических проблем с использованием методики самых разнообразных филологических дисциплин. Но главный интерес Василий Михайлович всегда проявлял к древней литературе славян, памятники которой он изучал всесторонне, обращая внимание на лингвистические проблемы и показывая их языковую специфику. Изданные ученым памятники древней письменности остаются важными источниками для истории русского языка: языковеды и сейчас продолжают их изучение. Сохраняют свою значимость отклики В. М. Истрина на отдельные науч-

ные исследования и характеристики деятельности его современников, относящиеся к истории славянской филологии.

Большое научное наследие В. М. Истрина [неполный список его работ приведен в XII томе «Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома)». М.—Л., 1956] учит нас понимать и любить литературу наших далеких предков, древнее искусство слова и само русское слово.

И. Г. ДОБРОДОМОВ,

доктор филологических наук

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Брифинг. В сфере дипломатии так называют представительные собрания журналистов. Слово *брифинг* является заимствованием из английского языка (*briefing* — инструктаж, инструктивное совещание). Как свидетельствует словарь «Новые слова и значения» (М., 1984), употребление слова *брифинг* «информационная беседа для журналистов» в нашей прессе фиксируется с начала 70-х годов. *Брифингами* называют встречи для журналистов, организуемые на высоком дипломатическом уровне, на которых делается краткое (англ. *brief* — краткий) официальное заявление или сообщается краткая официальная информация. Вот примеры употребления слова *брифинг*: «27 июля в пресс-центре МИД СССР состоялся

брифинг для советских и иностранных журналистов, касающийся предложения СССР о проведении переговоров по предотвращению милитаризации космического пространства и позиции, занятой в отношении этого советского предложения администрацией США» (Правда, 1984, 28 июля); «6 сентября в пресс-центре МИД СССР состоялся брифинг для советских и иностранных журналистов в связи с возобновляющейся 11 сентября в Стокгольме Конференцией по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе» (Известия, 1984, 7 сент.); «12 октября в пресс-центре МИД СССР состоялся брифинг для советских и иностранных журналистов... Были даны ответы на вопросы журналистов» (Известия, 1984, 13 окт.).

Орешница — так называется форма для изготовления «орехов» из теста.

Г. М.

Великие писатели прошлого остаются бессмертными в памяти потомков.

Основатель осетинской художественной литературы Коста Леванович Хетагуров (1859—1906) всю сознательную жизнь был тесно связан с двумя народами — родным, осетинским, и русским.

Родился К. Л. Хетагуров 15 октября 1859 года в ауле Нар Северной Осетии. Мать умерла, когда он был в двухмесячном возрасте, и тоска по неизведанной материнской ласке звучит в его стихах:

Блажен, кто с младенческих
лет
Был солнцем весенним согрет
И ласкою матери милой!

Желание

Как и у Некрасова, образ матери проходит через все творчество Хетагурова, к ней обращены его мысли в трудные минуты жизни. Отец будущего поэта Леван Елизбарович, прапорщик русской армии, имевший боевые награды, был образованным для своего времени человеком с прогрессивными взглядами. Именно отец воспитал сына интернационалистом, привил ему любовь к русской нации, к русской культуре.

Учиться Коста начал в нарской школе, а после переезда семьи во Владикавказ (Орджоникидзе) — в гимназии. В 1870 году отец во главе большой группы осетин пере-

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

«Я ПЕСНЬ
СВОЮ
СЛАГАЮ...»

селяется с гор в Кубанскую область, где было основано новое селение Георгиевско-Осетинское (ныне — имени Коста Хетагурова). Вскоре и Коста переезжает на Кубань и поступает в начальное станичное училище, а по окончании его — в ставропольскую губернскую гимназию.

Здесь и приобщается юноша к русской культуре; он страстно увлекается театром и живописью. Благодаря вниманию и заботе учителя рисования Василия Ивановича Смирнова Коста достигает значительных успехов. В 1877 году его рисунки были направлены в Москву на Всероссийскую выставку работ учащихся средних учебных заведений.

В те же гимназические годы под влиянием выдающихся творений великих русских писателей (Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова и др.) у Коста проявляется поэтическое дарование.

Характерно, что годы жизни Хетагурова в Ставрополе приходятся на период широко развернувшегося здесь революционного движения, оказавшего влияние на мировоззрение будущего поэта.

*

Немаловажным этапом в его жизни был петербургский период (1881—1885), время учебы в Академии художеств — центре культурной и прогрессивной русской мысли. Обогащенный новыми творческими замыслами, он возвращается в родную Осетию, где в процессе многолетней борьбы за справедливость становится крупным общественным деятелем.

В это время широко развернулось и его поэтическое творчество. Именно в эти годы пишет он почти все свои крупные произведения (включая поэмы на русском языке). Что касается стихотворений на осетинском языке, то они написаны на таком высоком художественном уровне, что, несомненно, представляют собой лучшую часть национальной литературы.

Основные осетинские произведения Коста Хетагурова вошли в его сборник «Ирон фандыр» («Осетинская лира»), оценивая который известный филолог В. И. Абаев в 1960 году отмечал, что «даже при первом, «абсолютном» подходе Коста может выдержать сравнение с сильнейшими поэтами. Его небольшой по объему «Ирон фандыр» заключает в себе стихи, высокое достоинство которых может оценить всякий культурный человек, независимо от национальности. Если же поставить вопрос так — что означает Коста для осетинской литературы, для осетинского народа, то здесь Коста встает во весь свой рост гиганта» (В. И. Абаев, Что значит Коста для осетинского народа).

Гениальное дарование великого осетинского поэта ярко проявилось и в произведениях, написанных им на русском языке. Лучшие его работы — ценный вклад в литературу народов СССР.

В 1939 году, выступая на юбилее Коста Хетагурова, А. Фадеев справедливо отмечал, что Коста как поэт, как писатель сложился во многом благодаря той идейно-художественной переключке, которая происходила у него с лучшими представителями русского народа. Именно они помогли осетинскому поэту познать всю полноту и глубину замечательных произведений великих русских писателей — Пушкина и Лермонтова, Островского и Грибоедова, Некрасова и Крылова. Через всю жизнь пронес он любовь к русскому языку — языку, на котором они творили. Классики русской поэтической речи сделали его духовными наставниками, у которых он постоянно и неустанно учился. Многим из них посвятил он вдохновенные строки своих стихов. Обращенные к современникам, как призыв к действию, звучат его слова в стихотворении «Памяти А. Н. Островского»:

Не плачь о нем! ты вместо слез ненужных,
Себя его идеей вдохнови...
Иди за ним! И факел, им зажженный,
Раздуй сильнее и всюду им свети...

Почитатель и пропагандист русской культуры, К. Хетагуров на протяжении всей своей жизни способствовал сближению своего народа с русским. Коста в совершенстве владел русской речью, часто употреблял в своих произведениях русские пословицы и поговорки, меткие выражения, широко использовал в своих работах произведения русских классиков. Он хорошо знал и высоко ценил русскую классическую литературу, русские писатели-реалисты были близки ему своим демократизмом, подлинной народностью, гуманизмом. Многим запомнилось пламенное выступление Коста Хетагурова в Пятигорске на открытии памятника М. Ю. Лермонтову. Выход в свет своего произведения «Ирон фандыр» он приурочил ко дню юбилея А. С. Пушкина, выражая тем самым уважение и любовь не только к великим русским мастерам слова, но и ко всей русской культуре. Коста понимал и принимал идеи русских писателей в борьбе за искусство, доступное широким народным массам, отражающее их нужды и чаяния. Изучение произведений русских классиков способствовало расширению кругозора писателя и росту его художественного мастерства. Коста творчески перевел несколько басен Крылова («Лисица и виноград», «Волк и журавль», «Гуси»), придав им настолько яркий осетинский колорит, что они стали звучать как оригинальные произведения.

В то же время Коста не забывал о своем долге перед родным народом, который в то время еще не имел литературного языка.

Осетинская письменность до Коста — это в основном переводы церковных книг. Неудивительно, что в таких условиях появление сборника «Ирон фандыр» стало для всего осетинского народа фактом, положившим начало становлению осетинского литературного языка. «Совершенство и зрелость поэзии Коста, при отсутствии до него какой-либо литературной традиции, воспринимается как явление исключительное. Начало осетинской литературы стало вместе с тем ее недосыгаемой вершиной. Минуя ступень примитивов, Коста одним взлетом достиг пушкинской чистоты, силы и ясности стиха» (Абаев В. И. Там же).

Как удалось Коста осуществить это? Известный осетинский поэт и ученый И. Джанаев по этому поводу сказал: «Коста — первенец осетинской музыки. Выступив на поэтическом поприще, он застал совершенно невозделанную почву. Он мог опереться только на богатый осетинский фольклор, который во многих отношениях послужил арсеналом и почвой для поэзии Коста» (Юбилей Коста Хетагурова. Орджоникидзе, 1941).

Народно-поэтические традиции были восприняты Коста вместе с первыми жизненными впечатлениями. В родном селении Нар будущий поэт слышал свадебные, застольные и другие ритуальные песни, а также песни, посвященные героической борьбе тружеников-горцев против феодалов, произвола царских властей.

Не раз слушал он напевы седобородых фандыристов-сказителей, и тогда в его воображении возникали образы бесстрашных героев-нартов, легендарных богатырей осетинского эпоса, солнцеликих красавиц.

Долгими зимними вечерами у дымных очагов слушал Коста чудесные осетинские сказки. Все это сделало его отличным знатоком, ценителем и собирателем осетинского фольклора, который неизменно питал творчество Хетагурова.

Гармонично развивая традиции устного народного творчества и опираясь на достижения высокой русской культуры, Коста Леванович Хетагуров внес огромный вклад в развитие национальной литературы. Его творчество явилось тем источником, который сегодня превратился в полноводный поток, имя ему — билингвистическая литература Осетии.

З. М. МАЛИНА

«ВОЙНА И МИР» Л. Н. Толстого на бирманском языке

В 1972 году писатель и переводчик, популяризатор русской классической и советской литературы в Бирме Мья Тан Тин был удостоен высшей литературной премии страны за перевод романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Полный, почти без купюр перевод отличают бережное отношение к произведению Толстого, большая близость к смыслу и стилю оригинала. Сопоставление «Войны и мира» с переводом помогает оценить всю кропотливость, тщательность труда известного бирманского литератора, глубже ощутить своеобразие процесса освоения романа-эпопеи в этой стране.

Местный читатель почти не знаком с Россией, тем более с ее историей, бытом, жизнью в XIX веке. Все это усложняло работу переводчика. Понимая, что бирманский читатель еще не встречался с таким числом персонажей в художественном произведении, Мья Тан Тин «для облегчения запоминания и чтения» романа приложил список основных действующих лиц. Открывается он, согласно словному принципу, графом Безуховым, о котором сказано: «самый богатый человек России». Пьер — незаконнорожденный сын графа, в скобках замечено: «впоследствии станет его законным сыном». Раздел «Остальные герои» возглавляет княгиня Друбецкая и ее сын, а заканчивает Каратаев, крестьянин.

Краткие перечни событий на обложках томов также помогают читателю в восприятии текста.

Несмотря на то, что Мья Тан Тин переводил с английского, его увлеченность советской и русской литературой, большой опыт, от-

личное знание подлинника и понимание проблем, о которых идет речь, сделали его перевод полноценным. Подтвердим этот вывод примерами.

Духовные искания, мысли Пьера и Андрея, рассуждения Толстого о войне, сцены сражений переданы без малейших сокращений в существующих традициях национальной словесности. При передаче писем княжны Марьи, описании службы в церкви Разумовских 12 июля 1812 года и т. д. ощущается понимание чувств русских героев и уважение к ним. Картины природы, индивидуальные портреты героев, например, портрет Долохова,— все передается бирманским литератором предельно точно.

Тщательность перевода философских рассуждений, публицистических отступлений, известная легкость его свидетельствуют о существовании традиции подобных вкраплений в национальной прозе.

При всей полноценности перевода нетрудно заметить, однако, что роман «Война и мир» под пером переводчика приобрел специфику национального характера за счет некоторых изменений. Их немного. И связаны они с иной географической и культурной средой, с особенностями национального восприятия, с иным грамматическим строем языка.

Например, князь Болконский говорит про Андрея: «...бросает и университет, и меня старика: едет в военную службу». Это, казалось бы, простое предложение изменилось в соответствии с национальным воспитанием. Родители в Бирме глубоко почитаются, поэтому их нельзя упомянуть после «университета». Причем на первом месте в семье по существующей традиции стоит отец. Вот почему в переводе слова звучат так: «...бросает и старого отца, и мать-старушку, университет, едет в военную службу» (тут, правда, сразу вкрадывается неточность, так как князь Болконский рано овдовел). Или: «Это метампсихоза,— сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила.— Египтяне верили, что наши души были в животных и опять пойдут в животных». Для бирманца вера в переселение душ невозможна, так как в буддизме нет понятия «душа». «Это бава ку,— сказала Соня» (в переводе), и новый читатель не нуждается ни в каких комментариях, поскольку «бава ку» означает переход из одной жизни в другую в общем круговороте рождений и смертей каждого человека.

Иногда Мья Тан Тин добавляет, видимо, для большей убедительности национальные сравнения. Марья Дмитриевна ругает Наташу: «Хороша, очень хороша». А в переводе появляется традиционное: «Девушка, которая вымазала лицо сажей». К словам Николая, обращенным к Соне: «Мне весь мир не нужен! Ты одна для меня все»,— добавлено принятое в Бирме сравнение: «Другие женщины, которые живут в этом мире,— шелуха от дробленого риса».

Меняются не соответствующие новым условиям пословицы: «как встряхнутая рожь на лопате» звучит по-иному: «как зерна сожженного риса, положенные на круглый бамбуковый поднос»; «плетью обуха не перешибешь» — «о каменную стену головой биться — пользы немного»; «немец на обухе молотит хлеб» — «немец на кремне кожу чистит» и т. д.

Можно заметить усиление социального противопоставления некоторых авторских мыслей Толстого: «Возмужание ее сына в каждой поре возмужания было для нее так же необычайно, как бы и не было никогда миллионы-миллионы людей, точно так же возмужавших». Переводчик усиливает: «Бедный или богат — все люди рождаются с двумя руками, плечами, превращаясь постепенно во взрослых. Белый или черный — все сосут материнское молоко, становятся взрослыми, проходя через этапы жизни».

Учитывая различия в синтаксических возможностях двух языков, Мья Тан Тин старательно преодолевает огромные трудности, связанные со сложностью толстовской фразы, изобилующей многочисленными придаточными предложениями. В бирманском языке отсутствуют сложноподчиненные предложения, поэтому при переводе Мья Тан Тин счел нужным упростить синтаксис, прибегая в таких случаях к простым предложениям.

Иногда при этом требуются дополнительные разъяснения. Толстой: «Анатоль Курагин жил в Москве, потому что отец отослал его из Петербурга, где он проживал более двадцати тысяч в год деньгами и столько же долгами, которые кредиторы требовали у отца». В переводе: «Анатоль, живя в Петербурге, проживал не только двадцать тысяч в год, но и долги. Кредиторы приходили к отцу князю Василию за долгами. Тогда князь Василий послал сына Анатоля в Москву. Так Анатоль оказался в Москве».

Толстой употребляет два предложения, которые в переводе разворачиваются в пятнадцать: «Иногда Пьер вспоминал о слышанном им рассказе о том, как на войне солдаты, находясь под выстрелами в прикрытии, когда им делать нечего, старательно изыскивают себе занятие для того, чтобы легче переносить опасность. И Пьеру все люди представлялись такими солдатами, спасающимися от жизни: кто честолобием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто вином, кто государственными делами». В переводе краткие «кто честолобием, кто картами» и т. д. превращаются в самостоятельные предложения.

Читая «Си хне ньэинджаней», то есть «Воину и мир», бирманец не может не почувствовать, что переводчику близки и дороги Андрей, Лиза, княжна Марья, Петя, Николай, личность которого особенно импонирует ему. У Толстого Николай не выдержал экза-

мена по закону божьему, Мья Тан Тин опускает эту деталь, чтобы не снизить очарование образа Ростова.

Некоторое увеличение объема по сравнению с оригиналом связано с разъяснением мыслей князя Андрея, Пьера, других героев, что обусловлено традициями национальной прозы. Непосредственно в текст введены пояснения разного порядка. Скажем, при упоминании о том, что Борис читал Жюли «Бедную Лизу», добавляется: «Это роман о дворянине и влюбленной крестьянке, в конце девушка бросается в воду и погибает». Или: «Графиня посмотрела на ногти и поплевала, с веселым лицом возвращаясь в гостиную». Мья Тан Тин поясняет: «Графиня, возвращаясь в гостиную с веселым лицом, посмотрела на ногти, поплевала на них, по обычаю русских, это имело значение — „скройся“, „исчезни“, „сгинь“». По бирманским представлениям, у матери и дочери не может быть одного и того же имени, поэтому простая, казалось бы, фраза — «У Ростовых были именинницы Натальи, мать и дочь» — в переводе расширяется.

Примечания и комментарии, имеющиеся в каждом томе, проливают свет на русскую историю, обычаи, нравы. Здесь и объяснение того, что в России гостей встречают хлебом-солью, а в некоторых местах — пирожными и сахаром, по утверждению переводчика. Есть пояснение манеры русских спорить, когда двое протягивают друг другу руки, а третий, судья, разъединяет их. Несколько раз рассказывается о том, кто такие «божьи люди», что такое *водочка*, *закуска*, как русские гадают и т. д.

При всей тщательности перевода небольшие изменения, внесенные в книгу, помогают ощутить иные акценты. Это естественно и неизбежно.

В дни всемирного празднования 150-летнего юбилея со дня рождения Льва Николаевича Толстого, которого все бирманские литераторы с почтением и любовью величают «Схая чжи» — «Великим учителем», в Рангуне увидело свет второе издание двенадцатитомного перевода «Войны и мира». Став явлением иной национальной культуры, роман Л. Н. Толстого живет сегодня своей новой жизнью, обогащая духовно читателя Бирмы.

Е. А. ЗАПАДОВА,
кандидат филологических наук
Ленинград

Рисунок В. Комарова

Э. М. Мурзаев.

СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ

Выход в свет любого словаря — событие особенное. Словарь избавляет от необходимости поиска интересующей нас информации в массе специальной литературы, экономит наше время и обязательно делает нас богаче. Это произведение обобщающее, поскольку всегда фиксирует какой-то этап наших знаний. Если же у словаря нет предшественников, он является еще и оригинальным.

Все это по праву относится к новой работе доктора географических наук Э. М. Мурзаева — «Словарю народных географических терминов» (М., Мысль, 1984). Данная книга — результат сложного многолетнего труда автора по собиранию географической лексики народов СССР. Всего в Словаре 3878 словарных статей, содержащих слово-термин, его значение (или несколько), указание на распространение в тех или иных языках, справку о происхождении (если оно известно) и т. п. Вместе с тем «Словарь народных географических терминов» — это увлекательный рассказ о словах, за которыми стоит то, что кажется нам с детства хорошо знакомым и привычным, — окружающая нас природа, рельеф, гидроресурсы, растительный покров. Нам хорошо известно, например, слово *болото*, и мы без труда представляем ту реальность, которая связана с данным словом. Для жителей же

лесных и болотистых районов, таких, как белорусское Полесье, реальность *болото* не представляется такой уж однообразной. По подсчетам специалистов, около 100 местных терминов с общим значением «болотистое место», выявленных в полесских говорах, говорят о строгом и четком различении видов болот в народной речи.

Народные географические термины очень точно отмечают особенности географического объекта, их содержание всегда предметно, конкретизировано. Так, слово *бор* в значении «сосновый или хвойный лес» хорошо известно, а в географической литературе употребляется как термин. В восточнославянских же диалектах, прежде всего белорусских и украинских, а также в некоторых северных русских, *бор* — это еще и «гора, покрытая лесом», «вообще возвышенность, холм, гора». Известно, что сосна обычно выбирает сухие, высокие и песчаные места, а полесские боры только на таких местах и растут. Учитывая эту особенность, переосмысление слова *бор* можно понять, при этом не исключено, что значения «возвышенность, поросшая лесом» и «холм, гора» являются древними диалектными особенностями восточнославянских языков.

Идея составления сводного словаря народной географической лексики впервые возникла в середине XIX века. Именно с этого времени географы, историки, этнографы, любители русской словесности, а в наше время — научные учреждения собирали и систематизировали географические термины, выявляли их специфику, отыскивали общие закономерности

географической лексики в разных языках и диалектах. Во «Введении» к Словарю автор, раскрывая сущность и значение народной географической терминологии, останавливается на истории ее изучения; желающим более подробно и углубленно познать эту группу диалектной лексики адресован список основных публикаций — статей в сборниках и книг монографического характера.

Читая Словарь, не перестаешь поражаться удивительной образности и меткости многих народных названий: *зоркая вода* — «чистая, прозрачная», *золоед* — «неплодородная, неудобная к удобрению земля», *обманка* — «слегка замерзшее сверху болото», *сытая вода* — «вода, удобная для плавания судов», *потные степи* — «недостаточно дренируемые участки степей с близким залеганием грунтовых вод и обилием заболоченных западин на поверхности», *сало* — «ржавая, стоячая вода на болоте, покрытая железистым налетом», *черев* — «пзгиб, излучина реки» (ср. *чрево* — «живот», диал. сев. *черев* — «кишки»).

Еще один пример. В «Словаре народных географических терминов» находим: *волоток* — «курган, древний земляной бугор». *Вологовками*, *волотками* или *волочками* называют в Белоруссии курганы, здесь же бытует слово *волот* (*волат*) — «богатырь», «великан», «исполн». Средневековые письменные источники сообщают о том, что на нижнем Одере в VIII веке существовало могущественное славянское объединение лютичей-велетов. Наиболее выдающихся воинов обычно хоронили в курганах. Мо-

жет быть, поэтому народная память связала древние курганы с преданиями о волотах-велетах.

Как видим, слово способно рассказать о многом, хотя не от каждого слова идут прямые пути в историю народа и историю языка. Гораздо больше тех слов, которые ставят перед исследователями вопросы. В тюркских и монгольских языках известно слово *тура* — «город, поселение, жилище». Этому слову отыскиваются соответствия и в индоевропейских языках: латин. *turris*, франц. *tour*, рум. *turn* — «башня, замок, дворец». Э. М. Мурзаев приводит также русск. диал. *тур* — «курган, бугор», «межевая насыпь».

Чем объяснить столь широкое распространение этого географического термина и где искать его истоки? В данном случае вопрос пока остается открытым.

Автор «Словаря народных географических терминов» на большом количестве примеров показывает удивительную устойчивость терминов на чрезвычайно обширных территориях. Так, географический термин *то*, *тор* — «озеро» в различных звуковых вариантах (*шор*, *сор*, *тур*) известен в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, финно-угорских языках. Интересное славяно-балто-ирано-финно-угорское соответствие заключено в слове *куна*. В белорусских и украинских говорах *куна* — «возвышенное, оголенное место, очищенное от леса», «куча песка», «роща из одного вида деревьев на высоком месте среди леса», лужицк. *кура* — «холм», литов. *kaupas* — «куча», перс. *куп* — «холм, гора», *kaufa* — «гора»,

мансийск. kamp — «бугор»; «куча земли».

Распространение географической лексики в разных языках, языковых группах и семьях представляет интерес для ряда смежных наук — исторической географии, истории, языковедения, этнографии, поскольку обычно указывает на следы этнических и языковых контактов, приоткрывает неисследованные страницы древней истории.

Не случайно в качестве эпиграфа к Словарю Э. М. Мурзаев взял следующее высказывание академика Л. С. Берга, относящееся еще к началу XX века: «Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей».

«Словарь народных географических терминов» содержит немало примеров сохранения в местной географической терминологии архаичных слов, позволяющих раскрывать ставшие «темными» отдельные языковые факты.

В Древней Руси существовало устойчивое выражение *по вавёрке (белке) от дыма*, употреблявшееся княжескими сборщиками податей. В Словаре приводится устаревшее и полузабытое ныне слово *дым* — «двор, хозяйство» (*дымница* — «селение, деревня»). Это слово отражено в названиях Дымники, Дыми, Дымск и др., встречающихся в РСФСР, БССР...

Сравнительный метод, положенный в основу словарного толкования географической лексики, привлечение богатого

материала из терминологии народов СССР и сопредельных стран подсказали интересный способ подачи иноязычных или узкорегionalных языковых фактов — помещение в Словаре фотоснимков соответствующих географических реалий, удачно дополняющих комментарий автора.

Новая работа Э. М. Мурзаева является весьма ценным вкладом в отечественную лексикографию, обогащает советскую языковедческую науку.

А. Ф. РОГАЛЕВ
Гомель

А. И. Мамонов.

ПУШКИН В ЯПОНИИ

В Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» вышла в свет книга А. И. Мамонова «Пушкин в Японии» (М., 1984). Тема книги кажется, на первый взгляд, странной и вызывает даже некоторое недоверие: так ли уж много точек соприкосновения между нашим великим национальным поэтом и экзотической восточной страной? Но по мере чтения книги мы очень быстро убеждаемся в том, что единственная причина этому недоверию — наша неосведомленность. К сожалению, очень многие из нас даже и не подозревают о том, какой огромный интерес проявляют японцы к личности и творчеству Пушкина, как интенсивно осваивается его наследие японской культурой. Книга А. И. Мамонова призвана восполнить этот досадный пробел.

Автор столкнулся с немалыми трудностями, работая над этой темой, ибо она почти не

изучена ни в советском японоведении, ни в японской научной литературе. Прежде всего А. И. Мамонову пришлось проделать колоссальную работу по сбору и систематизации материала, что позволило воссоздать общую картину осмысления творчества Пушкина японскими учеными и писателями и проследить эволюцию в оценке пушкинского наследия в Японии.

Японские русисты, так много сделавшие для популяризации у себя на родине пушкинского наследия, трезво полагают, что одно дело просто знать, что Пушкин — великий поэт (это известно каждому образованному японцу), другое — действительно понимать его поэзию и наслаждаться ею. Хотя в Японии растет число людей, знающих русский язык, но речь не о них, а о тех миллионах японских читателей, которые читают Пушкина только в переводах. Неизбежно возникает вопрос: возможно ли перевести пушкинские стихи на японский язык так, чтобы сохранить при этом совершенство и очарование подлинника? Наверное, первым движением каждого русского читателя будет категорическое отрицание такой возможности... Но не будем торопиться с выводами, вспомним, как мы восхищаемся японской поэзией в русских переводах.

Естественно, что проблема художественного перевода произведений Пушкина на японский язык — одна из кардинальных в исследовании А. И. Мамонова. Справедливо полагая, что вопрос о становлении художественного перевода неотделим от вопроса о распространении и освоении в Японии русского языка и русской

культуры, автор показывает роль учебных заведений Японии в подготовке будущих переводчиков-русистов, особо отмечает педагогическую и общественную деятельность русских людей, живших в Японии. Своим энтузиазмом, своей любовью к русской литературе, своей человеческой привлекательностью эти люди немало способствовали пробуждению у японцев интереса к России и русской культуре.

Анализируя переводы произведений Пушкина на японский язык, А. И. Мамонов ставит вопрос о том, достигалось ли японскими переводчиками приближение к подлиннику, и как оно воплощалось в экзотической, с точки зрения европейца, японской поэзии. Раскрывая особенности японского языка и стихосложения, автор отмечает необыкновенную трудность такого приближения ввиду полного языкового несоответствия двух поэтических стихий. Подробный стилистический анализ переводов пушкинских произведений демонстрирует различие художественной образности, самого понятия поэтичности в русской и японской поэзии. Очень важно, что автор показывает художественные достоинства японских переводов, звучащих порой странно для русского читателя.

Глава книги «Заглавия: оригинал и перевод» прекрасно иллюстрирует основные положения концепции, предложенной А. И. Мамоновым. Заглавия пушкинских произведений в первых японских переводах изменяются настолько, что нелегко определить, о каком произведении идет речь. Например, «Капитанская дочка», пе-

реведенная в 1883 году и снабженная оригинальными иллюстрациями, носила название «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка. Удивительные вести из России». А в 1886 году тот же перевод был издан под названием «Сказание о Смите и Мэри. История русской любви» (английские имена у русских героев появились, возможно, под влиянием английской культуры, которое было исключительно сильным в Японии конца XIX века). А. И. Мамонов объясняет, что эта, с нашей точки зрения, краснота и манерность заголовка обуславливались принципами перевода, господствовавшими в Японии XIX века, где точность перевода не представляла особой ценности, напротив, теоретически оправдывалось расхождение перевода с подлинником.

В дальнейшем переводческие принципы претерпели существенные изменения, и автор прослеживает, как трансформировались переводы пушкинских заглавий: ту же «Капитанскую дочку» переводят затем как «Дочь хозяина крепости», «Дочь командира», а с 1916 года — только «Капитанская дочка». Продемонстрировав на многочисленных примерах изобретательность и творческую фантазию японских переводчиков, автор убедительно показывает, что в современной Японии восторжествовали реалистические принципы художественного перевода. В поле зрения японских переводчиков попадают все новые произведения Пушкина, регулярно выходят книги, переведенные заново, на более высоком художественном уровне, иногда даже издаются па-

раллельно два-три перевода одного и того же произведения. Вникнув, благодаря книге А. И. Мамонова, во все неисчислимы сложности перевода пушкинских произведений на японский язык, испытываешь чувство восхищения трудом японских переводчиков, которые, пробиваясь через почти непреодолимые языковые и культурные барьеры, затратили огромные усилия на то, чтобы донести до своих соотечественников творчество великого русского поэта.

Отдельную главу книги составило рассмотрение путевых заметок, очерков современных японских путешественников о России, в которых упоминается Пушкин. Мы убеждаемся, что японцы воспринимают нашу страну во многом «через Пушкина», любовь к Пушкину в чем-то определяет их отношение к России.

В книге «Пушкин в Японии» представлен необыкновенно богатый и разнообразный материал, практически неизвестный в пушкиноведении. Кроме того, книга «Пушкин в Японии» представляет несомненный общекультурный интерес, ведь, в конечном счете, речь идет о творческой деятельности японского народа в освоении наследия величайшего русского поэта, об интерпретации пушкинских произведений людьми иной и далекой от нас культуры. Поэтому с особым удовольствием отметим, что свободный и легкий стиль изложения, живость подробностей и характеристик делает книгу «Пушкин в Японии» доступной широкому читателю.

О. С. МУРАВЬЕВА,
кандидат филологических наук
Ленинград

Ипатьевская летопись свидетельствует, что пленили Игоря Тарголовы, «муж именем Чилбук», однако здесь же на поле боя взял его на поруки хан Кончак, считавший пленного князя своим сватом, так как его дочь была помолвлена с сыном Игоря Владимиром. К тому же половецкий хан хотел, очевидно, проявить заботу о раненом русском князе. «Тогда же на полчищи,— читаем в летописи,— Кончак поручися по свата Игоря, зане бьашеть ранен». Жил Игорь при кочевье Кончака, которое находилось на реке Тор. Князь считался почетным пленником, поэтому особых притеснений не испытывал. Охрана (из 20 человек) относилась к нему с уважением, выполняла все его желания: «Сторожеве же те слушахуть его и чьстяхуть его, и где послашать кого, бес пря (возражения) творяхуть повеленое им». Кроме того, при Игоре было 5 или 6 своих слуг и поп, которого он специально пригласил «из Руси к себе со святоу службою».

Эти данные позволяют сделать заключение, что пребывание князя в плену не было кратковременным, так как распорядок его жизни, быт выглядят довольно устоявшимися. В самом деле, чтобы «выписать» из Руси попа, понадобилась бы не одна неделя: кого-то следовало снарядить и послать в Новгород-Северский, затем необходимо было проделать обратный путь через бесконечные степные просторы, в летнюю жару (дружины Игоря шли в Половецкую степь около 20 суток). В связи с этим сведения Лаврентьевской летописи о том, что Игорь бежал из плена «по малых днех», выглядят сомнительными. Не случайно академик Б. А. Рыбаков, доказывающий, что побег состоялся 21 июня 1185 года, в одной из последних своих работ отказался от этого предположения (См.: Киевская Русь и русские княжества. 1982).

Одним из самых интересных эпизодов «Слова» является побег Игоря из плена. По тому времени это был редкий случай, свидетельствующий о беззаветной отваге и горячем патриотизме русского князя. Не случайно личное мужество Игоря, его любовь к Русской земле всегда восхищали читателей, вдохновляли поэтов и композиторов на создание ярких, волнующих произведений. Этот эпизод давно привлекает к себе внимание исследователей, которые на основе «Слова» и летописных рассказов пытаются восстановить как можно полнее обстоятельства побега. В каком году бежал Игорь, и каким путем шел он в Русскую землю? Вчитаемся в «Слово», в летописные рассказы и попытаемся представить картину побега.

ИЗ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ
И ПИСЬМЕННОСТИ

Побег Игоря в 1185 году нам кажется маловероятным еще и потому, что в Ипатьевской летописи под 1185 годом есть такая запись: «Игорь же Святославичь тот год бяшеть в половцех». Кратковременное пребывание Игоря в плену не могло бы послужить поводом для подобной записи. Очевидно, оно было сравнительно длительным, прочно отстоявшимся в сознании летописца фактом.

Вызывает большое сомнение и 1187 год. Согласно летописным данным, в 1187 году Игорь Святославич жил в Новгороде-Северском и правил своим княжеством. Под 1187 годом в летописи приводятся такие сведения: Рюрик отдал дочь свою Ярославну за Святослава сына Игоря в Новгород-Северский. «Тогда же,— сообщает летописец,— приде Володимерь ис Половецъ с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорьъ сынови своему, и венча его и с детятемъ».

Таким образом, наиболее вероятной датой остается 1186 год.

Любопытно отметить, что автор «Слова» ничего не говорит о том, как жилось Игорю в плену, но весьма обстоятельно описывает его побег. В этом случае проявилась удивительная сила художественного мышления древнего поэта. Он не мог, подобно летописцу, спокойно сообщать о том, как привольно жилось князю в плену, что противоречило бы основной идее произведения. Половцы — враги, они разоряют родную землю, поэтому автор не мог выдвигать на передний план факт их доброжелательного отношения к пленному князю. Он правильно расставляет акценты, показывая типические явления. Изображая побег, поэт приводит много подробностей, с помощью которых подчеркивает героическое начало в характере Игоря. В отличие от летописного рассказа, в «Слове» не допускается сомнений — бежать или не бежать: князь делает свой выбор решительно, без колебаний.

Описание последующего хода событий в Ипатьевской летописи и в «Слове» совпадает. В обоих источниках названо одно и то же имя соучастника: Лавор (Овлур). Очевидно, имя Лавор было русифицированной формой половецкого имени. Полностью совпадает и время побега: вечером, после захода солнца.

В «Слове»:

Погасоша вечора зори,
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону
до малаго Донца.

В летописи: «но токмо и веремя таково обрете в заход солнца».

Летописец сообщает, что князь послал конюшего к Лавору с просьбой, чтобы тот ждал его с конем в поводу на другой стороне реки. Этот факт засвидетельствован и «Словом»:

Комонь в полуночи Овлур свисну за рекою;
велить князю разумети...

В летописи приведены и другие достоверные подробности: охранники напились кумыса и веселились, а Игорь ушел в шатер и притворился спящим. Выбрав удобный момент, князь поднял стевку шатра, вылез из него и побежал к реке. В «Слове» картина ночной скачки дополнена такими подробностями: беглецы носкакали «к лугу Донца». Упоминание реки дает представление о начальной стадии маршрута побега. Автор «Слова» приводит еще один чрезвычайно важный факт: беглецы загнали коней.

Коли Игорь соколом полете,
тогда Влур влъком потече,
труся собою студеную росу;
претръгоста бо своя бръзая комоня.

Претръгнути в древнерусском языке означало «надорвать, загнать».

Дальнейший путь был связан с Донцом, который выступает в поэме как сподвижник князя: радуется освобождению Игоря, предвещая «веселие» Русской земли. Князь благодарит реку за то, что она лелеяла его на своих волнах, устилала ему путь зеленой травой, укрывала от врагов.

При внимательном чтении Ипатьевской летописи можно найти косвенное подтверждение фактам, содержащимся в «Слове». В ней сказано, что, пройдя половецкие жилища (вежи), Игорь оказался на свободе: «Се же избавление створи господь в пяток, в вечере». А далее: «И иде пешь 11 ден до города Донця». Раз беглецы шли пешком, то, естественно, коней они по какой-то причине бросили.

И второе: пешком они не могли идти открытой степью. Их путь мог лежать только вдоль реки, берега которой служили хорошим ориентиром, давали надежное укрытие и необходимую пищу. Названный летописцем русский город Донец не оставляет сомнения в том, что путь Игоря пролегал вдоль Северского Донца. Город Донец, как установлено историками, находился на берегу реки Уды (на южной окраине современного Харькова), которая впадает в Донец в районе города Чугуева. От реки Тор до города Донца был только один речной путь: Северский Донец — Уды (есть основания предполагать, что в древности река Уды называлась Малым Донцом).

*

Приведенные факты в общих чертах дают представление о том, где находился Игорь в плену и каким путем он шел в Русь. Первый очень важный ориентир — река Тор, впадающая в Донец в районе современного города Славянска. Археологами доказано, что благоприятные условия для жизни кочевников в бассейне Тора (обильные пастбища, богатые рыбой реки, издавна добываемая соль) сделали его одним из крупных центров обитания половцев. Указание летописца, что перед побегом понадобилось переводить коней на «оную (другую) сторону Тора», дает основание предположить, что кочевье Кончака, в котором жил Игорь, находилось на правом берегу реки. Если беглецы ориентировались на Донец и искали к нему кратчайший путь, то иной вариант здесь невозможен. Переходить с левого берега на правый означало углубляться в поселения половцев, удаляться от Донца. Наиболее вероятное направление движения от Тора — строго к северу. Севернее Славянска Донец делает крутые повороты, поэтому беглецы могли выйти к ближайшей излучине (15 км) или более отдаленной (25 км). В условиях ночи единственным ориентиром им могли быть звезды, в частности, Полярная звезда. Возможно, это и имеет в виду автор «Слова», когда пишет о том, что погасли вечерние зори, что «Игореви князю бог путь кажет». Можно предположить, что Игорь вышел к Северскому Донцу где-то ниже современного города Славянска, переправился на левый берег и отсюда начал свой многодневный путь на родину.

М. Ф. ГЕТМАНЕЦ,

доктор филологических наук

Харьков

Рисунок В. Леонова

ТЪМУТОРОКАНЬ "СЯНИ БОЛВАН"

«Тогда вступил Игорь князь в злат стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свист зверию воста: збисся Див, кличет верху древа — велит послушати земли незнаеме, Волзе и Поморию, Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмutorоканьский болван!»

Так описывает автор «Слова о полку Игореве» начало похода новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев. В перечне земель, к которым обращается мифический Див, наряду с Поволжьем, Поморьем, Посульем, Сурожем (Судаком) и Корсунем (Херсонесом Таврическим) упоминается и загадочный «тьмutorоканьский болван». Что означает это выражение, и что именно подразумевает под ним автор «Слова»?

Одним из значений русского слова *болван* является изображение идола (идол — языческий жертвенник). Единственно возможным источником — персидское *пахлаван*, означающее «герой, борец, атлет». По мнению исследователей, это слово проникло в тюркские языки, где было засвидетельствовано в форме *балбал*. Термин известен из древнетюркских надписей, обозначал грубо высеченное каменное изваяние, воздвигнутое в память поверженного врага. Такого было узкое значение слова у древних тюрков в эпоху Тюркского каганата (552—630 гг.), объединившего на несколько десятилетий в единое государство весь кочевой мир степей Евразии от Причерноморья до границ Китая и Кореи. В дальнейшем, однако, оно стало использоваться и древними тюрками, и другими более поздними тюркскими народами для обозначения памятников, получивших в России наименование «каменных баб». Наиболее извест-

ными на Руси были половецкие каменные изваяния, которые во множестве стояли на курганах в южнорусских степях, где с середины XI века и вплоть до монгольского нашествия господствовали половцы, активно развивавшие культурное наследие Тюркского каганата. Эти статуи заметно отличались от других, более ранних изваяний тюркских народов тщательной отделкой и детальной трактовкой лица и одежды. Они дают нам представление о внешности половцев, об их костюмах, украшениях, оружии, бытовом инвентаре. Половецкие каменные изваяния являются остатками сложных языческих верований и обрядов, связанных с культом предков у средневековых кочевников. Вокруг статуй половцы создавали специальные святилища.

*

Почему же в «Слове о полку Игореве» из столь огромного числа каменных изваяний степняков выделен именно «тмутороканский», находившийся, следовательно, близ древнерусского города (Тмуторокань) на Таманском полуострове (Вопросу происхождения и особенности написания древнего топонима *Тмуторокань* посвящена статья И. Г. Добродомова. «Русская речь», 1973, № 5).

Мысль о том, что «тмутороканский болван» является «каменной бабой», стоящей поблизости от древней русской Тмуторокани, не нова. Ее высказали еще в 1837 году русские ученые археолог П. И. Кеппен и нумизмат П. С. Савельев. Две особенно выделявшиеся каменные статуи на Таманском полуострове, близ местонахождения древней Тмуторокани, сохранялись там вплоть до конца XVIII века. История их происхождения известна. Они были воздвигнуты еще в античные времена, в IV веке до нашей эры, в честь языческих восточных божеств Санергу и Иштар. Со временем их первоначальное культовое значение забылось, но они продолжали играть важную роль в мифах и верованиях многочисленных кочевых народов, сменявших друг друга в степях Причерноморья и Приазовья. Могли и половцы использовать эти статуи в ритуальных целях. Возможно, их широкая известность и сделала одну из них своего рода символом города Тмуторокани.

Тот факт, что автор наряду с другими сопредельными Руси местностями (Поволжьем, Поморьем и т. д.) и городами Сурожем и Корсунью упоминает Тмуторокань, не удивителен, ибо Тмуторокань долгое время была центром одного из древнерусских княжеств. Повышенное внимание русских к Тмуторокани, несомненно, связано со стремлением вернуть Руси эти земли, захваченные в XII веке половцами.

Вопрос о том, что скрывается под выражением «тмутороканский болван», имеет большое значение из-за поднятой в свое время

А. А. Зиминым дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве». А. А. Зимин долгое время, хотя и безуспешно, пытался приписать авторство «Слова» А. И. Мусину-Пушкину и выдвинул предположение, что слово *болван* следует понимать как «камень». А. И. Мусин-Пушкин, таким образом, вывел в тексте «Слова» так называемый «Тьмутороканский камень», найденный летом 1793 года на Таманском полуострове бригадиром П. В. Пустошкиным во время строительных работ, производившихся 1-м батальоном Таврического корпуса. Камень этот представляет собой мраморную плиту с древнерусской надписью об измерении расстояния между двумя городами — Тьмутороканью и Корчевым (Керчью), произведенном в 1068 году князем Глебом, как об этом сообщается в надписи.

Данное предположение А. А. Зимина представляется беспочвенным по следующим причинам: слово *болван* ни в коем случае не могло значить просто «камень», а имело совершенно конкретное обозначение языческого каменного изваяния. Если понимать *болван* в тексте «Слова» как *камень*, в данном случае «Тьмутороканский», то обращение с угрозой к каменной плите, содержащей русскую надпись, в устах автора поэмы выглядит совершеннейшей нелепостью. В то же время подобное обращение к каменному истукану, как бы символизирующему захват этой старинной русской земли язычниками-половцами, достаточно логически обоснованно. Ведь согласно тексту поэмы, Игорь и в поход-то собрался с целью «поискати града тьмутороканя». Следует указать, что граф А. И. Мусин-Пушкин совершенно верно понимал значение слова *болван* в тексте поэмы, поскольку в издании 1800 года он перевел его словом *истукан*.

Итак, упомянутый в поэме «Слово о полку Игореве» «тьмутороканский болван» — это один из каменных истуканов, стоящих на Таманском полуострове, близ древнерусского города Тьмуторокани, захваченного в XII веке половцами.

И. О. КНЯЗЬКИЙ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *гайтан*?»

Л. И. Соловьев, Пермь.

Гайтán — это плетеный шнурок, тесьма. Например: «Ключ висел у него [приказчика] на гайтане» (Горький. В людях).

Ярослав Мудрый,
 как отмечает летописец,
 «насеял книжными словесы
 сердца верных людей,
 а мы пожинаем, ученье
 приемлюще книжное». Деятельность Ярослава
 по распространению
 просвещения отразилась
 и на его детях, которые
 получили прекрасное
 по тому времени образование.
 Поэтому неудивительно,
 что его дочери — Елизавета,
 Анна, Анастасия,
 став соответственно
 королевами Норвегии,
 Франции, Венгрии,
 привнесли в эти страны
 элементы культуры
 Киевской Руси.
 Одним из свидетельств
 тому — автографы
 Анны Ярославны —
 королевы Франции,
 оставленные ею на многих
 королевских грамотах.

До сих пор внимание
 ученых привлекала славянская
 подпись Анны Ярославны —
 Ана Рѣина, сделанная ею в
 1063 году на грамоте аббатст-
 ву Сен-Крепи ле гранд в Суа-
 сонне. Это один из первых
 точно датированных памятни-
 ков письменности, современ-
 ник Остромирова евангелия
 1056—1057 гг., выполненный
 дочерью Ярослава Мудрого —
 королевой Франции и подпи-
 санный ею, в отличие от подпи-
 сей на других грамотах, не по-
 латыни, как было принято,

Автографы
 Анны
 Ярославны-
 королевы
 Франции

а славянскими кириллическими буквами. Эта подпись приблизительно передает тогдашнее французское произношение и обозначает «Анна королева», а русистами исследуется для суждения о произношении звука, обозначаемого буквой ѣ (см.: Черных П. Я. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны.— Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1947). Грамота хранится в Национальной библиотеке в Париже (коллекция из Пикардии, т. 294, документ 38).

В науке нет единого мнения о том, почему эту подпись королева Франции сделала славянскими буквами. Между тем, как нам кажется, подобная вольность объясняется особым духовным настроением Анны в этот период ее жизни. Сделаем небольшой экскурс в историю.

Французские источники сообщают: «Король послал Готье епископа... к королю Руссов с указом, чтобы он прислал дочь свою, именем Анна, чем король Руссов был весьма доволен, исполнил охотно. И когда Анна прибыла, король в присутствии своих баронов женился на ней торжественно». Правда, запись в летописи дошла в списке, написанном спустя несколько веков после событий. Современные же историки признают, что этот брак скорее был необходим самому Генриху I, нежели Ярославу, для которого он не мог казаться привлекательным в силу известных исторических причин. Прежде всего следует учесть, что в XI веке Киевская Русь была одним из самых могущественных государств Европы, а Киев соперничал с Римом и Константинополем. Франция того времени, по признанию французских историков, «никогда не была так мала, как при Генрихе I», которого современники называли даже «королем Парижа и Орлеана» (расстояние между этими городами составляет немногим более ста километров). Королю Франции в ту пору было около пятидесяти лет. Изнуренный болезнями, он с трудом удерживал бразды правления и, бесспорно, нуждался в поддержке сильного и влиятельного государства. Брак с Анной Ярославной, молодой, умной и образованной женщиной, дочерью прославленного киевского князя, способствовал бы укреплению власти Генриха I внутри государства и обеспечивал надежность союзнических связей.

Ярослав не сразу дал согласие на брак. Свидетельством этому может служить такое обстоятельство. Все исследователи удивляются тому, что в разных источниках во главе посольской миссии к Ярославу упоминаются разные лица: в одних — епископ Готье, в других — епископ Роже. Между тем это легко объясняется, если предположить, что послы направлялись к Ярославу не один раз, а дважды, возглавляемые сначала одним, а потом другим епископом. Кто-то из них сумел убедить Ярослава принять предложение короля Франции, решив таким образом и судьбу Анны.

Свадьба состоялась 19 мая 1051 года (так указывает последняя публикация во Франции Георга Бортоли в 1981 г.), а в 1052 году родился сын, названный Филиппом (как свидетельствуют источники, у Анны были потом еще два сына — Роберт, умер в детстве, Гуго, погиб уже взрослым во время крестового похода в Палестине, — и дочь, о ней упоминается в Хронике королей, изданной Ф. Е. Мецераем в 1643 году, но подробности неизвестны).

Филипп в семилетнем возрасте был коронован в Реймсе 23 мая 1059 года. Сохранился текст его клятвы: «Я — Филипп, будущий король Франции...»

Очевидно, первые годы жизни в Париже не были радостными для Анны. Известный историк и писатель М. Дрюон так цитирует письмо Анны отцу в Киев: «В какую варварскую страну ты меня послал, здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны» (М. Druon. Paris de César a Saint Louis Hachette, Paris, 1964). Правда, нам не удалось установить, существует ли подлинник письма, но известно мнение, что Дрюон никогда не искажал исторические факты.

После смерти Генриха I (1060 г.) Анна поселилась в Санлисе, небольшом городке, в 50 километрах к северу от Парижа. Отсюда в 1062 году она была похищена графом Раулем де Крепи и Валуа. Это был знатный, богатый и независимый феодал. После гнетущей обстановки парижского двора и уединенной жизни в Санлисе Анна, окруженная вниманием и заботой мужа, энергичного и жизнерадостного человека, несомненно, обрела душевный покой и счастье. Уменьшилась и ее тревога за сыновей, так как Рауль был надежной опорой Филиппу — немаловажное обстоятельство для малолетнего короля. Двенадцать счастливых лет прожила Анна с Раулем (до его смерти в 1074 году). Безусловно, она рассказывала ему о своей жизни в родном Киеве, вспоминала привольные просторы Днепра, отчий дом, прекрасную библиотеку отца, родных и близких людей.. И эти воспоминания могли создать тот особый духовный настрой, послуживший причиной вольности, которую позволила себе Анна, подписывая грамоту аббатству Сен-Крепи ле гранд в Суассонне не официальным латинским языком, а родными славянскими буквами, подчеркнув тем самым определенное превосходство Руси над Францией.

Высокой образованностью и культурой Анны Ярославны объясняется тот факт, что ей было предоставлено право ставить свою подпись на государственных грамотах (в частности грамота 1054 г.) рядом с подписью короля Франции (сам он ставил всего лишь крестик) еще при его жизни. Это было уникальным явлением для XI века. Анна, несомненно, знала латынь — официальный язык того времени, на котором писало и говорило образованное общество в

средние века в Западной Европе. Кроме подписей, знание Анной латинского языка подтверждает сохранившееся письмо папы римского Николая II, написанное Анне в 1059 году.

Известно три типа подписей Анны Ярославны. В первые годы своей жизни во Франции она подписывалась: *S. regine Anne*, то есть *регина Анна* — «королева Анна». Так именовали себя князья в Древней Руси: «Азъ великий князь... имя рек», то есть сначала указывали титул, потом имя. Очевидно, первое время Анна испытывала трудности с французским языком и для нее привычнее был порядок слов родного языка.

В дальнейшем форма подписи приобретает традицию, характерную для латыни и французского языка: сначала имя, потом титул — *Anne regine*.

Сохранилось несколько грамот с подписями Генриха и Анны. Как правило, в грамотах после традиционного знака «S.» (от лат. *signum*), который обычно ставили писцы, чтобы указать место подписи высокопоставленным особам, многие из которых были неграмотны, той же рукой, что и весь текст, пишется имя Генриха, а рядом — жирный крестик. Ниже следует подпись Анны — *regine Anne* (*Anne regine*), еще ниже — имена детей.

После смерти Генриха I подпись Анны появляется на грамотах рядом с подписью сына, нового короля Франции — Филиппа I.

Впервые она отмечена на грамоте 1060 года, составленной по случаю основания собора Сен-Венсан, заложенного Анной в Саллисе. В XVII веке здание было реконструировано и при входе установлена скульптура женщины в полный рост с надписью на коколе: «Анна Русская, королева Франции, основала этот собор в 1060 году».

*

После смерти Рауля (1074) Анна возвратилась ко двору своего сына в Париж. Здесь она поставила последний раз свою подпись на грамоте 1075 года, данной Филиппом I монастырю Нотрдам де Понтлево: *S. Annae matris Philippi regis* — «Анна мать короля Филиппа». Эта форма подписи говорит о том, что сын уже не пуждался в ее опеке.

*

Анна Русская оставила глубокий след в истории и культуре Франции. Не только общие соображения, но и анализ исторических документов и фактов показывает, что Анна привезла с собой во Францию библиотеку, от которой в настоящее время сохранилась

лишь часть одной книги, известной среди историков языка как Реймское евангелие, которое в 1975 году экспонировалось в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Анализ его лингвистических и палеографических особенностей привел к заключению: рукописный памятник создан на Руси в первой половине XI века (Жуковская Л. П. Реймское евангелие. М., 1978).

Удивительная история этой книги заслуживает отдельного рассмотрения. Отметим только, что на Реймском евангелии короли Франции, начиная с Генриха III, приносили присягу при вступлении на престол.

Не случайно и имя Филипп, данное Анной своему первенцу. Оно было широко распространено в Византии и, по-видимому, в Киевской Руси, но совершенно неизвестно в Западной Европе. Имя Филипп прочно вошло в обиход французов и стало одним из распространенных имен в стране.

А. Н. ХОЛОДИЛИН,
доктор технических наук
Ленинград

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В Ивановской области есть такой городок — Пучеж. Как его надо произносить?»

Н. Н. Кузьмина, Воронеж

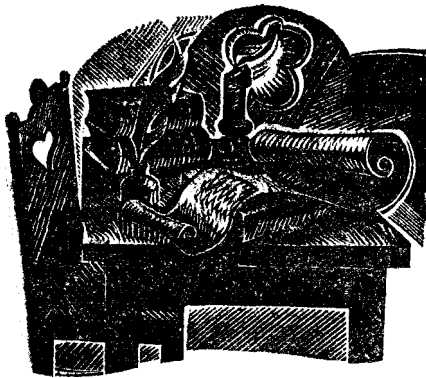
В названии города *Пучеж* ударение падает на первый слог — *Пучеж*. Географические наименования с безударным суффиксом *-еж* распространены в топонимии Восточно-Европейской равнины, например: озеро *Себеж* и город на нем того же названия, легендарный *град Китеж* и др.

«Выпадает ли в слове *брелок* при склонении гласный *о*?»

П. Р. Дулинова, Красный Яр

Слово *брелок* рекомендуется склонять, сохраняя гласный *о*, то есть *брелока*, *брелоком*, *о брелоках* и т. п.

КАК ГОВОРИЛИ ХЛЫНОВЦЫ В XVII ВЕКЕ

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится пожелтевшая от времени рукопись под названием «Расходная книга г. Хлынова». Ее автор — хлыновский земский «староста Ивашко Репин». С 1678 года по 1679 он изо дня в день заносил сюда свои хозяйственные расходы. Эти записи дают обильный материал и для историка, и для этнографа, и для лингвиста, в особенности для диалектолога и историка языка. Первый исследователь книги, виднейший вятский историк А. С. Верещагин, в предисловии к ее изданию отметил: «Язык записей в «Расходной книге» — простой, понятный для нынешних читателей, такой, каким говорили хлыновцы в 1678—1679 годах» (Верещагин А. С. Предисловие издателя.— Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии. Вып. V—VI, отд. 2. Вятка, 1905, XVII).

В книге отражен широкий пласт общерусской бытовой лексики: *светец*, *чулан*, *кадь*, *лохань*, *ушат*, *косяк*, *сени*, *бурак*, *безмен*, *заплот* — часть разборной стены в хозяйственной постройке, *лагун* — род бочонка или ушата с плотно входящей крышкой, *драница* — сосновая дощечка, употребляемая для покрытия крыши, *каюк* — лодка, челн. Некоторые из них (например, *мёрник* — деревянная посуда, служившая для хранения и меры товара, *жаравёц* — приспособление для поднятия воды, *зорбд* — небольшой стог сена, *промежек* — копна сена, *бследь* — длинная тонкая жердь) бытуют и до сих пор в кировских говорах. Интересны также случаи употребления специфических вятских слов: *обшэвни* — сани; *влязины* — обряд празднования новоселья («отвезл подъячему Степану Рязанцову на влязины колач»).

В некоторых случаях в книге отразились общерусские фонетические процессы — случаи оглушения и озвончения согласных (*здедали*, *саласки*, *воски*), выпадение одного из согласных в труд-

нопроизносимых сочетаниях (*до поески, празник*). Имеются также отдельные случаи отражения диалектных особенностей, характерных для вятских говоров: употребление звука *ч* вместо звука *ц* — *чоканье*: «сковал на воеводцкой двор чепочку к большим сеням»; употребление буквы *и* на месте бывшей буквы *ять* указывает на более закрытый характер звука *е* в начале слова — *издили*; ассимиляция сонорного *с* *ј* — *заговенно*: «ходил в сырное заговенно для благословения и прощения»; утрата начального губного звука: *для здымки хорбм* (для поднятия хором), *к нутряному замку* (к внутреннему замку).

*

Широко отражены в тексте «Расходной книги» морфологические особенности речи хлыновцев. Некоторые из них соответствуют общим тенденциям русского языка, другие свойственны лишь данной территории. Имена собственные типа *Данила, Гаврила*, в отличие от правил современного русского языка, склоняются хлыновцами, как существительные мужского рода: «того же дни дано Гаврилу Орлову березовцу три алтына четыре деньги»; «купил сто драгид Бобинского стана у Данила Ка(л)сина». Слова *рубль, день* имеют в родительном падеже единственного числа старое окончание *-и*: *того же дни, два рубли*. У так называемых вещественных существительных мужского рода единственного числа, оканчивающихся в именительном падеже на согласный, в родительном падеже, как правило, наблюдается окончание *-а* (*меда, перца, лука*), а у отвлеченных отглагольных образований — *-у* (*для сыску, приказу, заводского запасу, найму дано девять алтын*).

У существительных женского рода с основой на мягкий согласный и шипящий в дательном и предложном падежах употребляется новое окончание *-е*: *по совесте, в подклете, к Соле'* (имя собственное), *к цепе*: «Платил кузнецу Василью Гогаринову девять алтын. Сковал на воеводцкой двор чепочку к большим сеням да клюку печую да ошейник к тюремной цепе».

Во множественном числе в дательном падеже большинство существительных употребляется со старыми окончаниями *-ом, -ем*: *дверем, плотником, человеком, извощиком* и т. д. Однако в некоторых случаях наблюдается и новое окончание *-ам*: *к теремам, замкам, сторожам, баграм, коням*: «на две осядки (жерди) выправил к баграм»; «дано на две отписи мирской и разбоиной тюрем сторожам найма»; «куплен замок всячей к теремам у Федора Пашкецова». В творительном падеже у существительных во множественном числе традиционно употребляются старые окончания: *с товарищи* (с товарищами), *за колодники* (за колодниками). Например:

«посланы они были в Орлов и в Котелнич и в Слободцкой за колodники».

Но в живой разговорной речи все существительные употреблялись уже с новым окончанием *-ами*: «Платил Василью Малово за подводу до Слободцкого в задами (туда и обратно) гривну. Возил земского сторожа Саву Коробова»; «склал на воеводцком дворе в подклете у печи напыльник кирпичами своими». В предложном падеже множественного числа пормой является употребление старых окончаний: *о мирских делбх, в двух кадех*.

Кроме категории падежа, большой интерес представляет категория числа, где наблюдаются интересные явления, проливающие свет на закономерности формирования системы чисел в современном русском языке. Тексты отражают такие формы множественного числа существительных, которые в отличие от современного русского языка имеют терминологическое значение: *лыка, хлебы, кормы, воды*: «Указано собрать в двора даточным людем на кормы по рублю».

Широкое распространение в речи хлыновцев имели собирательные формы типа *лубьё, гвоздьё, каменьё*: «Да к тому ж столу купил гвоздя у Андрея Кубычова на четыре денги»; «У Филипа Копылова купил два короба сушить на том лубье городовому прикащику порох». Очень много встречается в тексте книги существительных с суффиксом *-ин(а)*, обозначающих единичность предмета, так называемых «сингулятивов»: *переплётина, окончина, ободверина, тынина*: «Дано хлыновцу Афонасию Усольцову шесть денег. Вкопал тюремного тына осмнацать тынин; приделывал ободверину к сушилу». Это также указывает на продуктивность данных форм в разговорном языке.

Очень распространены согласованные конструкции: количественное числительное с существительным во множественном числе, именительном падеже — *три замки, трои ноги, трои ведра, осьмеры вожжи, двои колеса*: «Трои ноги да три языка купил на студень у Максима Суятвина. у Омели Носукпина, у Бориса Агармина. Дано пять алтын четыре деньги; «У Савы Лубягина купил двои колеса на воеводцкой двор». Причем количественно-собирательные числительные здесь используются, очевидно, для выражения категории парности вместо утраченного двойственного числа. Такие конструкции распространены и в современных кировских говорах.

«Расходная книга г. Хлынова» — замечательный памятник деловой письменности, позволяющий более полно представить процесс формирования русского литературного языка, современных кировских диалектов и услышать живую речь вятчан — жителей города Хлынова (Вятки).

В. Г. ДОЛГУШЕВ

Современному человеку кажется, что с числом в русском языке ему все понятно: единственное, когда имеем один предмет, множественное, когда более, чем один. Однако присмотримся внимательно к категории числа. Такие существительные, как *ножницы*, *брюки* обозначают один предмет, но имеют форму множественного числа. И наоборот, *детвора*, *листва*, *кулачье*, *воронье*, *дубье* обозначают совокупность предметов и лиц, но имеют только форму единственного числа. Это собирательные существительные. Их значение не соответствует форме: по значению они связаны с множественным числом, а по форме — с единственным. Существительные в единственном числе могут иметь обобщенно-собирательное значение, обозначая в таком случае через форму единственного числа множество, мыслимое как единство: *собака* — друг человека, *книга* — лучший подарок (что равнозначно: *собаки* — друзья людей, *книги* — лучшие подарки).

Итак, современный русский язык ставит перед нами интересные вопросы. Какая связь существует между числом и собирательностью? Почему собирательные существительные не имеют форм множественного числа? Для

О судьбе
неодушевленных собирательных
существительных на *-ие*

того, чтобы ответить на эти вопросы, попробуем заглянуть в глубь веков.

Старые русские памятники, например XVI—XVIII столетний, интересны тем, что в них по книжной письменной традиции могут

сохраняться древнерусские черты и вместе с тем ярко отражается новое, формирующееся состояние языка. Обратимся к таким мало изученным памятникам этого времени, как «Назпратель», «Космография», «Вводжение» к «Атласу Блеу» в переводе Елифания Славинецкого, «Проблемата Аристотеля», то есть древняя физиология человека, «Грамотки XVII — начала XVIII вв.», «Московская деловая и бытовая письменность». Тексты названных памятников убеждают в том, что собирательные существительные на *-ие* (*-ье*) типа *ковылие*, *камение*, *листвие*, *корье* и другие склоняются так же, как, например, существительные единственного числа среднего рода *поле*: *листвие древа*, *камение драгое* (И. п.), *корье продали*, *в дубье бить* (В. п.), *зеленово камения*, *кореня благовонноз* (Р. п.), *подобно палею коренью*, *увечью моему* (Д. п.), *листвием*, *масличем*, *с коренем* (Т. п.), *на том лубье*, *на камене на лузу вели выкосить* (П. п.).

Отсюда ясно, что выражение *быльем поросло* не связано по происхождению с глаголом *быть*, хотя имеет значение «навсегда забыто», то есть «давно было и забылось», и может породить ассоциацию с глаголом *быть*. В. И. Даль так и записал: «Было да *быльём* поросло». Первоначально же выражение «*былием* поросло» значило «поросло травой». В Словаре Даля *былие* — «злак, зелень, ботва, трава или растение вообще, особенно травянистое, у которого стебель соломинкой, злак, колосьянка». Составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» приводит целое словообразовательное гнездо с этим корнем: *былина*, *былинка*, *былка*, *былочка*, также *быльный*, *быльеватый* (груботравчатый), *быльник*, *быльняк*, *чернобыльник* (Ср. *чернобылье*, *чернобыльник* в современном русском языке).

Но вернемся к старым существительным на *-ие*.

Древнерусские существительные на *-ие* подвергались счету, имели форму множественного числа: *камение* — *каменя*, *листвие* — *листья*, *уголие* — *уголья*. Ученые объясняют разницу в значении так: *перие* — одной птицы, *листвие* — одного дерева, *перия*, *листвия* — нескольких птиц, деревьев. В современном русском языке этого различия в значениях не ощущается. Попробуем понять это на примере, приводимом В. М. Марковым из «Первых оснований металлургии» М. В. Ломоносова, где слово *перо* обозначает «лопатку колеса» и где говорится о том, что *перья* разделены на *два ряда*: *перье первого ряда* и *перье второго ряда*.

В «Космографии» при общем обзоре Азии, в которой много стран, говорится, что «имать же часть сия Азия... *кореня* различная, *камения* драгоценная» (мн. ч.), а в отношении одной страны употребляется слово в единственном числе, например, «страна ве-

ликая Индия в части Азии *каменнем* драгим и сладким *кореннем* преизобилна». А вот пример из не изучавшегося еще лингвистами памятника середины XVII века «Атласа Блеу»: «Римляне... расстояние па больших дорогах разделяху *каменнем*., откуда и *каменни* званы бяху мили, глаголаху бо путь шествующии: к десятому *каменю* приходит аки к десятой мили». *Каменнем* (форма единственного числа) мыслится как единство камней. *Каменни* — камни на разных дорогах. *К десятому каменю* — форма единственного числа обозначает один предмет.

Значит, в древнерусском языке единственное (и множественное) число имело форму противопоставления: *камень* — *камни* и *камение* — *каменья*. И в то же время формы *камни* (мн. ч.) и *камение* (ед. собир.) близки по значению. Они являются синонимами, так как обозначают множественность, но разными способами (*камни* — грамматически, окончанием; а *каменья* — лексикословообразовательным, суффиксом —*я*). Наши тексты показывают параллельное употребление существительных множественного числа и собирательных единственного в одном контексте разных списков (например, в «Космографии») или в соседних строчках одного текста: *овощья* — *овощей*, *кореннем* — *кореньми*, *блиско уголья* — *на углех*, *биюще их древесы* и *каменнем* (т. е. палками и камнями).

Более того, памятники отражают и параллельное употребление форм типа *камение* — *каменья*. Равенство их значений проявляется во взаимозаменяемости форм, например: *птицы в дождь перием* (*перьями*) *владети не могут* (в одном контексте разных списков «Проблематы Аристотеля»); *в птичьих перьях* — *птичьим перием* (на соседних листах в одном и том же списке «Космографии»), *благоухание износят чудное* — *благоухания заносят чудная и неизреченная* (один контекст разных списков «Космографии»). Или видим такое нарушение старых отношений, когда слова на *-ие* имеют такое же значение, как слова на *-ья*: *перие тех птиц* (не одной птицы!), *корение древес* (не одного!).

Получается так, что на определенном этапе развития русского языка одной форме единственного числа типа *камень* соответствовало три слова со значением множественности, хотя и с определенными различиями в оттенках значения и формы: *камни*, *каменья*, *каменья*. Из всех трех форм в большинстве случаев встречается одна: или на *-и* (*-ы*), например, *овощи*, или на *-ья*, например *деревья* (судьбы слов здесь индивидуальны). Например, *листы* и *листья* — обе формы сохраняются, но различаются значением: *листы книги*, но *листья дерева*. Слова на *-ье* оказались самым слабым звеном потому, что имели противоречие между формой и содержанием: обозначая множество, формально выглядели как существительные единственного числа среднего рода.

Памятники XVI—XVIII веков показывают «драму» существительных типа *камене*, взрывааемых изнутри значением множественности и не имеющих возможности выразить ее, будучи скованными формой единственного числа. Они пытаются проявить ее в согласовании с прилагательными по множественному числу. Вот, например, описание «райских» птиц в «Космографии»: «птицы величеством с воробья, *перье* разных цветов, на главе *перье* тонко, аки власы, с ысподи *перье* зелено, подобно изумруду *камени*, под горлом *перие* невелики, красны, аки огонь». Эти примеры не описки, так как приметны и повторяются в разных списках «Космографии»: *и великие соляные камение ломают неудобь сказуемое множество; риболове около глубины тое вбивают колье толстые и долги; родит же ся у них пшено и перец, и гвоздика, и всякие корение пряные.*

Войдя, таким образом, в явное противоречие с грамматикой, слова на *-ие* (>е, >ё) постепенно стали уходить из языка. Еще в XIX веке число их было ббльшим, чем в современном русском литературном языке.

Вот, казалось бы, и вся история. Но ведь в народных говорах могла укрепляться категория собирательности именно на *-ье* (ьё): *угольё, кольё, пеньё, репьё, дубьё, мостовьё, гвоздьё, брусьё, сучьё; перье, каменье, коренье* и др., то есть слова на *-ье* удержались в говорах, потому что сохранили свою специфику — выражение собирательности.

Словам типа *камене* пелегко было сохранять свое «лицо» (выражение собирательности), так как им составляли конкуренцию обычные существительные единственного числа, которые могли употребляться с собирательным значением. В таком случае слова *камень* и *каменье* становятся синонимами, дублетами. Это явление очень давнее. Уже в «Остромировом евангелии» (середина XI в.) видим два варианта перевода одинакового фрагмента древнегреческого текста: *уже бо секыра при корени древа лежить* (л. 256, об.) — *уже бо секыра при корении древа лежит* (л. 256). Такое параллельное употребление наблюдается в памятниках. В «Космографии»: «есть *каменье* черно, горит аки древо, и многие того *камени* вместо дров припасают», *камень-каменье* в значении собирательности. В «Назирателе»: «оное *корение* свое... впускают глубоко в землю — глубоко в землю *корень* впускают», *корень* — *корение*. Показательно одно из исправлений в «Космографии»: *о камении* — конечное и зачеркнуто, чем подтверждено наличие собирательного значения у формы *камении* (Пр. пад.).

Итак, видим, что слова на *-ие* оказались дублетами к другим формам, которые без них неплохо справлялись со своими функциями: *камене-камень* (по значению собирательности), *камене-кам-*

ни (по значению множественности), *камене-каменя* (в связи с утратой их противопоставления по числу). Язык же, как известно, не любит дублетности и всячески старается избавиться от нее.

Вот так о печальной судьбе слов на *-ив* рассказывают нам памятники письменности, в которых живет и активно действует то, что забыто современным русским языком, то, что уже «было да быльем поросло».

Н. П. САБЛИНА,

кандидат филологических наук

Н. Г. ЮСУПОВА,

кандидат филологических наук

Южно-Сахалинск

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *эврика* и каково его происхождение?»

С. П. Дергачев, Гурьев

Слово *эврика* заимствовано из греческого *εὕρηκα*, что в переводе означает «я нашел!» Это радостное восклицание выражает удовлетворение по поводу находки или удачной разгадки задачи, вопроса, над решением которых кто-либо трудился. Оно приписывается греческому математику и механику Архимеду, который воскликнул «Эврика!», когда открыл гидростатический закон, носящий в науке его имя.

«У нас возник спор из-за слова *високосный*. Некоторые говорят, что пишется *високосный*, а говорится *высокосный*. Как правильно?»

Л. Мухамадиева, Карагандинская обл.

Слово *високосный* произносится с мягким согласным *в* и гласным *и* после него: *високосный*.

В Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского к слову *полк* указан целый ряд значений из военной области: «войско», «отряд», «воинство», «битва», «сражение», «война», «поход», «стан» и другие. Выражение *дати пълкъ* означало «сразиться, дать сражение» (Подробнее об этом написано в статье А. П. Конусова «История слова *полк*»). Однако в древнерусском языке оно представлено значениями, отражающими не только военную сферу.

Нас интересуют прежде всего такие значения слов *полк*, как «народ», «собрание». Значение «народ» представлено в слове *полк* в достаточно ранних древнерусских текстах, хотя и одиночными примерами: в книге пророка Иеремии по списку XV века, скопированному с рукописи Упыря Лихого 1047 года (предполагаем, что поздний список сохранил нам в данном случае словарные особенности оригинала), в Ипатьевской летописи под 1170 годом. Приведем эти примеры из Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского: *изведу злая на полкъ сии* (заметим, что словом *полкъ* переводится греческое *λαο* «народ»). Значение «собрание» приводится И. И. Срезневским, правда, со знаком вопроса к примеру из Ипатьевской летописи: *свѣзкупившеса вся братья Киеве, Рюрик и Давыд, полк весь*.

С ними перекликаются более поздние употребления слова *полкъ* в старорусских текстах. Так, в указателе слов к публикации «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.» (изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972) выделены случаи, где слово *полкъ* употребляется в сочетании с прилагательным *женский* и обозначает «совокупность лиц женского пола»: «а шпанской король добре кручиноват для того что в ево дворе у французсково женсково полку отцем духовным быть не велено да и французским дворовым людем у короля быть не велено во дворе для того что оне все тайное что у него ни делаетца и то пишут [во] Францовскую землю» (1622 г.); «...тутошней воевода [г. Брейзаха.—В. Д.] на том положил что им сидеть насмерть, а наперед думают выслать из города женской полк с малыми детми да попов и больных людеи» (1639 г.).

Подобные употребления слова *полкъ* для XVII века, а также для старинного русского языка вообще представляли собой редкие случаи. Их, к примеру, мы уже не встречаем в вестях-курантах за 1642—1650 гг. Ленинградский лексикограф и лексиколог Ф. П. Сороколетов, специально изучавший историю военной лексики в русском языке, в своей книге «История военной лексики в русском языке XI—XVII вв.» (Л., 1970) указал на то, что употребление слова *полкъ* в значении «множество, большое количество чего-либо» ограничено как хронологически (XVI в.), так и жанрово (религиозно-догматические тексты).

Сказанное придает еще большую значимость отдельным случаям употребления слова в данном значении в более поздний период (XVII в.) и в текстах, имеющих самое отдаленное отношение к религиозной догматике. Это рукописные газеты XVII века — вести-куранты.

*

Контексты, в которых встречено слово *полкъ* в вестях-курантах, исключают его понимание как войскового подразделения, тем более, что история войн не знает подобных формирований, составленных из женщин. Но в то же время ей известно, что женщины в наемном войске, каким оно было в период Тридцатилетней войны 1618—1648 годов, составляли весьма значительную часть общевойскового обоза.

Весьма любопытны на этот счет сведения о быте войска в Тридцатилетнюю войну, приводимые Ф. Мерингом в «Очерках по истории войн и военного искусства» (М., 1956): «Солдат вел в походе свое собственное хозяйство и, как бродячий ремесленник, возил с собой жену и детей... Полк в 3000 человек вез за собой не

меньше 300 повозок, и каждая из них была битком набита женами, мальчиками для услуг, детьми, девками и награбленным добром». Картина солдатского военного быта в наемном войске, нарисованная Ф. Мерингом, объясняет нам, почему такое число женщин именовалось полком.

Откуда же такое значение слова *полкъ* проникло в язык нашей зарождавшейся газетной публицистики? Ответ на поставленный вопрос немаловажен в связи с изучением истоков и связей этой разновидности официальной деловой письменности XVII столетия с иными сферами функционирования русского языка.

Дать ответ на этот вопрос помогает обращение к русским народным говорам. Ф. П. Сороколетов в «Истории военной лексики в русском языке XI—XVII вв.» отмечает, что например, онежским, беломорским, архангельским, калужским говорам известно переносное значение у слова *полк* — «пол (мужской или женский)». А теснейшим образом связанная с ним родовая семантика «множество, очень большое количество кого-, чего-либо» свойственна слову *полк* в шенкурских, архангельских и вятских говорах. А. А. Шахматов, рассматривая явления второго полногласия, приводит из русских диалектов *полок* (род. *полка*), *полчок девок* — «гурьба девушек» (Известия Отделения русского языка и словесности, СПб., 1902, т. VII, кн. I). По данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1956), *княжм полком* в народе называли «жениховых поезжан», «женихов поезд» в тот момент свадебного обряда, когда молодые ехали в церковь или из церкви. В «Словаре русских народных говоров» (вып. 13. Л., 1977) прилагательное *княжий* зафиксировано в сочетаниях, обозначающих различные стороны русского свадебного обряда. *Полчанами* в тверских говорах называют «жениховых бояр, поезжан, дружков, женихов полк» (по свидетельству словаря В. И. Даля).

На фольклорный, песенный источник поговорки *нашего полку прибыло* указывает старинная хороводная песня «А мы просо селяи», где хоры (попеременно мужской и женский) поют: «В нашем полку убыло», «В нашем полку прибыло» (см. сб.: Подарок любителям пения. М., 1877).

Еще от древних времен современный русский язык сохранил у этого слова в разговорном переносном употреблении значение «множество, толпа». Вспомним такое выражение, как *нашего полку прибыло*, вовсе не относящееся к военной сфере по семантике: «нас стало больше; прибавилось таких людей, как мы» (Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939; Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1960; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973). В производном *пол-*

чище прослеживается то же значение — «о большом количестве кого-н.— перен., разг.» (Ожегов С. И. Там же).

Из современных славянских языков значение «народ, люд, толпа» сохранил только сербскохорватский язык — *нѹк* (из праславянского *рълкъ).

Значение «народ» оказалось в вестях-курантах как бы оживленным благодаря тому факту, что русские тексты являлись переводами с немецких оригиналов, в которых старое германское слово *folk*, послужившее источником праславянского *рълкъ (см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 3, М., 1971), вновь оказало известное, теперь уже семантическое, воздействие на русское слово. *Volk* переводится, как правило, словом *люди*, которому лишь изредка соответствует *Leute*. Об этом свидетельствуют немецкие оригиналы газет, прежде всего те из них, которые в фотовоспроизведениях представлены в вышедших из печати (в 1972 г. и 1976 г.) двух первых томах вестей-курантов. Иначе говоря, рассматриваемое нами значение слова *полк* сближает его с немецким *Volk* — «люди».

Вместе с тем в немецких оригиналах встречаем и *Leute: die geflührte Leute* — *бѣглых людей* (в русском переводе).

*

Таким образом, в определенный период истории русского языка значение слова, имевшее длительную традицию употребления, но по различным причинам (возобладание военных значений, наличие синонимических замен в невоенной сфере применения) оттесненное другими, вновь проявилось в необычном сочетании с нейтральной для того времени стилистической окраской. Тому способствовал переводной характер текстов, в которых оно оказалось представленным, и давние связи (германский источник — праславянское заимствование), а тем самым и семантическая близость немецкого *Volk* и русского *полк*.

В современном русском языке слово *полк*, замененное синонимами, оказалось постепенно вытесненным из сферы бытового применения (сохранилось лишь в редких случаях — *нашего полку прибыло*), закрепило за собой специфические военные значения, круг которых в сравнении с древнерусским и старорусским периодами также значительно сузился.

В. Г. ДЕМЬЯНОВ,

кандидат филологических наук

Рисунок В. Толстоногова

Мы уже побывали в зрительном зале театра (Филиппов В. С. Зрительный зал театра.— Русская речь, 1981, № 3). Узнали об истории слов *партер*, *кресла*, *бельэтаж*, *ярус*, *ложка*, *галерея*. Но вот в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» читаем: «Все в партере, в ложах и райке стали хлопать и кричать изо всех сил». *Партер* и *ложка* — это понятно, а что же такое *раёк*?

Если мы посмотрим план театра, то найдем на нем и партер, и бельэтаж, и ложи, но райка не найдем, да и напрасно было бы его там искать. Дело в том, что раёк — это верхний ярус в зрительном зале театра. В современных толковых словарях *раёк* дается с пометой «разговорное, устаревшее». В настоящее время это слово не употребляется. В отличие от *раёк* устаревшее слово *галерея* и разговорное *галёрка* можно встретить в печати и в устной речи, правда, редко. В произведениях же русских писателей XIX века слово *раёк* встречается часто как довольно привычное; например, в своих «Воспоминаниях» С. Т. Аксаков пишет: «Ходить часто в партер или кресла студенты были не в состоянии.., а потому мы постоянно ходили в раек, платя за вход двадцать пять копеек медью».

Слово *раёк* может быть соотнесено со словом *галерея*

(галёрка). В Словаре русского языка С. И. Ожегова прямо говорится, что *раёк* — это «Театральная галерка (разг. устар.)». В рассказе А. П. Чехова «Нищий» есть фраза: «Человечек робко попросил у кассира билет на галерку...»

Мы рассмотрели одно значение слово *раёк*, а между тем у него есть еще одно: «зрители, сидящие в верхнем ярусе театра». В этом значении слово употребляется в произведениях литературы, письмах писателей так же часто, как и в первом. В письме А. П. Чехова И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 7 ноября 1888 года читаем: «Я думаю, что В. Крылов всей душой ненавидит кулисы, раек, актеров, актрис». И в этом значении слово *раёк* также соотносится с *галёрка*, ср. например, в одном из стихотворений В. Маяковского: «Под потолком притаилась галерка, места у нее высоки...»

Слово *раёк* в значениях «верхний ярус в зрительном зале театра» и «зрители, сидящие в верхнем ярусе театра» впервые зафиксировано в 1802 году в Новом российско-французско-немецком словаре И. Гейма. Но почему, однако, верхние места в театре назывались *райком*? Происхождение этого слова остается неясным. Можно предположить, что такое название возникло потому, что эти места расположены высоко, под самым потолком и до них надо долго добираться, как до «рая». Возможно, что кем-то когда-то произнесенное в шутку слово распространилось и затем закрепилось на довольно длительное время в среде театралов, преимущественно молодежи, заполнявших верхние места в театре.

В этой статье мы оставляем в стороне такое значение слова *раёк*: «вид представления на ярмарках, распространенный в ряде европейских стран, главным образом, в XVIII—XIX веках» (Театральная энциклопедия. Т. IV. М., 1965). *Раёк* — вид представления и *раёк* — верхний ярус в зрительном зале театра, вероятно, можно считать омонимами. О слове *раёк* содержатся любопытные сведения в книге З. Н. Люстровой, Л. И. Скворцова и В. Я. Дерягина «Беседы о русском слове» (М., 1978).

Среди театральных работников внешне незаметную, но важную роль играет суфлер. Сейчас о суфлере упоминают не часто, тогда как раньше, в дореволюционном театре, и особенно в провинции, в небольших частных театрах он играл важную роль. В своей книге «Искусство актрисы» выдающаяся артистка Малого театра В. Н. Пашенная пишет: «Работа суфлера в прежней провинции была очень трудной. От суфлера в иных случаях зависел успех спектакля и успех артиста». От себя добавим, что важную роль суфлер играл не только во время спектаклей, но и во время репетиций. Особенно ответственна роль суфлера в музыкальном театре. Существовали даже выражения *играть, вести роль под*

суфлера, по суфлеру, то есть играть, вести роль, пользуясь подсказкой суфлера (Эти сочетания отмечены в Словаре современного русского литературного языка.) В письме к брату Александру Павловичу от 20 ноября 1887 года А. П. Чехов писал: «Роль знали только Давыдов и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению».

Что же буквально значит слово *суфлер*? В Словаре современного русского литературного языка оно определяется так: «Работник театра, подсказывающий актерам слова роли во время представления». Слово *суфлер* пришло в русский язык из французского языка (*souffleur* от *souffler* «подсказывать») и впервые отмечено в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского (вып. III. СПб., 1806).

Если слово *суфлер* фиксируется в словарях еще в начале XIX века, то производные от него *суфлерский*, *суфлировать* отмечены сравнительно недавно. Так, *суфлерский* мы находим в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (Т. 4, 1940), а *суфлировать* — в Словаре иностранных слов (1937). Однако они, так же как слово *суфлер*, довольно часто встречаются в литературных произведениях различных жанров. Например, в рассказе А. И. Куприна «К славе» находим слово *суфлерский*: «Я, к ужасу своему, чувствую, что убийственные слова совсем вылетели из моей памяти.. Наконец из суфлерской будочки до меня доносится: „о проклятие, каждый раз...“», а в рассказе А. П. Чехова «Моя жизнь» — слово *суфлировать*: «На мне лежала закулисная часть. Я писал декорации, переписывал роли, суфлировал, гримировал».

В письме П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 30—31 июля 1879 года встречается слово *суфлирование*: «Спектакль наш состоится 2 августа. Сейчас была репетиция, и я очень устал от усердного суфлирования». Оно, как и предыдущие слова, отмечено в Словаре современного русского литературного языка.

В. С. ФИЛИПЦОВ

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С каким ударением произносится форма 3-го лица единственного числа от глагола *зубрить*?»

Ф. В. Кашеваров, Великие Луки

Эта форма имеет два акцентологических варианта — *зубри́т* и *зубри́т*, причем первый из них является предпочтительным, а второй допустимым.

ЕЛИЗАВЕТ ВОРОБЕЙ

Действительно ли Собакевич обманул Чичикова?

Напомним обстоятельства дела. На следующий день после встречи с Собакевичем Чичиков проснулся в хорошем настроении: он вспомнил, что у него теперь без малого четыреста душ. Ему хотелось поскорее закончить дело, совершить купчую и вступить во владение принадлежавшими ему теперь «подданными». Даже мертвые, «несуществующие», как любил выражаться Павел Иванович, должны были принести ему немалый доход. Чтобы не платить подьячим и не вводить себя в лишний расход, он решил сам составить необходимые документы — купчие крепости. Но вот тут-то и случился казус...

«„Это что за мужик: Елизавета Воробей? Фу ты пропасть: баба! она как сюда затесалась? Подлец, Собакевич, и здесь надул!“ — Чичиков был прав: это была, точно, баба. Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву *ъ*, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однако же он это не принял в уваженье и тут же ее вычеркнул».

Таким образом, Чичиков остался в полной уверенности, что Собакевич совершил подлог: придав женскому имени Елизавета форму мужского рода на согласный [по орфографии того времени, твердость конечного согласного обозначалась на письме буквой *ъ* (ер)], продал ему «душу» женского пола. Уверенность Чичикова в сознательном обмане со стороны Собакевича косвенно подтверждает и сам автор, заметив, как «искусно была прописана» злосчастная Елизавета.

Мы полагаем, что вступаться за честь Собакевича, может быть, и не было бы никакой необходимости, если бы такое понимание гоголевского текста не шло во вред самому читателю, создавая заблуждение в чисто языковом плане. Дело в том, что современный читатель воспринимает форму *Елизавет* как несуществующую в языке и придуманную Собакевичем с одной единственной целью: внешним сходством с мужскими именами Иван, Петр, Степан, Антон и т. п. обмануть бдительность покупателя «мертвых душ».

Тем не менее это не так! В русском языке форма *Елизавет* (вариант *Елисавет*) существовала и лишь позже была заменена привычной нам *Елизавета* (*Елисавета*). Форма *Елизавет* (*Елисавет*) используется как обычная многими писателями XVIII века — М. В. Ломоносовым, В. К. Тредиаковским, А. П. Сумароковым, Г. Р. Державиным и другими.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.

Ломоносов.
Ода на день восшествия
на престол Елисаветы Петровны 1747 года

Мы все зрим, что Елисавет
Престол, Власть, Скипетр и Державу
Наследила себе по праву
И век златой ко всем ведет.

Тредиаковский.
Елисавете Петровне...
апреля 25 дня 1742 года

О! дерзка мысль, куды взлетаешь,
Куды возносишь пленный ум?
Елисавет изображаешь.

Сумароков.
Ода императрице Елисавете Петровне
25 ноября 1743 года

Ты чтил Петра, Елисавет,—
Внимай, как звучно Ломоносов
Здесь славу вечную поет!

Державин. Урна

Елисавет — так именовалась и подписывалась на протяжении всей своей жизни и сама русская императрица как в официальных документах, так и в переписке личного характера: «Вашего Императорского Величества послушная раба Елисавет»; «Божиею милостию мы, Елисавет Первая, императрица и самодержица всерос-

сийская, объявляем во всенародное известие...»; «...того для требуем от Вашей Светлости обстоятельного о том известия, какую болезнью принцесса, супруга Ваша, скончалась, которое сами изволите, написав, прислать к нам. Елисавет»; «...с каковою наивсегда пребуду Вашего Королевского Высочества и любви дружески-любно-охотная тетка Елисавет» и т. д.

В официальной формуле — обращении к цесаревне, а затем императрице — в прошениях, челобитных и т. п. была обязательна только эта форма имени: «Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна самодержица все-российская...»; «...ея высочества благоверные государыни цесаревны Елисавет Петровны оброчной крестьянин Алексей Никифоров...» (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981).

В 1742 году «Камер-фурьерской церемониальный журнал» поместил «Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования... императрицы Елисавет Петровны». Эта же форма имени была характерна и для устной речи, по крайней мере в ее торжественной, книжной разновидности. Так, в тексте проповедей того времени ректора Московской духовной академии Кирилла Флоринского встречаем: «...провозсия на престоле отчем венцено-сица Елисавет» и т. п. (Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елизаветы Петровны.— Летописи русской литературы и древности... М., 1859).

Таким образом, имя Елисавет (Елизавет) в русском языке XVIII века было достаточно обычным. Правда, следует сказать, что привычная для нас форма на -а *Елисавета* (*Елизавета*) также встречается у тех же писателей:

Тогда во все пределы света,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.

Ломоносов.
Ода на день восшествия
на престол императрицы
Елисаветы Петровны 1748 года

О! Муза, возгласи, что наша обща честь,
Прехвальная во всем Елисавета есть.

Тредиаковский.
Елисавете Петровне...
апреля 25 дня 1742 года

Благословенны наши лета;
Ликуй, блаженная страна;

В сей день тебе Елисавета
Севеышним и Петром дана.

Сумароков.
Ода государыне императрице
Елисавете Первой на день ея рождения,
1755 года декабря 18 дня

Как видим, в русском языке XVIII века сосуществуют две формы имени — *Елисавет* (*Елизавет*) и *Елисавета* (*Елизавета*), а выбор одной из них в поэзии объясняется соображениями версификационного порядка — вторая форма была на один слог больше, что для поэзии того времени было немаловажно. Эти формы различались и стилистически: в переписке бытового характера встречается исключительно форма имени на *-а*, что свидетельствует, по-видимому, о несколько сниженном, разговорном характере ее: «...получил ли ты спаржи и Елисавета Петровна шеколад» (Памятники московской деловой письменности XVIII века). Таким образом, в русском языке XVIII века существовали две формы этого женского имени, отличавшиеся стилистически, сферой употребления и частотой использования. Поэтому всякие предположения об «изобретении» этого имени героями гоголевского произведения следует оставить.

Каково же происхождение этого имени в русском языке?

Елизавета — это одно из календарных русских имен. В русский язык оно пришло вместе с христианской религией через старославянский язык — язык книг «священного писания». В старославянском же языке оно появилось из греческого — языка посредника, повторив, таким образом, путь распространения христианской религии. В церковнославянском языке (т. е. русифицированном варианте старославянского) это имя приобрело окончательный вариант *Елисаветъ*, то есть с мягким конечным согласным.

Естественно, что на общем фоне русских женских имен с окончанием на *-а(-я)*, даже если они по происхождению не были ни русскими, ни славянскими, — Екатерина, Мария, София, Ольга, Прасковья, Федосья и др., — это имя оказалось типологически несколько обособленным. Оно входит в ряд таких библейских имен, как Эсфирь, Суламифь, Юдифь, Агарь и под. Склоняются эти имена по образцу русских слов *грусть*, *радость*, *Тверь* и т. д. Имя Елисаветъ вошло в православный церковный календарь. В нем представлено подавляющее большинство имен на *-а(-я)*: Агафья, Агния, Акилина, Александра, Анна, Анастасия, Анфиса, Афанасия, Валентина, Варвара, Василиса, Васса, Вера, Галина, Глафира, Гликерия и др. Из «необычных» по форме женских имен в святцах, помимо Елисаветъ, можно обнаружить совсем немногие — Кетевань (грузинское), Моико и Уирко, на Руси практически не используемые. Поэтому влияние аналогии с русскими именами на *-а(-я)* не могло,

конечно же, не быть значительным. Однако как бы промежуточным звеном между формами Елисаветъ и Елисавета (Елизавета) стала форма с твердым конечным согласным *Елисавет*, возникшая, по-видимому, не без влияния форм этого имени в западноевропейских языках. Ср., например, *Elisabeth* — в немецком языке, французском, *Elisabeth, Elizabeth* — в английском. Появление в этом имени звука *з* вместо *с* также нельзя не связать с влиянием западноевропейских форм: языковая ситуация петровского и послепетровского времени достаточно известна.

В начале XIX века старая форма была почти совершенно вытеснена из живого употребления. Известная княгиня Е. Р. Дашкова, директор Академии наук и президент основанной при ее участии Российской Академии (1783—1796) в своих «Записках» (1804—1806) писала: «Я родилась в Петербурге, в 1744 году, около того времени, когда императрица Елизавета возвратилась из Москвы после своей коронации...»

Имя Елизавета никогда не было распространенным, особенно среди простого народа — крестьян, мещан, мелкого чиновничества и т. д. Но оно стало одним из любимых имен художественной литературы. Придя на смену искусственным, придуманным именам литературы классицизма — Медор, Клеарх, Гликон, Созим, Ириса, Делия, Темира, Филомела и под., — простые, естественные русские имена в произведениях нового времени не должны были нести отпечатка слишком низкого происхождения, вроде Фекла, Агафья, Акулина, Прасковья. Вспомним «Бедную Лизу» Карамзина, имя Лизы — сеньной девушки — мелькает в комедии И. А. Крылова «Урок дочкам», Лизой зовут горничную в грибоедовском «Горе от ума», Лиза, Лизавета Григорьевна — у Пушкина в «Барышне-крестьянке» и Лизавета Ивановна в «Пиковой даме».

Уменьшительные формы имени встречаются и в произведениях конца XVIII века, свидетельствуя тем самым, что оно стало привычным русским именем. Так, в стихотворении Г. Р. Державина «Пчелка» (1796) находим:

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

В дворянском речевом обиходе широко использовалась и другая форма — *Лизавета*. Ср. у Пушкина: «Лизавета Григорьевна ушла в свою комнату и призвала Настю» (Барышня-крестьянка). Отпадение начального слога произошло, по-видимому, не без влия-

ния ласкательной формы французского имени *Lizetta* (Lisette). В дальнейшем форма *Лизавета* стала достоянием просторечия.

...Время действия «Мертвых душ» исследователи относят к началу 30-х годов XIX века. Поскольку Чичиков покупает крестьян только мужского пола и «на вывод», то есть без земли, то такая покупка могла происходить только до 1833 года, так как только в этом году был издан закон, по которому было запрещено продавать крестьян «с разлучением от семьи». В произведении Гоголя упоминается недавняя эпидемия («А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, немало...»). Можно предположить, что речь идет о страшной холерной эпидемии 1831 года. (См.: Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души», Л., 1974).

Наконец, после долгого торга Чичиков и Собакевич договорились о сделке. «Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич согласился охотно и тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с обозначением похвальных качеств». Заметим: Собакевич выписывал «мертвые души» уже с готовых списков, которые, возможно, составлялись для него (а это было обычным делом в те времена!) каким-нибудь крепостным грамотеем. А если примем во внимание, что грамоту тогда начинали учить по Псалтыри и на ней же заканчивали, легко можем представить уровень образованности помещичьего письмоводителя, для которого церковнославянская форма *Елисавет* или книжная *Елисавет* была естественной и единственно допустимой для текста официального документа. В документах — «ревизских сказках» — не могли, естественно, фигурировать народные формы имени *Лизавета*, *Лизавета*, *Олисава* и под. Консервативному переписчику недостаточно официальной могла показаться и сравнительно новая, стилистически несколько сниженная, разговорная форма на *-а* — *Елисавета* (*Елизавета*). Если же предположить, что автором списков был сам Собакевич, то практически почти ничего не меняется. Провинциальный житель, воспитанный смолоду на Ломоносове, Хераскове, Сумарокове, мог сохранить эстетический и речевой консерватизм и в описываемое время.

Форма *Елисавет* не стерлась окончательно из памяти и во второй половине XIX века. Как стилистическое средство ее использовал в своей сатирической «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстой:

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

Как видим, великолепный образец использования формы Елизавет с целью создания неожиданного художественного эффекта показал Н. В. Гоголь.

Мог ли произойти описываемый Гоголем случай в реальной жизни? Известный собиратель русского лубка Д. А. Ровинский в своих «Русских народных картинках» (СПб., 1881) рассказывает, как при очередном «очищении» переполненных тюрем, когда «лишних» арестантов отправляли на поселение или отдавали в солдаты, в тюремную роспись мужчин попала женщина-татарка с «мужским» именем, которую и записали в солдаты. «При исполнении ошибка оказалась, но никто не смел доложить о ней кому следует: так «Елизавет Воробей» и высидела свой срок, в виде мужской персоны, только за неспособностью к арестантским ротам, в работном доме».

Мы не знаем, сознательно ли вписал Собакевич в реестр «мертвых душ» злосчастную Елизавет Воробей, или ошибся, но могло случиться то и другое. Мы можем подозревать его в подлоге, но доказать его вину не можем: нет достаточных оснований.

Однако для нас гораздо важнее другое: форма имени Елизавет — вовсе не изобретение «жулака-помещика». Она несет на себе печать эпохи, являясь свидетелем непрерывного развития языка.

А. Я. ОПРИШКО,
кандидат филологических наук,
Харьков

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Прошу вас ответить, как правильно образовать прилагательное от названия города *Барань*».

В. В. Снякова, Барань

В прилагательных, образованных при помощи суффикса *-ск-* от существительных с мягким знаком на конце, мягкий знак не пишется. Например: *Казань* — *казанский*, *Сибирь* — *сибирский*, *Кемь* — *кемский*, *январь* — *январский*, *зверь* — *зверский*. Исключение составляют лишь прилагательные *сентябрьский*, *октябрьский*, *ноябрьский*, *декабрьский*, *июньский*, *июльский* и наречие *день-деньской*. Следовательно, прилагательное от наименования города *Барань* надо писать без мягкого знака: *баранский*.

ПЕТИМЕТР

В предисловии к антологии «Очарованные книгой» (М., Книга, 1982), где собраны высказывания, очерки, прозаические отрывки о книгах и библиофилии, мы читаем следующие строки: «Уже в сатирах XVIII века на сцену выводится целая галерея «петиметров и рокеток», всевозможных «несмыслов», «нелеп», малообразованных снобов, поверхностно усвоивших начатки французского языка и этикета».

Приведенное автором предисловия слово *петиметр* принадлежит ныне к категории устаревших, однако обозначаемый им социальный тип сыграл заметную роль в жизни русского общества восемнадцатого столетия. *Петиметр* происходит от французского *pefit-maitre* (буквально: «маленький хозяин» или же «господинчик»). Во французском «Всеобщем словаре» А. Фюретьера, впервые изданном в 1690 году, его смысл раскрывается следующим образом: «так называют молодых придворных. Говорят, что слово это вошло в язык, когда герцогу Мазарини... был пожизненно пожалован титул главнокомандующего артиллерией (*grand-maitre de l'artillerie*). Петиметрами стали называть знатных дворян, его сверстников». Спустя полстолетия Вольтер в книге «Век Людовика XIV» несколько иначе объясняет происхождение этого наименования: во времена Фронды (общественного

движения 1648—1653 гг. во Франции против абсолютизма, представленного правительством Мазарини.— К. Ч.) «петиметрами называли сторонников принца Конде, потому что они хотели стать хозяевами государства (*maitres de l'état*). Теперь же,— продолжает Вольтер,— петиметрами именуют самоуверенных и дурно воспитанных молодых людей».

Комбинация из этих двух версий встречается во многих французских словарях, а также во втором издании БСЭ (М., 1955, т. 32) и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1939, т. 3). Однако на самом деле слово *петиметр* стало употребляться во Франции задолго до Фронды, во второй половине XVI века. В мемуарах французского писателя XVI века П. Брантома «Жизнеописания» отмечается, что в те времена молодые дворяне шутливо обращались друг к другу «*mon petit maitre*» — вместо почтительного «*mon maitre*» («мой господин»). В эпоху же Фронды данное обращение получило особенно широкое распространение и стало восприниматься как неологизм.

Слово *петиметр* встречается в четвертом издании «Характеров» Ж. де Лабрюйера (1689), причем особенности его написания на языке оригинала говорят о том, что в письменной речи слово только начинает утверждаться: «Иные из молодых советников парламента, богатые ветрогоны, вступают в дружеские отношения с теми, кого при дворе называют *петиметрами* (в оригинале курсив.— К. Ч.); они подражают им и презрительно относятся к своим вечно серьезным собратьям по ремеслу... Они заимствуют у придворных только их дурные свойства: тщеславие, изнеженность, невоздержность, вольномыслие, словно эти пороки обязательны для вельможи». Негативное отношение к избалованным знатым щеголям (именно так стали понимать слово *петиметр*) встречается и у многих французских авторов XVIII века. У П. Мариво есть комедия, которая так и называется: «Исправившийся петиметр». Петиметров отличала раскованность и даже разболтанность манер, подчеркнутая небрежность костюма, а также избыточная модными словечками речь.

В письме Д. И. Фонвизина графу П. И. Панину (январь 1778 года) будущий автор «Недоросля» следующим образом характеризует встретившегося ему во Франции принца: «Сверх того почитается он первым петиметром, и все молодые люди подражают его тону, который состоит в том, чтобы говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинув рот, не смотря ни на кого; толкнуть всякого, с кем встретится; смеяться без малейшей причины, сколько есть сил громче; словом, делать все то, что дурачество и пьянство в голову вложить могут. Таковы все здешние петиметры».

Во времена Фонвизина слово *петиметр* было уже прочно усвоено русским языком. Мы встречаем его и в записках воспитателя Павла I С. А. Порошина, относящихся к 1764 году. Среди персонажей описываемого Порошиным придворного маскарада — «шестнадцать человек петиметров» (Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества...). Нужно отметить, что поведение русских петиметров несколько отличалось от вызывающих манер их французских собратьев. В России XVIII века петиметр — это прежде всего манерный, изысканно одетый и пересыпающий свою речь галлицизмами щеголь. Многочисленные сатирические журналы того времени сделали петиметра главной мишенью для своих стрел.

Распорядок дня петиметра бывал следующим. Поднявшись в полдень, он натирал лицо мазями, душился одеколоном, причем весьма неумеренно («благоухание ощутительно бывает по тем улицам, чрез которые он проскачет»); затем пудрился, румянил губы, подводил брови и даже налепливал на лицо мушки «смотря по погоде петиметрского (как видим, от *петиметр* было образовано прилагательное.— К. Ч.) горизонта». После этого приходил черед прически, которой петиметр уделял особенное внимание. Для завивки волос чаще всего приглашались парикмахеры-французы, которые брали немалые деньги (по два червонца, если верить журналу «И то и сё», 1769 г.). Щеголь предоставлял свою голову в распоряжение волосочеса и просиживал у зеркала часа три, «держа книгу в руках, которую однако не раскрывал никогда». В екатерининскую эпоху в моде были пышные букли и тупей (о последнем слове см.: Юношева В. К. Тупей, тупейный.— Русская речь, 1981, № 1); если своих волос было мало, петиметры использовали парики. Туалет завершался облачением в дорогой красивый кафтан. Башмаки у петиметров были с красными или розовыми каблуками. Особого внимания требовали к себе огромные галстуки: «старанье охранить сей бант от смятья представляет иногда целую толпу петиметров, не движущих шеями и головами» — так писал в 1780 году «Сатирический вестник».

Одевшись, щеголь садился в карету (которая часто украшалась изображением купидона со стрелами) и ехал в свет. Танцы, карточная игра, охота составляли излюбленные занятия петиметра, но особенно он бывал ловок по части амурных походов и беспрестанно, как тогда говорили, «делал куры» (от французского *faire la cour* — «ухаживать»). Петиметры часто проматывали целые деревни, безудержно сорили деньгами:

Орлова ставила на карту миллион,
Чему дивился весь бесовский легион,

Что собранный с крестьян оброк пошел на ветер.
Так делает всегда и каждый петиметер.

(Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Л., 1959)

В этой анонимной эпиграмме речь идет о дочери графа А. Г. Орлова, Анне Алексеевне Орловой. Следует отметить, что данный вариант написания слова *петиметр* встречается и в «Новом словотолкователе» Н. Яновского, первом из русских словарей, включивших в свой состав это заимствование.

Тот же вариант написания мы находим в отрывке из произведения А. П. Сумарокова, приводимом в книге М. И. Пыляева «Старая Москва», где Сумароков шутливо разграничивает два типа петиметров — французский и английский: «Аглинской петиметер различается от других коротким и непудренным париком, платком на шее, которой они вместо галстука употребляют, нахальными и подлыми речами...» Интересно, что Сумароков, как и Н. Яновский, весьма широко толкует это слово и находит петиметров даже в Риме эпохи упадка.

В русской литературе XVIII века выведена целая галерея петиметров. Таков, к примеру, Ветромах в комедии И. Б. Княжнина «Чудаки», «речами попугай, поступком обезьяна», «распудрен весь, душист и распещрен». Ветромах коверкает русскую речь и вставляет, где только может, французские слова: «читаю наш язык за подлинный *jaargon*, и експримировать на нем всего не можно». Сравнение петиметра, бессмысленно копирующего французские манеры, с обезьяной сделалось хрестоматийным. Мы встречаем его и у поэта А. Н. Нахимова (Поэты-сатирики...), и у И. А. Крылова в «Почте духов»: «...надлежит признаться, что, взирая на петиметра и на обезьяну, можно подумать, что или душа обезьяны духовна, или душа петиметра вещественна, потому что, по примечанию моему, обе сии души имеют одинакие между собою свойства...»

У писателей XIX века слово *петиметр* встречается значительно реже (его все больше заменяют синонимы — *франт*, *щеголь*, а в эпоху романтизма — *денди*). Приведем пример из сатирической поэмы А. И. Полежаева «Сашка» (1825). Рассказывая о пристрастии своего героя к значным местам, Полежаев пишет:

Не вы — театры, маскарады,
Не дам московских лучший свет,
Не петиметры, не наряды —
Кипящих дум его предмет.

У Лескова в хронике «Захудалый род» (1873) дважды повторено производное от *петиметра* — *петиметрство*. Примечательно, что в других сочинениях писателя это слово не встречается. Не-

сомненно, *петиметрство* для Лескова — понятие историческое, стиль поведения, который еще только начал входить в моду в первой половине XVIII века (именно к этому времени относятся события «Захудалого рода»): «Так еще в то время было просто и так живо тогда чувствовалось взаимное снисхождение, которое после заменено сначала французским петиметрством, а потом аглицким равнодушием».

Точно так же и Г. П. Данилевский в романе «Мирович» (1875) выводит петиметров как одну из ярких примет русской жизни елизаветинской эпохи: «Парикмахеры на Морской и на Невском завивали букли и заплетали и пудрили косы русским петиметрам...»

Слово *петиметр* стало, таким образом, единицей лексикона исторических романистов, обращающихся к XVIII веку. В наши дни оно оказалось практически вытесненным синонимами — *франт*, *щеголь*, *модник* и т. п. В современном языке опорным словом этого ряда можно считать *франт* (парядно, модно одевающийся человек). Слово же *петиметр* не включается, как явно устаревшее, и в словари синонимов, и в толковые словари.

К. А. ЧЕКАЛОВ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о происхождении названия цветка — *гиацинт*».

К. Б. Шемонюк, Днепродзержинск

Слово *гиацинт* восходит к греческому *hyacinthos*. Древнегреческий миф, изложенный Овидием в «Метаморфозах», рассказывает о том, что однажды бог Аполлон и его друг Гиацинт, сын спартанского царя, стали состязаться в метании диска. Аполлон метнул тяжелый бронзовый диск так высоко, что он скрылся за тучей. Диск упал на землю, сверкая, как звезда. Гиацинт не успел поднять его: диск отскочил от удара о камни и поразил голову прекрасного юноши. Алая кровь хлынула потоком на камни, на траву. Испуганный Аполлон не мог остановить ее. Гиацинт умер. Его потрясенный друг тихо прошептал: «Пусть память о тебе вечно живет среди людей.» Из крови прекрасного юноши вырос алый цветок — *гиацинт*.

ВРАЧЬБА, ЛЕЧЬБА И ЦЕЛЬБА

Слова *врач(ь)ба*, *леч(ь)ба* и *цельба* неизвестны современному языку. Но в памятниках русской письменности, начиная с самых ранних (XI в.), мы найдем множество примеров их употребления. Что значили эти образования в языке прошлого? Только ли структурно (суффиксом -ьб-) они были связаны между собой? Соотносятся ли они каким-либо образом со словами современного русского языка?

Внимательно вчитаемся в старинные тексты: «Яко же и от ядовитых гад врачьбы растваряти» (Изборник 1073 года); «Коему вреду есть цельба... уенина зльчь» (желчь гиены) (Изборник 1073 года); «Врач лечьбу принесе» (Житие преподобной Февронии..., XV—XVI вв.). Первые два отрывка из «Изборника Святослава 1073 года», древнейшего памятника древнерусской письменности, второго по древности (после Остромирова Евангелия 1056—1057 гг.) точно датированного из числа сохранившихся до нашего времени. Эта монументальная книга, изданная факсимильно в 1983 году издательством «Книга», была для древнерусского читателя своеобразной первой энциклопедией. В примерах из «Изборника 1073 года», а также из «Жития» XV—XVI вв. слова *врачба* и *цельба*, *лечба* означают «лекарство».

В то же время эти слова были широко употребительны в прошлом и в значении «лечение»: «Ти съгрешиси. приди покаися. врачба бо съде есть а не осужение» (Успенский сборник XII—XIII вв.); «Да призовем на помощь, яко же добраго врача на лечьбу» (Пчела, сп. XIV в.); «Путие их (болящих.— О. С.) цельбы... проповедау» (Успенский сборник XII—XIII вв.).

Таким образом, данные существительные выражали в древности отвлеченное («лечение») и конкретное («лекарство») понятия. Однако у каждого из них были и свои особенности. Так, *леч(ь)бой* на Руси называли еще искусство лечить наговорами, волшебством: «Ни почитаи възбраненых книг, или доселе чему научился еси, неведомая словеса чары и лечьбы... да останеши» («Не читай запрещенных книг, или оставь то, чему ты научился доселе: неведомые слова чар и лечьбы») (Поучения новопоставленному священнику, XIII в.).

Для существительного *цельба* было характерно также значение «исцеление, выздоровление, излечение»: «Темь и господь отлагаеть цельбу» (Успенский сборник XII—XIII вв.).

Синонимы *врач(ь)ба*, *леч(ь)ба* и *цельба* происходят от разных по значению корней.

Врач(ь)ба, например, считается производным от *врач*, которое связывают с русским глаголом *врачь*, первоначальное значение которого в древнерусском языке — «говорить».

Существительное *леч(ь)ба* соотносится, видимо, с древнерусским *лечь* «лекарство или лечение», «способ излечения». Производящей основой для него могло быть праславянское *lěčiti.

Слово *цельба* имеет один корень с прилагательным *целый*, у которого в древнерусском языке среди прочих значений — «неповрежденный, неиспорченный, весь, имеющий все свои части, полный, чистый, непорочный» — было и значение «здоровый». Праславянский корень *сѣl и в глаголе *целити*, то есть «делать здоровым».

Интересно, что эти древнейшие образования сохранялись в русском языке и более позднего времени. Так, слово *цельба* в значении «лекарство» вошло во многие русские пословицы и поговорки XVII—XIX веков. Некоторые из них приведены П. Симоном в книге «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий», например: *Цельба голодному хлеб с водою. Цельба пьянице на столе в скляннице*. Это слово встречается в русской поэзии XIX века. В стихотворении В. Кюхельбекера «Племяннику Д. Г. Глинке...» читаем: «Прими ж ее (притчу.— О. С.): я в ней обрел отраду, Души болезням в ней обрел цельбу».

Слово *лечба* находим, например, в «Лечебнике 1763 года»: «К тому ж иная лечба мята да кроповье семя варить гораздо.. и прикладывать под пупом ту траву».

Из всех трех слов раньше других, очевидно, начало выходить из активного употребления слово *леч(ь)ба*. Так, в словарях XVIII века — Российском с немецким и французским переводами словаре И. Нордстета 1780—1782 годов, Российском целлариусе 1771 года — оно вовсе не отмечается, в Словаре Академии Россий-

ской 1806... приводится с пометой «простонародное», в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 года отмечено как «старинное», причем в последнем слово *врач(ь)ба* дано уже с пометой «церковное». Существительное же *цельба* в этих словарях фиксируется без сопроводительных помет.

В современном русском языке все три образования совершенно забыты. В толковых словарях они не представлены, за исключением слова *цельба*, которое приводится в 17-томном Словаре современного русского литературного языка с пометой «устаревшее».

Современным говорам известно лишь слово *леч(ь)ба*, представленное в значении «лечение» в архангельских, костромских, новосибирских, тульских диалектах («Лечба у нас плохая») и «лекарство, снадобье» — в курских («Раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град. Муж пошел. На дороге ему встретился солдат: — Куда ты, мужик? — В Крым-град за лечбой!»). Два других существительных не встречаются и в диалектах.

Наряду с существительными *врач(ь)ба*, *леч(ь)ба* и *цельба* для выражения понятия «лечение» в языке употреблялись и другие слова, имеющие те же корни, но оформленные суффиксом *-ние*: *врачевание*, *целение*, *лечение*: «Есть струп к врачеванию. и есть ии нецельный» («Есть язва, которую можно вылечить, и есть неисцелимая») (Изборник 1076 года); «Аште ли не быхом имеди чувства. то ни болели быхомь ни целения требовали («Если бы не имели чувств, то не болели бы и не требовали бы лечения»)) (Изборник 1073 года); «Куплено... водки на две гривны на лечение очей» (Книга расходная Иверского Валдайского монастыря.., XVII в.).

Все три образования были также употребительны, начиная уже с раннего периода развития русской письменности (*врачевание* и *целение* были известны языку уже в XI веке, *лечение* дошло до нас в памятниках XIV века).

Интересно, что для существительного *врачевание* некоторыми словарями начала XIX века отмечается и значение «лекарство»; например, в Церковном словаре П. Алексеева 1817 года при толковании этого слова указывается: «иногда берется за самое лекарство». С пометой «церковное» значение «лекарство» приводится в Словаре Академии Российской 1806... Другое существительное — *лечение* — зафиксировано в этом значении только в говорах. «Не мог этого леченья в Томске найти. Все аптеки обошел; У меня сродный брат был, с Москвы леченья выписывал» — читаем мы в «Дополнении» к «Словарю русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби».

Существительные *врачевание, лечение, целение* были в активном употреблении в последующие периоды. *Врачевание* и *целение* встречаются в произведениях писателей XVIII—XIX веков. Например, у А. П. Сумарокова: «И от болезней охранены мы осторожностью и врачеванием» (Основания любомудрия); у А. К. Толстого: «... Болезненно свершается целенье Старинных ран» (Царь Федор Иоаннович).

Существительное *целение* дошло до нас и в пословицах, известных с Петровской эпохи, например: *Целение грешному — полаяние верное*.

Какова судьба этих слов в современном русском языке? Существительное *лечение* сохранилось и широко употребляется в известном значении «применение медицинских средств для избавления кого-нибудь от болезни, принятие мер к прекращению какой-нибудь болезни». Слова же *целение* и *врачевание* квалифицируются Словарем современного русского литературного языка как «устаревшие».

Таким образом, существительные-синонимы, образованные с помощью суффикса *-ьб-* — *врач(ь)ба, леч(ь)ба, цельба*, — ушли из языка, уступив место существительному на *-ние* — *лечение*. Слова утратились, а суффикс сохранился в образованных от них прилагательных *врачебный, лечебный* и *целебный*. Эти прилагательные были употребительны в языке в те же периоды, что и соотносительные с ними существительные на *-ьб-*. Все они характеризовались близостью значения — «лечебный, относящийся к лечению, лекарственный». Они встречаются в памятниках в таких сочетаниях, как *врачььбныя книги* (Изборник 1073 года), *врачебное былие* (Хроника Георгия Амартола, сп. XIV в.), *зелья лечебнаго* (Пчела, сп. XIV в.).

В прошлом были известны и другие однокоренные слова, имевшие в своем составе суффикс *-ьб-*. Это, например, *врачебник* и *лечебник*. Так назывались книги, содержавшие популярные сведения о лечении различных болезней, советы и рецепты для домашнего лечения. Сейчас слова *врачебник* и *лечебник* ушли из языка вместе с понятиями, которые они обозначали. Образованное по той же словообразовательной модели существительное *целебник* означало в старину «врач, исцеляющий болезни».

В словарях прошлого века зафиксированы и женские параллели к этим образованиям: *врачебница, лечебница, целебница*, которые имели одно общее значение — «здание для лечения и содержания больных, больница». Кроме того, существительное *целебница* обладало и значением «целительница, врачевательница».

О. Е. СИМОНОВА
Рисунок В. Комарова

Столны града

Раскроем томик Пушкина на стихотворении, по праву считающемся одним из лучших,— на «Воспоминании» (1828):

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые столны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда...

Академик Л. В. Щерба так говорил об этом месте во время занятий по русскому языку на филологическом факультете Петербургских Высших женских курсов: «*Столны града* для нас очевидно устарелое выражение: *столны* просто даже непонятно, но и *града* вместо *города* не мотивировано. Полагаю, что для Пушкина это были все-таки в значительной мере живые слова, и во всяком случае он их чувствовал иначе, чем мы» (Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина.— Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957).

Одновременно с пушкинским стихотворением увидела свет «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича, где читаем:

Нам не разрушить Трои, с широкими столнами града!
(Песнь II; IX)

...разрушим обширную столнами Трою (II)
Град Илион разгромил и пустынными столны оставил! (V)

...Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным столнам (VI)

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают

(XVIII)

Здесь понятность гарантирует гомеровский том «Библиотеки всемирной литературы» (М., 1967, с. 20): «Читать „Илиаду” и „Одиссею”, просто читать, как читаешь своего современника, не делая никаких скидок на века и тысячелетия,— вот самый лучший, самый верный путь к Гомеру. Он открыт и доступен всем».

Стогны града — церковнославянизм, это выражение неоднократно встречается в том тексте Библии, которым пользовались Пушкин и его современники (Книга Судей; Сирах; Лука; Апокалипсис). Подмеченную Л. В. Щербой немотивированность *града* ощущал Н. А. Некрасов, он использовал полногласную форму:

В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь...

Несчастные, 1856

В официальном переводе вышеназванных церковнославянских текстов на русский язык (1876) все было сведено к *улицам города*, но ведь так можно было выразиться и в древности — слово *оулица* встречается в Изборнике 1076 года, а выражение *оулицамъ града* есть в церковнославянской Библии (Есфирь). Очевидно, переводчики Синода в семантике слова *стогна* не разобрались — и, между прочим, пришли в противоречие с пушкинским пониманием, недвусмысленно ясным из описания затопленного наводнением Петербурга в «Медном всаднике» (1833):

Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улиды...

Видимо, на основании этого места «Словарь языка Пушкина» (т. 4, М., 1961) дает для всех семи случаев употребления имени *стогна* единое объяснение — «площадь». Вскоре после этого 17-томный Словарь современного русского литературного языка (т. 14, М.—Л., 1963) существенно изменил объяснение, заголовочной формой слова стало множественное число: *стогны*, со значением «площадь, широкая улица» — в единственном числе! Конечный этап лексикографической судьбы этого слова заключается в том, что в регулярно переиздающемся Институтом русского языка АН СССР Словаре русского языка С. И. Ожегова оно вообще отсутствует, и на вполне законных основаниях, так как нельзя требовать, чтобы одитомный словарь современного языка включал в себя архаизмы. Включили его в свой Словарь трудностей русского языка (М., 1981) Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова,

но без толкования. Действительно, в затруднительное положение поставлены читающие и переводящие не только Пушкина, но и Баратынского:

На стогнах тишина! сияют при луне
Дворцы и башни Петрограда.

Послание к б(арону) Дельвигу, 1820

Стояла ночь уже давно.
Градские стогны опустели...

Цыганка, 1831;

а также Н. П. Огарева:

Безмолвны стогны, всюду тишина

Кремль, 1839

Безмолвны стогны и палаты

Юмор, 1841

Засвидетельствованное Л. В. Щербой состояние, когда *стогны* — это «просто даже непонятно» в аудитории филологического факультета, возникло не вдруг. Слово стало постепенно выходить из употребления уже при жизни Пушкина, в языке Лермонтова оно не встречается ни разу. После Крымской войны повсеместно нарастал интерес к материалистической философии и публицистике революционных демократов, а церковнославянская начитанность русского общества неуклонно шла на убыль. «В значительной мере живые слова» пушкинского поколения читателей отсутствовали в начале XX века даже в пассивном словарном запасе молодых кандидаток в преподавательницы русского языка, если эти слова были живы только церковным употреблением. Словарь Даля, замечательный богатством наблюдений над живой речью, какой она была во второй половине XIX века, для слова *стогна* не сообщает ничего более позднего, чем ломоносовское двустипение *Тогда великий град Петров В едину стогну уместился...* (Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748).

Уже как на курьез стилизации можно указать на фразу из путевых записок москвича Саввы Мамонтова, оказавшегося в 1888 году в Вене: «Мы пошли по стогнам града среди чуждых нам людей» (Встречи с прошлым, вып. 4. М., 1982).

Попробуем разобраться в значении слова *стогна*, которое, как уже заметил наблюдательный читатель, русские поэты особенно охотно применяли в описаниях ночного города, при изображении душевных состояний, возникающих у бодрствующего человека ночью или при жутком зрелище наводнения, даже если речь идет о Петербурге — городе молодом, без археологического прошлого, применять к которому древние, вымершие слова может

на первый взгляд показаться рискованным анахронизмом. Но нет же, в контексте «Воспоминания» древность слова удачно подчеркивает, что развиваемая в стихотворении философская проблема является проблемой вечной.

Начинать историю слова можно было бы с индоевропейского *stigh «идти», откуда греческое steichō «иду в строю» и его производное stichos «стих»; сюда же относится германское *stiga-z, давшее жизнь немецкому существительному Steg «тропинка». Тот же корень — в *стежках* (-*дорожках*) и, вероятно, даже в таинственном *зга*, сохранившемся только в выражении *ни зги не видно*. Существует много версий объяснения *зги*, но основным продолжает оставаться предположение о родстве со *стежкой*, которая становится неразличимой при наступлении сумерек. Ср. у Гомера:

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Одиссея, XV, пер. В. А. Жуковского

Однако в рассматриваемом нами случае Пушкин имел в своем языковом сознании вовсе не эти соображения, его чувство языка опиралось на контексты из Библии. Быть может, в момент работы над «Воспоминанием» сказались и собственные занятия с библейской Песнью песней (см.: Мурьянов М. Ф. Пушкин и Песнь песней.— Временник Пушкинской комиссии 1972. Л., 1974), где фраза *во градъ, и на торжищахъ и на стогнахъ* находится в ирреальном контексте горестного «сна наяву» (Песнь песней 3, 1—5), по противоположности сопоставимого с мучительной бессонницей «Воспоминания».

Начиная с кирилло-мефодиевской эпохи в переводах текстов, содержащих существительное *стогна*, накапливались противоречия. Получилось так, что этому славянскому слову соответствуют разные слова греческого оригинала *plateia*, *rhymē*, *agoga*, *agya*, за которыми находились существенно различные градостроительные реалии. Это затрудняло не только славянских, но и всех других переводчиков. Ведь улица, как и площадь,— понятие далеко не единообразное, если сравнивать облики городов древнего Средиземноморья, а тем более если к сравнению привлечь города славянского мира, от Балкан до Новгорода. Поэтому древнеславянское *стъгна* (вариант Супрасльской рукописи XI века — *стъгда*) развило в себе обобщающее значение, которое в равной степени могло подразумевать и улицу, и переулок, и площадь, и перекресток. В современном русском языке такого обобщающего слова нет, но пушкинская эпоха его имела, в этой роли выступало *стогна*.

Пушкин чаще всего связывал это слово с далеким прошлым, он трижды применил его в картинах Киева времен князя Влади-

мира Красного Солнышка:

Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстает...
...Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни...
...Но по граду
Могучий богатырь летит...
По стогнам шумным в княжий дом.

Руслан и Людмила, 1920, песь VI;

однажды — в картине древнего Новгорода:

...Являлся я в домах, на стогнах и на вече.
Вражду к правительству я зрел на каждой
встрече...

Вадим, 1822;

а также в картине Египта времен Клеопатры: «Темная, знойная ночь объемлет африканское небо; Александрия заснула; ее стогны утихли, дома померкли. Дальний Фарос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовье спящей красавицы» (Мы проводили вечер на даче).

Итак, мы теперь знаем о *стогнах града* больше, чем можно найти о них в существующих словарях. Однако реальный контекст иногда содержит дополнительные оттенки значения, в словарные толкования вообще не вмещающиеся, что как раз имеет место в случае с пушкинским «Воспоминанием». Вернемся к тому, с чего мы начали.

На *стогны града* по окончании дня *наляжет ночи тень* — это понятно. Но ведь *наляжет и сон, дневных трудов награда*, что может вызвать недоумение: ведь ночью на собственно улицах, площадях, переулках, перекрестках нет никого, эту награду приемлющего, они пусты. Недоумение снимается зорким замечанием Л. В. Щербы в названных «Опытах лингвистического толкования...» по поводу эпитета к *стогнам града*: «*Немые* на первый взгляд может представиться стереотипной метафорой; однако на самом деле оно гораздо значительнее: улицы, площади, дома — *немые, молчащие, не говорящие, но что-то знающие...*». В *стогны града* входят и сами дома! Иначе говоря, понятие *стоги* в данном случае оказывается не пустотой между фасадами противостоящих зданий, а сплошной территорией города. Это вполне согласуется со смыслом контекста. Надо полагать, именно так понимал эту строку Пушкин.

М. Ф. МУРЬЯНОВ,
кандидат филологических наук
Рисунок В. Комарова

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3; 1982, №№ 1—2, 4, 5; 1983, №№ 2, 5; 1984, №№ 1, 6

Шукин. Отчество у нецерковного имени Шука, которое было очень частым у русских в XV—XVII веках, а как параллельное — и позже, отсюда и частота фамилии.

Щуплов. Фамилия связана с прилагательными *щуплый* — «хилый, дряблый, вялый».

Элевтеров. Фамилия книжного происхождения. Ее основа — древнегреческое слово *элевтерия* — «независимость».

Электринцев. Новая фамилия. Образована она искусственно по образцу фамилий на *-инцев* (Звягинцев) из основы *электринец*, вызывающей смутную ассоциацию с электричеством.

Эрастов. Отчество от канонического мужского личного имени Эраст (из древнегреческого *эрастос* — «прелестный, милый»). Как имя, так и фамилия были очень редкими у русских, поэтому чаще встречались в форме Эрастов.

Эсаулов. Фамилия записана в Воронеже и Кирове. Ее основа — *эсаул* (нередко в написании *есаул*, *асаул*) — офицерский чин в дореволюционных казачьих войсках.

Юбочников. Отчество в форме притяжательного прилагательного от именования отца *юбочник*. Слово существовало в двух совершенно различных значениях: портной, который шил юбки, и любитель «поволочиться за юбками», т. е. поухаживать за женщинами.

Юдин. Отчество «сын Юды»: Юда — общенародное произношение церковного мужского имени Иуда, в прошлом нередкого и у русских (позже вышло из употребления).

Юджин. Отчество от уничтожительной формы Юдка из Юда.

Южаков. Отчество от именования отца *Южак* — *южаками* называли жителей побережья реки Юг (Вологодская и Кировская области).

Южиков. В основе фамилии давно забытое слово *южик* — «родственный, свойственный» (Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847).

Южин. Вероятная основа — глагол *южить* — «визжать, плакать». Но не исключена связь с *юг*, *южный*.

Юкин. От *юкать* — «стучать, ударять».

Юлдашев. Русская фамилия, образованная суффиксом *-ев* (образующим притяжательные прилагательные от основ с мягким согласным в финале, в данном случае — после *ш*) из тюркского *юлдаш* — «друг, товарищ, спутник» (татарск. форма *юлдаш* от слова *юл* — «дорога»).

Юлин. Наиболее вероятная основа *юла* — прозвище из глагола *юлить* — «метаться туда-сюда», а также «лестить, хитрить».

Юмашев. Основа фамилии, по-видимому, связана с диалектным словом *юмаш* со значением «мучная похлебка». В русских говорах на реке Урал его записал Н. М. Малеча (рукопись хранится в библиотеке имени В. И. Ленина).

Юнусов. Юнус — арабская форма древнееврейского имени Иона, принесенная мусульманством многим народам. Отчество от этого имени образовано под влиянием русского языка в форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-ов*, то есть «потомок Юнуса» (у казахов — Жунусов: *й > ж*).

Юрин. Возможно, отчество от уменьшительной формы *Юра* (из *Юрий* — разновидность основного имени *Георгий*), но в период образования русских фамилий употребление этой формы не было распространено. Вероятней связь с глаголами *юрить* — «спешить, метаться, суетиться, торопиться», корень с этим значением сохранился в прилагательном *юркий*.

Юрков. Отчество от именованья *юркбй* (архаич. форма) в современном понимании *юркий* — «быстрый, проворный, пронырливый».

Юрлов. Этимология не найдена. Может быть, читателям журнала удастся найти основу *юрло*; она могла быть связана

с глаголом *юрить* (см. Юрин).

Юров. Древнерусское слово *юр* означало «видное, возвышенное или бойкое место».

Юрьев. Фамилия кажется совсем простой: отчество от мужского личного имени Юрий. Но такого имени православная церковь не допускала, в святцах оно отсутствовало и, следовательно, ни один русский не мог его носить — крещение было обязательным. Церковное имя — Георгий из древнегреческого *георгиос* — «земледелец». В народе это имя употреблялось в форме Егор. А князья-варяги приняли его в скандинавской форме Гюрги, которая на русской почве приобрела форму Юрий. Только очень поздно, к XIX веку имя Юрий стало широко употребляться. В наше время три формы одного имени превратились в самостоятельные имена, и только для представителей самого старшего поколения имя Георгий — Егор — Юрий доставляет неприятности с документами, в которых нет единообразия записи. Самая частая фамилия Егоров, реже — Юрьев и еще реже — Георгиев.

Юсов. В старом русском афавите существовали буквы *юс большой* и *юс малый*, которые были непросты в употреблении. Названия этих букв могли стать своего рода символом судейской и вообще канцелярской волокиты и взыточничества. Но возможен и другой источник фамилии: латинское слово *ius* — «право» (из него и наш термин *юстиция*). От времени возникновения фамилий нас отделяют столетия, и теперь трудно судить, какой из этих источников надежнее.

(продолжение следует)

В. А. НИКОЛОВ

**РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В ТАДЖИКИСТАНЕ»**

В октябре 1984 года в Душанбе состоялась республиканская научно - практическая конференция «Проблемы двуязычия и совершенствование обучения русскому языку в Таджикистане», организованная Институтом языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР и Таджикским педагогическим институтом русского языка и литературы. В работе конференции приняли участие представители лингвистических институтов АН СССР, АПН СССР, АН ТаджССР, органов народного образования республики, вузов Средней Азии и Казахстана.

Открывая конференцию, ректор Таджикского педагогического института русского языка и литературы В. И. Приписнов отметил важность рассматриваемых на конференции проблем в свете последних решений партии и правительства, направленных на улучшение изучения и преподавания русского языка в союзных республиках нашей страны.

С приветствием к участникам конференции обратился

министр высшего и среднего специального образования ТаджССР Х. Д. Давляткадомов. Знаменательно то, сказал он, что настоящая конференция проходит в дни 60-летия образования ТаджССР и Компартии Таджикистана. Эти годы свидетельствуют о тесном сплочении таджикской социалистической нации с другими нациями и народностями нашей многонациональной страны. Немаловажная роль в этом принадлежит русскому языку — мощному средству межнационального общения.

На пленарном заседании был заслушан ряд докладов, в частности: «Актуальные проблемы билингвизма: вопросы теории и практики» (М. И. Исаев, Москва), «Русский язык как фактор взаимообогащения литератур народов СССР» (С. Д. Холматова, Душанбе), «Место сопоставительных исследований в формировании профессиональных навыков учителя русского языка в таджикской школе» (М. Н. Абдуллаева, Т. Б. Пушкар, Душанбе), «Особенности лингвисти-

ческих курсов в системе подготовки учителей русского языка и литературы для национальной школы» (Э. Н. Кушлина, Душанбе), «Место межпредметных связей в обучении русскому языку и литературе в таджикской школе» (М. М. Абдувалиева, Ленинабад).

Большинство докладов на конференции было направлено на решение актуальной задачи современности — совершенствования преподавания и изучения русского языка в союзных и автономных республиках нашей страны.

Были обсуждены вопросы методики преподавания лингвистических дисциплин; соотношение и объем курсов русского языка в национальном вузе. Участники конференции подчеркивали необходимость создания академического фундаментального труда — теоретической нормативной грамматики для национальных вузов.

Республиканская научно-практическая конференция призвала учителей, препода-

вателей языка высших и средних специальных учебных заведений, научные кадры республики расширять изучение проблем функционирования русского языка в Таджикистане; уделять пристальное внимание вопросам билингвизма, взаимодействия и взаимовлияния русского и таджикского языков, преподавания и изучения русского языка в средних школах и вузах.

Участники конференции выразили уверенность в том, что ученые Академии наук ТаджССР, преподаватели вузов и школ республики выполнят те задачи, которые поставлены перед ними XXVI съездом КПСС, сформулированы в решениях партии и правительства, направленных на совершенствование изучения и преподавания русского языка в нашей стране, а также в «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

М. В. ОРЕШКИНА

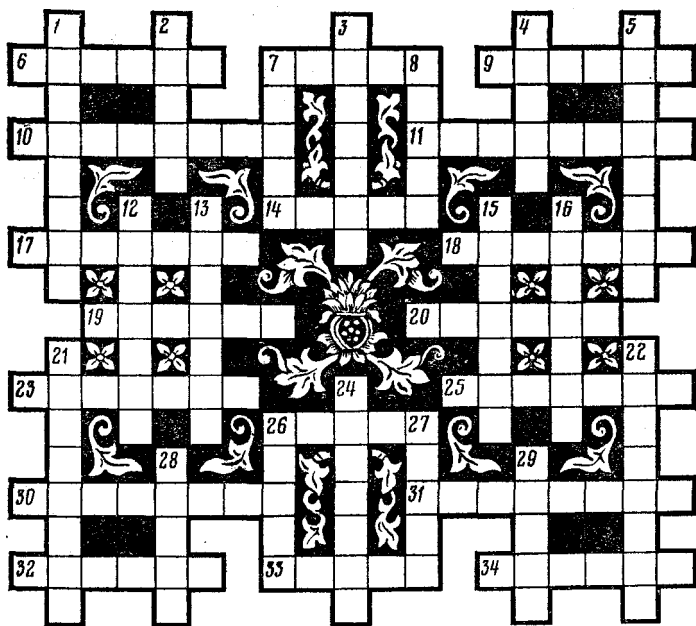
ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как надо произносить — *раздъл* или *рбздал*?»

В. И. Листова, Ленинабад

Раздъл и допустимо устаревающее *рбздал*.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Новелла П. Мериме. 7. Стихотворение А. С. Пушкина:

Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

9. Сказка Г.-Х. Андерсена. 10. Языковед. 11. Одно из вежливых обращений к женщине в прошлом. 14. Имя сестры князя Андрея в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. 17. Персонаж романа К. Симонова «Дни и ночи». 18. Поэма С. Есенина. 19. Русская советская писательница. 20. Монументальное произведение, повествующее о значительных исторических событиях. 23. Английская писательница, автор романов «ужасов и тайн». 25. Герой романа Л. Соболева «Капитальный ремонт». 26. Памятник легендарно-апокрифической литературы Древней Руси. 30. Название, которое носила философская школа Платона. 31. Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Подросток». 32. Литературные сборники, издававшиеся в Петербурге при деятельном участии

М. Горького. 33. Ревностный приверженец какого-либо учения. 34. Русский писатель конца XI—XII вв. По вертикали: 1. Персонаж романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок». 2. Рассказ А. П. Чехова. 3. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». 4. Первый русский литературный альманах, издававшийся Н. М. Карамзиным в Москве. 5. Герой романа А. Н. Степанова «Порт-Артур». 7. Персонаж романа Н. Островского «Как закалялась сталь». 8. Имя служанки в «Барышне-крестьянке» А. С. Пушкина. 12. Опера А. С. Даргомыжского по произведению А. С. Пушкина. 13. Персонаж романа И. С. Тургенева «Ночь». 15. Русский советский поэт. 16. Действующее лицо пьесы М. Горького «Дачники». 21. Молодая вдова, помещица в пьесе А. П. Чехова «Иванов». 22. Цикл повестей Н. В. Гоголя. 24. Русский поэт, прозаик, критик, участник кружка Петрашевского. 26. Русская народная песня. 27. Советский актер, исполнивший главную роль в фильме по пьесе В. Шекспира «Король Лир». 28. Персонаж романа А. Фадеева «Разгром». 29. Фамилия разведчика из экранизированного романа Ю. Семенова.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ «ОВЕЧКА» И «КУКУШКА»

Общесоюзные субботники, приурочиваемые ко дню рождения В. И. Ленина, являются живой черточкой коммунистического завтра. Эту черточку будущего тогда же, в пору первых субботников, оценил и поддержал В. И. Ленин в статье «Великий почин» (1919): «Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма...»

Первый в стране коммунистический субботник состоялся в субботу 12 апреля 1919 года, когда пятнадцать коммунистов депо Москва-Сортировочная отремонтировали три паровоза, в том числе паровоз серии «О» — «овечку». Что же это за «овечка», с ремонта которой начались «красные субботы»?

Паровозы серии «О» — глава в истории русского железнодорожного транспорта, а название «овечка» — факт русского литературного языка, и этот факт также имеет свою историю.

Паровозы строились в России более ста лет — с 1846 по 1956 год. Были построены тысячи тягачей — разного назначения, разной мощности, разного технического уровня. Строились они сериями, и чтобы навести в обозначении этих серий порядок, каждой из них в 1912 году был присвоен буквенный индекс, для чего воспользовались русским алфавитом. Для уточнения специальных характеристик серий применялись дополнительные буквенные обозначения. Так появились локомотивы «О» — товарные паровозы серии «О» — «овечки».

Паровозы серии «О» были основным типом товарных локомотивов в железнодорожном парке страны. И хотя их производство прекратилось тогда, когда вводились буквенные индексы — перед

первой мировой войной, паровозов этой серии было произведено столько, что они еще десятилетиями несли тяговую службу. Среди паровозов старых серий («ижица», «мальчик», «щучка» и т. д. — почти каждая серия имела в среде железнодорожников свое неофициальное наименование) «овечки» оказались долгожителями — с ними в этом смысле могли сравниться разве «кукушки» (маневровые паровозы серии КУ). Неудивительно, что паровозы этих серий «поселились» на страницах художественных произведений: «Маленький паровоз „кукушка“, посыпывая, сновал по путям...» (Фадеев. Последний из удаге); «Где-то лязгало железо, ухал паровой молот, можно было различить и резкий, крикливый голос станционной „кукушки“» (Горбатов. Донбасс); «Сомневаясь, чтобы скромная, в рабочем просторечии *овечка* потянула бронированный состав в полтысячи тонн, Сережа выскочил на собрании с горячим призывом дать паровоз помощей...» (Леонов. Русский лес); «Старый маленький паровоз „овечка“ проходит за шлагбаумом. Он тащит один вагон...» (Панова. Времена года).

В названиях «овечка» и «кукушка» проявился особый словообразовательный способ: стремление превратить условное, неудобное для повседневного употребления буквенное обозначение предмета в слово. Этот способ «работал» и «работает» не только в сфере железнодорожного словоупотребления: подводная лодка серии «К» (-крейсерская) — *катюша*: «Лодка типа „Д“ уже старушка. А «катюши» — великолепные подводные крейсера» (Колышкин. В глубинах полярных морей), самолет «У-2» — всем известная «уточка». Эти вторичные, неофициальные названия рождались и в основном употреблялись в профессиональной среде; редкие из них перешли в общую речь.

Поскольку истинное значение индексов «О» и «КУ» было и остается известным только специалистам, «овечками» и «кукушками» в среде непрофессионалов со временем стали называть вообще паровозы старой постройки (не обязательно указанных серий), не работающие на магистралях, обреченные развитием локомотивостроения на вспомогательную службу. Вместе с паровозами, уходящими в прошлое (ныне немногие из них остаются на колесах), историзмами становятся и неофициальные названия «овечка» и «кукушка». Но эти названия — живые слова нашего недавнего прошлого (им лет по семьдесят) и, не зная их, уже трудно понять некоторые строки советской художественной классики.

Е. А. Левашов,
кандидат филологических наук
Ленинград

■ ОТКУДА КУДА В «КУДА БОЛЬШЕ» (ГОРАЗДО БОЛЬШЕ)?

О таком «необычном, непонятном», по словам читателя, употреблении слова *куда* «Русскую речь» просит рассказать Т. П. Петрик из Львова.

В русском языке значение интенсивности проявления признака выражается словами, основу семантики которых составляет понятие предела.

В обычном употреблении вопросительно-относительное наречие *куда* связано с указанием на цель или предел какого-либо движения или действия. Сравните: *Куда ты едешь? В Москву. Куда собрались? На дачу едем.* В этих примерах слова *Москва* и *дача* называют «внешнюю» цель поездки и одновременно обозначают предел движения субъекта.

Ср. также «[Григорий:] *Куда ведет* эта дорога? [Хозяйка:] *В Литву*, мой кормилец, к Луёвым горам» (Пушкин. Борис Годунов); «— И *куда* такая пронасть *выходит* говядины? Покупаешь-покупаешь, а как ни спросишь — все нет да нет...» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «Не курьез ли: чистим город и в этот же день под сурдинку валим мусор *в места, куда* завтра *пойдем отдыхать*...» (Комсомольская правда, 1984, 19 апр.).

Примечательно, что наиболее отчетливо признак предела в наречии *куда* (не утратившем полностью пространственного значения) ощущается тогда, когда оно употребляется в качестве синонима к *некуда*, нередко входя при этом в сочетание с формой сравнительной степени наречия:

«— Ты написал об этом? — спросил я. — Нет, — ответил Аркадий, — частный случай, *куда его вставишь*» (Литературная газета, 1982, 31 марта).

Из сказанного понятно, почему и в каких условиях контекста наречие *куда*, самостоятельно или вместе с частицей *как* (*куда как*), подобно другим словам с предельным или «сверхпредельным» значением, используется в качестве синонима к слову *очень* (см.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969).

В современном речеупотреблении *куда как* и *куда* выражают различные оттенки интенсивного проявления признака: *куда* реализует сравнительно-относительное значение — «гораздо, намного», поэтому обычно сочетается с формой сравнительной степени; *куда как* выражает абсолютное (то есть безотносительное) усиленное значение — «очень, весьма», поэтому обычно сочетается с исходной, «положительной», формой наречия. Например:

«Вот говорят, у хирургов железные сердца в смысле эмоций — неправда. Хирурги переживают *куда больше, сильнее*, чем при-

пято о них думать»; «Конечно, куда (ср. *гораздо*) проще выполнять указания: сказали — сделал, а там хоть трава не расти» (Неделя, 1984, № 6); «Но в спорах о преподавании литературы все эти годы *гораздо сильнее* звучали голоса негодующие, критикующие, отрицающие и отвергающие. Что же касается программы позитивной, то о ней говорилось *куда меньше*, а главное, *чаще всего* лишь в форме благих пожеланий и призывов» (Комсомольская правда, 1984, 1 февр.), — этот пример дает возможность увидеть, что *куда* в сочетании со сравнительной степенью наречия более экспрессивно и эмоционально, чем такое же сочетание с *гораздо* или *всего*; «Вместо деловой конкретной помощи работники РАПО да и областного агропромышленного объединения пока еще *куда охотнее* прибегают к различного рода рекомендациям, инструкциям, сборам данных, сводок» (Известия, 1984, 27 янв.); «Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня... Кружимся, рыскаем и поздней уж порой, Двух зайцев протравив, являемся домой. *Куда как* (ср. *очень*) *весело!*» (Пушкин. «Зима. Что делать нам в деревне?»).

Иногда, впрочем, *куда как* используется на месте *куда* — также в значении «намного, гораздо»: «И все же, надо сказать, репертуар у Беляева был побогаче... В студии выбор был *куда как скромнее*» (Известия, 1984, 4 мая).

В свою очередь, в русском литературном языке XIX века наречие *куда* в значении «очень» употреблялось и без частицы *как*. Например: «Оно, пожалуй што, *куда складно* слова-то у стариков выходят, когда они об соблазне толковать начнут; а сами небось тоже в старину-то не очень на соблазн-то глядели»; «А *куда* (ср. *очень*) *трудно*, говорят, им через ножи-то перекидываться, особенно поначалу...» (Левитов. Степная дорога ночью).

Так же, как и в русском литературном языке XIX века, в современной речи *куда* и *куда как* присоединяются не только к формам наречий, но и прилагательных (полных и кратких). Например:

«Многие достигли *куда большей* правды и натуральности, чем та, что была в розовских спектаклях, и все же требовалось что-то еще» (Литературная газета, 1984, 28 марта); «По тому, как развивались события, особенно в середине матча, сюжет игры обещал быть *куда более запутанным*, но его упростили сами автозаводцы» (Советский спорт, 1984, 26 янв.); «Тут... речь идет о преднамеренных действиях, последствия которых, видим, *куда как серьезны*» (Комсомольская правда, 1984, 19 апр.).

Итак, как свидетельствуют приведенные примеры, куда и куда как так же, как и очень и враздо, выражают «усиленное» проявление признака. Делают это, однако, они более выпукло и ярко.

Н. А. Луценко,
кандидат филологических наук
Донецк

■ НЕ СВЕТИТ И СВЕТИТ

Часто в разговорной речи можно услышать такие фразы: *Мне не светит отпуск в июне или не светит нам премия*, и понимаешь, что что-то не намечается, не произойдет, а если говорят: *Мне светит путевка, светит поездка* и т. д.— ожидается что-то приятное, привлекательное. В романе К. Симонова «Солдатами не рождаются» я встретил такое же употребление этого выражения: «Орден за участие в разработке операции мне теперь, конечно, *не светит*, и очередное звание мимо проехало...»

Прошу рассказать о словах *светит — не светит*, употребляемых в смысле „везет” — „не везет”».

И. А. Морозов. Псков

Понять происхождение этого оборота помогает отмеченная в некоторых русских говорах (в частности, костромских) полная его форма — *ясный месяц не светит кому-либо* — нет везения в жизни.

Известно, что время нарождения нового (*ясного*) месяца издавна считалось благоприятным для любого рода начинаний. Так, *если снопы вязать под полную луну — амбары будут полнее; дождь на полнолуние — к хорошей погоде; ребенок родился на полный месяц — будет счастливым*. По древним представлениям, что и отражено в приведенных народных приметах, полнолуние способствовало благополучию человека. Оно как бы «активизировало» положительные силы. Подобное суеверие берет свое начало в те далекие времена, когда древний человек зависел не только от солнечного, но и от лунного календаря. Луна (ночное светило) «помогала» в осуществлении ряда хозяйственных операций и прежде всего, очевидно, — в передвижении, в промыслах. Роль ее была настолько высокой, что постепенно луна становится и предметом языческого обожания и почитания; наряду с солнечным сформировался лунный культ. Отголоски языческих молений, обращенных к луне, видны, например, в любовных заговорах типа — *уйди за тучи, месяц ясный, чтобы разлучник дорогу не увидел*».

В настоящее время свет *ясного месяца* осознается лишь как условный положительный символ (а соответственно отсутствие месяца — как символ негативный). Это особенно касается фольклорной символики; ср. в частушке: *Посвети-ко, месяц ясный, посвети-ко, новенькой, посвети-ко той дорожкой, где мой ходит родненькой*. Этот же символ — и в песне «Услышь меня, хорошая...» на стихи знатока народной символики М. Исаковского — «...в небе месяц светится, чтоб нам с тобою встретиться».

Следовательно, говоря о везении или невезении *светит* — не *светит*, мы опираемся на древнее поверье. Можно добавить, что в псковских говорах (что отмечено в Словаре русских народных говоров) до сих пор бытует выражение *какая луна взойдет (зайдет)* — то есть как повезет, а также — какое будет настроение.

И. А. Подюков,
кандидат филологических наук
Пермь

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 6. «Кармен». 7. «Арион». 9. «Огниво». 10. Лингвист. 11. Сударыня. 14. Марья. 17. Сабуров. 18. «Пугачев». 19. Панова. 20. Эпопея. 23. Радклиф. 25. Ливитин. 26. Палей. 30. «Академия». 31. Версифик. 32. «Знание». 33. Адепт. 34. Нестор.

По вертикали: 1. Сабитжан. 2. «Нервы». 3. Мизгирь. 4. «Аглая». 5. Звонарев. 7. Артем. 8. Настя. 12. «Русалка». 13. Соломин. 15. Луконин. 16. Калерия. 21. Бабакина. 22. «Миргород». 24. Плещеев. 26. «Пряха». 27. Ярвет. 28. Мечик. 29. Исаев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ,
П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ
(главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь),
Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Н. И. ТОЛСТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.12.84	Подписано к печати 08.02.85	Т-02721
Формат бумаги 83×108 ¹ / ₃₂	Печать высокая.	Усл. печ. л.
Усл. кр.-отт. 523,5 тыс.	Уч.-изд. л. 9,5	Бум. л. 2,5
	Зак. 845	Тираж 60 800 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/12. Телефон: 702-65-25
2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6